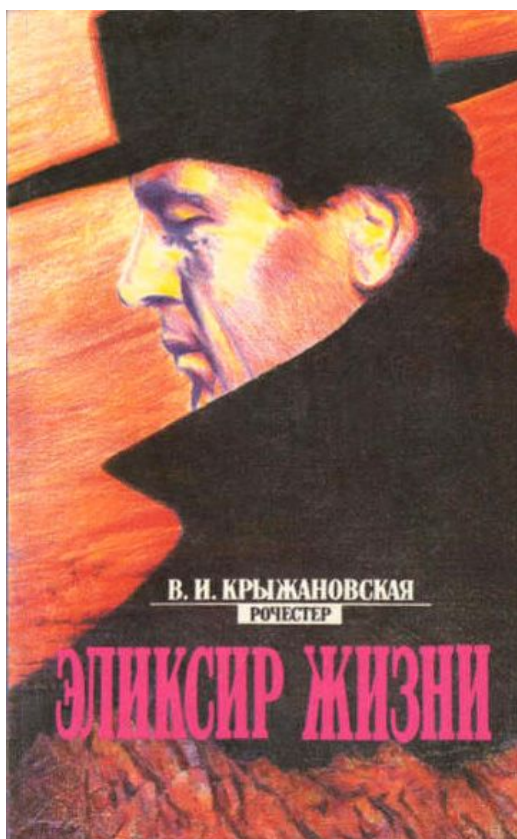

Крыжановская В.И. - Эликсир жизни
Книга первая

84К1-4 К85

Печатается по: Крыжановская В. И. Эликсир жизни. — Берлин, Издательство Ольга Дьякова и Ко.

Художественное оформление Э. ЗАРИНЬША

Крыжановская В. И. К85 Эликсир жизни.—2-е изд., испр. — Рига: Виеда,

В. И. Крыжановская — автор нескольких оккультных романов в своей книге «Эликсир жизни» пишет о взаимозависимости скрытых сил в человеке и в космосе, доступных лишь для «посвященных». Не признавая эти силы, не зная законов причинно-следственной связи (кармы) в природе, человечество рискует прийти к печальному финалу.

Писательница рассказывает о тайных, сокровенных (оккультных) знаниях через мистическое посвящение своих героев.

Люди воображают, что можно безнаказанно пренебрегать законами природы, так как человеческое правосудие молчит, а небесное мщение не обрушивается тотчас же на головы виновных; но они быстро изменили бы свое мнение, если бы могли видеть отвратительную и ужасную картину невидимого мира, объемлющего их со всех сторон, и если бы понимали причину стольких бедствий, которыми поправная природа молча, но жестоко мстит им.

1991.

271 с.

4702010101 М817(09)-92

92

84 К1-4

ISBN 5—085745—023—3

© «Виеда», 1992 © Э. Зариньш, художественное оформление, 1992

Вместо предисловия

Более полувека назад многие зачитывались оккультными романами В. И. Крыжановской. Позднее в угоду коммунистической идеологии они, как и многие другие книги, попали под запрет и были преданы забвению. Сегодня же произведения В.И. Крыжановской вновь предлагаются вниманию читателей.

Не все в ее литературном наследии бесспорно и равнозначно, но мы надеемся, что читатель сам сумеет отделить зерна от плевел.

Критично оценивая творчество известной в свое время романистки, Елена Ивановна Рерих писала: «Ведь и книги Крыжановской сделали свое доброе дело. Наряду с немалой пошлостью, книги эти содержат истинные жемчужины» (Письма Е.И. Рерих, 1940, т. 1, с. 338). И далее: «Несомненно она (В.И. Крыжановская. – Прим. ред.) достойна уважения, ибо книги ее принесли свою пользу. Также несомненно, что ее серия «Маги» несравненно талантливее и богаче верными сведениями, нежели произведения многих позднейших романистов на оккультные темы» (т. 2, с. 134). «Я не против того, – продолжает Е. И. Рерих, – чтобы читались книги Крыжановской, Сент-Ив Д'Альвейдера и Шюре и вообще сочинения такого порядка. Многим сознаниям, чтобы загореться, нужна увлекающая их фантастичность. Ничего умаляющего о таких сознаниях сказать нельзя. Они не могут удовлетвориться серой обыденщиной и инстинктивно чувствуют, что где-то существует иная и прекрасная действительность, потому и тянутся ко всему необычному. И они правы, ибо существует реальность, которая превышает человеческое воображение, но она настолько удалена от наших ограниченных земных представлений, что никакая фантазия не может вместить ее полностью. Но в поисках необычности и фантастичности мы не должны сходить с точки на прочной основе истинной красоты. Но горе в том, что большинство еще понимает красоту в пышности и сусальности роскоши, в ужасающей пошлости и убогости мысли» (т. 2, с. 370).

Издательство «ЭНИО», приступая к переизданию романов В.И. Крыжановской, исходило именно из того, что «многим сознаниям, чтобы загореться, нужна увлекающая их фантастичность».

В серию романов входят пять книг: «Эликсир жизни», «Маги», «Гнев Божий», «Смерть планеты» и «Законодатели», – которые будут выпускаться в трех томах.

Глава первая

В одном из удаленных от центра кварталов Лондона стоял старый, но прочный еще дом, к которому прилегал обширный сад. В третьем этаже дома, относившегося ко временам Кромвеля и сохранившего суровый и пуританский вид той эпохи, квартиру занимал доктор Ральф Морган, как гласила медная дощечка, прибитая к почерневшей дубовой двери.

Эта квартира состояла из передней, столовой, кабинета и спальни. Все комнаты были очень просто, но уютно обставлены и имели то неоценимое для жильца преимущество, что окна их выходили в сад. Доктор любил тишину и зелень, предпочитая дальнюю ходьбу, хотя бы даже в дурную погоду, жизни в шумном центре, с его треском, суетней и тоскливым видом на крыши и на сотни труб.

Была чудная августовская ночь, такая тихая и теплая, что в рабочем кабинете доктора было открыто окно. За большим письменным столом сидел сам хозяин квартиры и читал у лампы с зеленым абажуром большую книгу в изношенном переплете.

Доктор Морган был молодой человек лет тридцати. Он мог бы считаться даже красавцем, если бы страшная худоба и болезненная бледность не обезобразили его. Он был высок и хорошо сложен; густые, золотисто-каштановые волосы и коротенькая борода, чуть темнее, обрамляли его тонкое с классически правильными чертами лицо; большие глаза, строгие и задумчивые, были неопределенного цвета: в минуты покоя серовато-голубые и темные при малейшем волнении. Вообще взгляд его отличался необыкновенною подвижностью и отражал всякое душевное движение.

Обстановка кабинета указывала, что Ральф был человек ученый и работающий. Обширная

библиотека и множество полок были завалены книгами, журналами и связками брошюр не только по медицине, но и по всем остальным отраслям человеческого знания.

Доктор мог свободно зарываться в книги и предаваться своим занятиям, так как пациентов у него почти не было, средства же к жизни давало ему хорошо оплачиваемое место, которое он занимал при большой психиатрической больнице.

Ральф довольствовался своим положением, тем более, что его слабое здоровье побуждало его вести тихий и правильный образ жизни. Но если он имел мало занятий как доктор, то тем больше работал его пытливый ум: недаром же он ежедневно сталкивался с необъяснимой проблемой – безумием. Постоянное соприкосновение с этим неуловимым злом, которое не поддается до сих пор научному исследованию, но подтачивает здоровье человека, и побудило доктора искать разрешения этой тайны.

Но тщетно он перелистывал сочинения практической науки и перерывал труды мистиков и алхимиков. Ни работы ученых психиатров, ни темные формулы Парацельса не дали ему ключа от тайны. Всюду, точно сквозь туман, он видел что-то неопределенное и чувствовал законы, которые должны были быть, но механизм которых тонул во тьме, и рассеять ее он был не в силах. Одно он считал доказанным, а именно, что существуют невидимый ток, астральное излучение, поддерживающие обмен веществ между всеми живыми существами, имеющие решительное и могущественное влияние на организмы. Но как действовали эти невидимые силы и какие законы управляли ими – оставалось тайной, и доктор с горечью убеждался, что даже считающие себя учеными специалистами по этим вопросам, и те, как слепые, беспомощно пока стоят перед этим самым тяжким недугом человечества – помрачением рассудка.

Безумие оставалось той неизвестной и неисследованною областью, которая неудержимо влекла к себе молодого врача, всею душою жаждавшего облегчить участь человечества.

Иногда, после бесплодных усилий над разрешением загадки, вечно ускользавшей у него из рук, им овладевал гнев против этих жестоких законов, окутанных тайной и скрывающих средства, которые несомненно должны существовать для облегчения болезней души.

Сколько уже людей науки посвятили всю свою жизнь изучению этих вопросов, а между тем в области душевных болезней сделано очень мало. Магнетизм и гипнотизм, конечно, помогали иногда, но, по-видимому, случайно.

И не раз Ральф спрашивал себя, почему жизнь человеческая является зачастую сплошной тяжелой агонией? Драгоценное, оживляющее человека дуновение исчезает как будто бесследно, остальное же гнивает в земле. Темна цель, для которой рождаются и умирают миллионы существ, которые борются, страдают, стремятся к неведомой цели и которых смерть, подобно урагану, сметает с лица земли как ненужную пыль.

Оттолкнув книгу о гипнотизме, которую читал, доктор встал, подошел к окну и в раздумье залюбовался усеянным звездами небом.

Как бриллиантовая ткань, расстилалось небо с его Млечным Путем, переходившим в сверкающий туман. Мир за миром, система за системой... Бесконечность полна мириадами гигантских миров, а между тем, по-видимому, не хватает места. Без сомнения, и там, как на земле, смерть косит человечество, которое, подобно полевой траве, зеленеет весной, а осенью увядает и превращается в прах после того, как выполнит свое назначение. Возможно ли, чтобы то же было и с человеческой душой – сознательной и могучей психической искрой? Неужели она так ничтожна, что, блеснув, как блуждающий огонек над зеленым болотом, тухнет навеки, без прошлого и будущего?

Случайно взглянул он на свою руку, державшую еще разрезной ножик слоновой кости, и вздрогнул. Скоро, может быть, эта самая рука будет покоиться, окоченевшая, на его уже бездыханной груди...

– Берегите себя, мой юный друг, - сказал ему старый профессор, его бывший учитель, когда выслушал его несколько недель тому назад. – Ваше сердце нездорово, а легкие повреждены. Вам необходим полный физический и умственный отдых, иначе...

Ральф тяжело вздохнул, отлично понимая, что значило это «иначе». В качестве доктора

он сознавал, что сулят острые боли в груди, беспорядочное сердцебиение, захватывавшее дыхание, слабость и сухой кашель, вызывавший на губах капельки крови.

Он захлопнул окно, сел снова в кресло и закрыл глаза. Им овладел внезапный страх смерти.

Профессору легко было сказать: «Берегите себя! Отдыхайте умственно»! Подобный отдых можно было предписывать только тем, кто не думает и поглощен житейской суетой; но для того, чья мысль работает, чей ум ищет истину, беспрестанно наталкиваясь на сомнение и предположения, подобный отдых невозможен.

И что такое эта смерть, ледяное и уничтожающее дыхание которой стережет человека на каждом шагу, которая отнимает у него любимых существ, привычную обстановку приобретенные знания и ввергает его в неведомое небытие? Живые почитают память покойного статуей или молитвами, а он-то сам, знает ли об этом? Чувствует ли он, страдает ли и продолжает ли любить остающихся в живых? Много странных фактов говорят о «потустороннем» существовании, но ничто не доказывает его научным путем. Явления не вызываются произвольно неизвестными законами, такими же темными, как и мир, которым они управляют.

Ральф вытер влажный лоб, а затем прижал руку к болезненно бьющемуся сердцу. Сколько раз он мучительно боролся с ужасным сомнением: «*быть или не быть?*»

Не раз он спрашивал себя: почему те, кто раньше ушел из мира, не являются просвещать тех, кого любят, если это возможно?

Несколько лет тому назад он потерял свою мать, которую боготворил. Она тоже жила и дышала только им; а между тем она осталась глуха к его отчаянному призыву и ничем не доказала, пережила ли она смерть и любит ли его по-прежнему.

Острая боль в груди и приступ удушливого кашля дали ему болезненно почувствовать, насколько он и сам близок к страшной тайне, именуемой *смертью*.

Тоска и страх перед приближающимся небытием еще сильнее сдавили его сердце. Неужели же нет никакого средства продолжить жизнь и остановить разрушение тела? Вдруг вспомнилось ему, что он читал в одной книге об оккультизме, что существует жизненный эликсир, тайна которого утеряна, но алхимики тщетно искали ее во внутренностях или крови девушек, детей и животных, в растениях и в атмосфере. А между тем магические книги говорят об этом эликсире как о несомненном факте...

О! Если бы можно было найти его; а он несомненно существует, такой жизненный флюид, такая могучая сила, которая работает в органических телах и во всяком живом существе. Это неуловимое дыхание жизни должно быть всюду, как в первичных, так и в самых сложных организмах.

Сильный и резкий звонок оборвал бурные думы доктора. Он выпрямился и стал прислушиваться. Но, должно быть, старый Патрик, его единственный слуга, спал как убитый, так как в прихожей все было тихо.

Минуту спустя звонок повторился. И Ральф встал. Вероятно, кто-нибудь заболел по соседству и за ним прислали; такое хотя и редко, но все-таки бывало. Так как Патрик не подавал признаков жизни, то молодой человек сам открыл дверь.

На лестнице стоял высокий мужчина, закутанный в темный плащ, с широкополой фетровой шляпой на голове. В руках он держал отделанную серебром шкатулку.

– Я имею честь говорить с доктором Морганом? – спросил незнакомец глубоким и звучным голосом.

– Да, это я, к вашим услугам.

– В таком случае, позвольте мне войти. Мне нужно поговорить с вами об очень важном деле, которое глубоко вас интересует.

Незнакомец сложил на стул плащ и шляпу и прошел за Ральфом в его кабинет. Оба сели, и настало довольно продолжительное молчание. Ральф с любопытством осматривал своего гостя.

Это был человек лет тридцати пяти или сорока; хотя он казался сильным и здоровым, но

в эту минуту был очень бледен и, видимо, утомлен. Несмотря на это, ни одной морщины не было на его широком лбу, ни одного седого волоска не светилось в его густых и черных как вороново крыло волосах. Лицо его отличалось чистейшим греческим типом и могло бы служить моделью для статуи Фидия.

Незнакомец задумчивым взглядом смотрел на книги, загромождавшие рабочий стол, и затем поднял на Ральфа свои большие, черные и бархатистые глаза.

– Вы ищете эликсир жизни и хотели бы обладать им?

– Кто вы такой, что знаете мои мысли? – пробормотал тот, вскакивая с кресла.

Таинственный посетитель улыбнулся.

– Садитесь и не бойтесь ничего, – сказал он. – Я вовсе не дьявол, как вы, без сомнения, предполагаете, я такой же человек, как и вы. Между нами только та разница, что вы хотите жить, а я – умереть. Вы жили слишком мало, я – слишком много, и хочу вернуться в пространство. Я явился сюда предложить вам обмен.

Вы располагаете смертью, я – жизнью. Итак, дайте мне немного вашей крови, а я вам дам капли эликсира. Согласны ли вы?

Доктор уже с тревогой смотрел на незнакомца. Очевидно, перед ним находился больной по его специальности, но он не успел еще сообразить, что ему делать в данном случае, как вдруг его странный посетитель рассмеялся таким громким и открытым смехом, что доктор почувствовал себя сбитым с толку.

– Вы считаете меня сумасшедшим и обдумываете, как со мной поступить, чтобы избавиться от моего неудобного визита, – добродушно сказал незнакомец. – Успокойтесь, мой молодой друг. Я – в полном рассудке. Как вам ни кажется невероятным то, что я сказал, это непреложная истина. Я действительно обладаю эликсиром жизни. А теперь поговорим серьезно.

Уже давно ищу я человека, которому мог бы передать мое знание и тайну моей жизни, но все мои поиски были напрасны. Случай обратил мое внимание на вас. Я исследовал и изучил вашу жизнь, ваш характер, ваши стремления; я знаю ваши сомнения и ту жажду знаний, которая мучает вас. Из всего этого я заключил, что вы способнее всякого другого принять мое наследство. Отвечайте же откровенно: хотите вы вечно жить?

Молодой доктор вспыхнул и выпрямился.

– Конечно хочу! Только я сомневаюсь, чтобы вы могли дать мне то, что обещаете. Какую бы славу приобрели вы, если бы действительно обладали средством удерживать человечество на земле.

– Почему вы думаете, что, владея тайной долгой жизни, я пожелал бы воспользоваться ею для приостановки действия мудрого, полезного закона и обременил бы планету миллионами ненужных людей? Ведь благодетели человечества очень редки, и весьма сомнительно, чтобы они пожелали воспользоваться моим средством.

А теперь вот мои условия: я хочу, чтобы вы дали мне немного вашей крови, уже пропитанной флюидом разложения. Так как вы сами доктор, то знаете, что осуждены на смерть: состояние вашего сердца и ваших легких не допускает никакого исцеления обыкновенными средствами. В обмен на эту кровь, которая поможет мне умереть, я дам вам эликсир жизни. Одной капли на довольно большой пузырек будет вполне достаточно, чтобы вылечить вас и дать вам quasi – вечную жизнь. До остального же эликсира никогда не дотрагивайтесь. Берегитесь и никому не открывайте вашу тайну, а также не увлекайтесь желанием населить землю бессмертными людьми. Искушение будет велико, но ваш долг противиться ему. Еще одно слово: если я вам дам эликсир жизни, я завещаю вам также мое знание, состояние и мое имя. Теперь решайте: хотите вы быть моим наследником? Даю вам десять минут на размышления.

Ральф был подавлен.

Мысли, вихрем крутившиеся в его мозгу, причиняли ему острую боль, а сильное волнение отнимало дыхание. Вдруг он встретил умный и энергичный взгляд незнакомца, и к нему сразу вернулось его спокойствие и решимость.

– Я согласен: располагайте мной,- сказал он, вставая и протягивая руку своему странному посетителю. Тот пожал ее и встал.

– В таком случае, вам нужно сейчас же ехать со мной.

– Надолго?

– Это будет зависеть от обстоятельств. По всей вероятности, на несколько недель.

– В таком случае, я попрошу вас дать мне четверть часа времени, чтобы подготовиться и сообщить слуге, что я уезжаю по делам наследства.

– Извольте! Я буду ждать вас на лестнице.

Ральф в одну минуту уложил в ручной чемодан немного белья и пару платья. Затем он разбудил Патрика, сделал необходимые распоряжения и дал ему денег на расходы. Спрятав еще в карман миниатюру своей покойной матери, он вышел к незнакомцу.

Они молча спустились с лестницы, сели в ожидавшую их коляску и отправились прямо на вокзал, где и поместились в поезд, отходивший в Дувр.

Незнакомец занимал отдельное купе, и когда поезд тронулся, он предложил Ральфу поужинать, но взволнованный молодой человек не чувствовал никакого аппетита. Однако его спутник так весело шутил, развязывая корзину с самыми изысканными деликатесами, принесенную его маленьким, коренастым слугой, что доктор успокоился, поел, выпил чудного вина и даже решился наконец спросить, куда они едут.

– На континент, а дальше вы сами увидите, – с тонкой усмешкой ответил незнакомец.

Поездка длилась несколько дней. Они нигде не останавливались дольше того, что было необходимо в ожидании парохода или поезда. Но путешествие было обставлено такими удобствами, что несмотря на свое болезненное состояние, Ральф не чувствовал ни малейшего утомления.

Теперь он знал, что они ехали в Швейцарию, в кантон Валлис. Прибыв туда, они остановились в уединенной деревне у подножия Монте-Роза, и таинственный спутник заявил ему, что они завтра же предпримут восхождение на гору.

Ральф был очень удивлен, но не сделал никакого замечания. Раз уже он отважился пуститься в это приключение, надо было довести его до конца.

На следующий день, одев подходящее к обстоятельствам платье и вооружившись альпийскими палками, оба путешественника двинулись в путь.

Когда они взобрались на первые высоты и воздух заглодел, незнакомец заметил с улыбкой:

– Нам придется провести ночь в ледниках; вы не боитесь замерзнуть, мой юный друг?

Ральф повел плечами.

– Я надеюсь, что перенесу холод, как и всякий другой. Наконец, раз разложение моего тела началось, то не все ли равно, кончится ли оно немного раньше или немного позже? Кроме того, если вы не пациент моей специальности и вам действительно нужна моя жизнь, то вы не дадите мне умереть.

– Ваше мужество и стоицизм мне нравятся. Вы правы: я дорожу вашей жизнью и чтобы избавить вас от излишнего утомления, предлагаю вам эту коробочку с пастилками. Сосите конфеты во время пути – и вы не будете чувствовать ни холода, ни утомления.

Видя, что молодой человек колеблется, он прибавил с легкой иронией:

– Берите смело: в этих конфетах еще нет жизненного эликсира; это просто наркотическое средство, которое даст вам силы.

Они двинулись в путь.

Несмотря на то, что дорога становилась все трудней и трудней, и что они уже достигли линии снегов, незнакомец, по-видимому, не чувствовал ни малейшего утомления; даже Ральф удивлялся своим силам и тому укрепляющему теплу, которое пробегало по его жилам.

Ночь они провели в пустой хижине, но едва только забрезжил рассвет, как они снова пустились в путь.

Сколько времени они шли, Ральф не мог отдать себе отчета. Они пробирались через ледники, проходили мимо пропастей и карабкались на почти отвесные высоты. Ясно было,

что они уклонились от обычного пути туристов и углубились в неисследованную еще часть снежной пустыни.

Незнакомец шел с уверенностью, доказывавшей полное знание им дороги. Обогнув одну из остроконечных вершин, они вышли на небольшую обнаженную каменистую площадку, с одной стороны которой спускались в глубокое ущелье правильные уступы, точно нарочно высеченные человеческой рукой.

В конце этого опасного спуска они очутились в леднике и далее, после четырехчасовой ходьбы, подошли ко входу в большой грот, освещенный голубоватым светом.

Со смешанным чувством любопытства и тревоги вошел Ральф за своим проводником в грот и крайне изумился, когда за громадной глыбой льда оказалась дверь или, верней, каменная плита. Плита эта бесшумно повернулась на скрытых шарнирах, когда незнакомец нажал едва заметную светившуюся точку, скрытую в одной из расщелин.

Теперь они очутились в узком, высеченном в скале коридоре. Едва незнакомец повернул кнопку, вделанную в стене, как коридор ярко осветился электрическим светом.

– У вас здесь электричество? – пробормотал Ральф, не веря собственным глазам.

– Боже мой! Отчего же нам и не пользоваться изобретениями современной промышленности, чтобы комфортабельно обставить эту главную квартиру «Эликсира Жизни», так как мы находимся в местонахождении этого драгоценного вещества и его adeptов, – с веселой улыбкой ответил таинственный проводник Ральфа.

В конце коридора оказалась спиральная лестница, которая оканчивалась наверху площадкой, куда выходило несколько дверей.

Незнакомец отворил одну из них, и они очутились на выступе широкой скалы в форме террасы. Отсюда открывался чудный вид, и у Ральфа вырвался невольный крик восторга.

С этой страшной высоты, точно на гигантской картине, развернулся волшебный пейзаж. Скалы, снежные равнины и глубокие ущелья, казалось, тонули в пурпурном тумане заходящих лучей солнца; глубоко внизу, в долинах, подобно гигантским изумрудам, зеленели поля и луга. Воздух, хотя и холодный, был чист к жителю. Ральфу показалось, что никогда еще он не чувствовал себя так хорошо, как здесь, что никогда еще земля не представлялась ему такой прекрасной, а жизнь такой желанной, как в эту минуту.

Незнакомец скрестил на груди руки и грустно-задумчивым взглядом любовался этой чудной картиной. Через минуту он провел рукой по лбу, точно хотел смахнуть докучные мысли, и сказал, повернувшись к Ральфу:

– Пойдемте! Пора нам подкрепиться, а потом поговорить о деле.

Они вернулись назад. Показав доктору устройство выхода, незнакомец открыл противоположную дверь и ввел своего спутника в круглую средней величины залу. Здесь в камине пылал яркий огонь и царил приятная теплота.

Ральф с любопытством осмотрелся. Стены сплошь были обтянуты плотной восточной материей темного цвета; толстый ковер закрывал весь пол.

У одной стены стоял не то буфет, не то шкаф с резными дверцами. Против него, у другой стены, стоял большой рабочий стол, заваленный книгами и свитками. В комнате еще находилось несколько стульев древней формы, инкрустированных золотом и слоновой костью. Посреди комнаты был накрыт стол на два прибора с громадным золотым канделябром.

Незнакомец поставил шкатулку на стул и зажег свечи. Затем он вынул из буфета несколько бутылок вина, большой пирог, фрукты и пригласил своего гостя сесть к столу.

Необычная прогулка возбудила у Ральфа аппетит. Когда оба насытились, незнакомец пододвинул свое кресло к камину и предложил гостю последовать его примеру.

– Настала минута серьезно и подробно обсудить дело, которое привело нас сюда. Несколько веков тому назад я сидел на том же кресле, на котором сидите вы, и так же с тревогой и волнением слушал рассказ о жизни моего предшественника по обладанию великой тайной, которую я хочу доверить вам. Теперь выслушайте историю моего прошлого, как и я некогда слушал жизнеописание того, кто привел меня сюда.

Мое официальное имя – Нарайяна Супрамати, индусский принц. Это имя, как и все документы, подтверждающие его, и все преимущества, с ним связанные, я получил от того, кто завещал мне «Эликсир Жизни». Настоящее мое имя – Архезилай.

Я родился в Александрии, во время царствования Птолемея Лага, которому достался Египет после смерти Александра Великого. Мой отец, Клоний, служил в войске под начальством Лагида и связал свою судьбу с его. Сделавшись господином Египта, Птолемей щедро наградил моего отца и дал ему значительную должность при своем дворе. Я рос в роскоши; а так как я был единственным ребенком, то родители страшно баловали меня и я вел рассеянную жизнь, отдаваясь одним только удовольствиям.

В двадцать лет я потерял отца. Лишившись последней узды, я наделал таких безумств и вел такую беспорядочную жизнь, что в пять лет растратил свое состояние и в одно прекрасное утро проснулся больным и нищим. Разгульная жизнь одинаково истощила и мое тело, и мой кошелек.

Настало время грустных испытаний. Все друзья, толпившиеся на моих пирах, все женщины, оспаривавшие друг у друга мое расположение, и даже паразиты, питавшиеся моими благодеяниями, все бросили меня. Я остался один, без гроша в кармане и, конечно, умер бы от нищеты и болезни, если бы меня не подобрал один бедный человек, бывший солдат, служивший под начальством моего отца.

Он стал ухаживать за мной. Когда же я настолько поправился, что мог ходить, мы оставили Александрию и отправились в небольшое имение, доставшееся в наследство Мериону – как звали моего покровителя. Там ждало нас новое разочарование. Клочок земли, расположенный на границе пустыни, едва мог прокормить нас, а дом был не более, как полуразвалившаяся мазанка. Однако Мерион ни за что не хотел возвращаться в Александрию. Он был человек молчаливый, мизантроп, бегущий от людей. Как и я, он был полон горечи и достаточно испытал человеческой неблагодарности и вероломства.

Я не возражал, когда он избрал для жилища соседний грот, и стал помогать ему в работе, дававшей нам скудное пропитание.

Свежий воздух и труд вернули мне здоровье и в течение некоторого времени я забылся в этой новой жизни. Я думал также о своем прошлом и сурово судил себя за свое непростительное безумие, сделавшее из меня нищего и парию. Тем не менее, пока был жив мой старик-покровитель, я терпеливо выносил такую жизнь. Я уже привык к труду. Когда по вечерам мы беседовали, сидя перед гротом, и старый солдат говорил мне про войны Александра и рассказывал тысячи любопытных случаев из своих походов по Индии и Персии, я забывал свою настоящую нищету и жил этим славным прошлым.

Четыре года спустя Мерион умер, и я остался один. Мало-помалу одиночество начало тяготить меня, а потом сделалось положительно невыносимым. Я начал думать о своей прежней жизни, о роскоши и комфорте, которыми был окружен, об изящном и просвещенном обществе, и почувствовал, что меня неудержимо влечет к тому неблагодарному миру, откуда я был навсегда изгнан. Горькое отчаяние овладело мной. День ото дня настоящая жизнь становилась мне все ненавистней, а желание вернуться к светской жизни все сильней. А между тем желание это было неосуществимо, так как у меня ничего не было, кроме пещеры, превращенной Мерионом в убогое логовище; в том же рубище, какое было на мне, меня, как нищего, прогнали бы от порога всех тех дворцов, где жили мои бывшие александрийские друзья. Что касается того, чтобы вернуться в столицу и искать там занятий, то об этом нечего было и думать, так как я ничего не знал и не мог зарабатывать свой хлеб.

Прошло более года в такой тяжелой внутренней борьбе. Мое отчаяние достигло своего апогея; я получил полное отвращение к жизни и уже думал положить конец такому существованию.

Однажды ночью я лежал у входа в грот, предавшись своим мрачным думам, как вдруг услышал приближающиеся шаги. Сначала я подумал, что это молодой пастух, который иногда приносил мне кое-что из соседней деревни; но когда чей-то незнакомый голос назвал меня по имени, я с удивлением вскочил на ноги.

Передо мной стоял высокий мужчина, закутанный в темный плащ, с выразительным и энергичным лицом.

– Ты хочешь умереть, Архезилай, чтобы избавиться от жалкой, несчастной жизни, какую ты влачишь в этой пустыне? –

сказал звучным голосом, устремляя на меня пылающий взгляд. – Хотя ты и заслужил свою судьбу, так как сам виноват в своем несчастье, но я сжалился над тобой. Если хочешь, я возьму тебя с собой в такое место, где ты будешь огражден от нищеты и проживешь так, сколько сам пожелаешь.

Из всех этих слов я понял только то, что мне предлагают оставить эту ужасную пустыню, где я гнил заживо. Я вскочил.

– Кто ты, великодушный чужеземец, явившийся вытащить меня из моей нищеты? – спросил я дрожащим голосом. – Конечно, я с радостью последую за тобой, так как выбился из сил и не могу больше прозябать в этой пустыне. Но как я пойду за тобой в этих лохмотьях, с босыми ногами и нечесаной бородой?

– Кто я – это ты узнаешь, когда придет время; об остальном же не беспокойся, – ответил незнакомец.

Он достал из-под плаща сверток, который подал мне, и корзину, которую поставил на землю.

– В этом узле ты найдешь одежду и ножницы, чтобы остричь волосы и бороду. Ступай, умойся в источнике и возвращайся скорей!...

Я не заставил повторять себе два раза. Схватив узел, я бросился к источнику, вымылся и подстриг волосы и бороду. Затем я надел фиолетовые одежды, кожаные ботинки и осмотрелся в зеркало, находившееся тут же вместе с темным плащом, фетровой шляпой и флаконом ароматического масла.

Очень довольный своей внешностью, напоминавшей мне былые времена, я вернулся к незнакомцу, который сидел у входа на большом камне и развязывал корзину, откуда вынул кувшин вина и холодное мясо.

Незнакомец осмотрел меня с головы до ног и сказал с улыбкой:

– Теперь ты снова похож на человека, и я вижу, что ты вовсе не прочь поскорей оставить эти места.

– О, я хотел бы уже быть далеко отсюда! – ответил я, вдыхая полной грудью.

– Время терпит, – с особенным выражением сказал мой покровитель. – Закусим и выпьем, а потом в путь. Я с наслаждением съел отличный кусок дичи и выпил кубок старого вина. Потом мы двинулись в дорогу, В некотором расстоянии от грота нас ждали два великолепных скакуна, которых держал слуга, маленький и горбатый, как тот, который сопровождал нас.

Мы прибыли в Александрию. Хотя у меня в кармане и лежал полный кошелек, но мой покровитель не позволил мне видиться ни с одним из моих друзей. В тот же вечер мы сели на корабль и отплыли в Европу.

Умолчу о подробностях нашего путешествия; достаточно будет, если я скажу, что мой спутник привел меня именно сюда. С эспланады скалы я видел тот же пейзаж, которым любовались и вы, и который почти не изменился с того времени. Потом мы вошли в эту самую комнату, где сейчас сидим. Здесь тоже почти ничего не изменилось. Эти же драпировки, которые словно сделаны из неразрушимой ткани, покрывали стены; стулья те же. О тех переменах и улучшениях, какие я сделал, не стоит и говорить.

Сидя, как и мы теперь, слушал я рассказ о жизни моего спутника, как и вы слушаете мой, а затем он показал мне то, что я сейчас покажу вам.

Нарайяна встал и вместе с Ральфом подошел к шкафу и отодвинул его. За ним находилась чугунная резная вставка, посередине которой была инкрустирована из драгоценных камней каббалистическая фигура. Объяснив доктору, как приводить в действие пружину, Нарайяна открыл раму, за которой оказался обширный шкаф, переполненный шкатулками и ящичками всевозможных размеров. Посередине лежало что-то вроде металлической подушки, на которой стояла темная шкатулка, к крышке которой точно приросло пламя.

Нарайяна взял эту шкатулку, перенес ее на стол и открыл. Внутри она была обтянута материей такого голубого цвета, какого Ральф еще никогда не видел. На этом необыкновенно нежном фоне лежали два хрустальных флакона с золотыми пробками, золотая ложечка величиной с ореховую скорлупу и круглый ящичек, сделанный будто из слоновой кости.

С чувством любопытства и суеверного страха смотрел молодой доктор на содержимое шкатулки и на эти флаконы, содержащие одну из величайших тайн.

– Здесь, – сказал Нарайяна, – находится эликсир жизни. Кто открыл его? Кто вырвал из космического хаоса это страшное

вещество? Я не знаю. Тот, кто посвятил меня, сказал, что получил эту тайну таким же путем, как и я передаю вам. Тем не менее я расскажу вам, что говорят об этом, не ручаясь за достоверность, так как здесь – все тайны, и даже все свойства эликсира жизни еще не исследованы ввиду того, что боятся обращаться с этой опасной субстанцией. Говорят, что это газ, имеющий свойство поддерживать равновесие между стихиями, а также и разделять их. Но в силу какого-то неведомого закона это же самое вещество, будучи введено в организм, даст ему способность противостоять разрушению. Другое предание гласит, что в центре земли, под охраной четырех стражей, бьет огненным фонтаном эта же самая субстанция и что один профан, попав случайно в эти глубины, похитил немного таинственной жидкости. Как это ему удалось? Пользовался ли он какими-нибудь химическими приемами для составления этого жидкого огня, наполняющего флаконы, и этого порошка в коробке? Все это неизвестно. Я могу только указать вам, как следует употреблять эти ингредиенты.

Нарайяна открыл ящик с белым порошком и продолжал, указывая на золотую ложечку:

– Если вы возьмете из флаконов ложку жидкого огня и с булавочную головку этого порошка, да смешаете их, то оба эти вещества в соприкосновении с воздухом превратятся в бесцветную и прозрачную, как вода, жидкость, которой достаточно будет, чтобы дать бессмертие нескольким сотням людей. Вам нет надобности готовить все это самому, так как жидкости, приготовленной одним из моих предшественников, хватит и вам и целой серии ваших наследников. Эту жидкость я передам вам после. Теперь я должен еще прибавить, что, как уверяют, этот порошок заключает в себе сущность четырех видимых стихий: воздуха, огня, воды и земли. С той минуты, как произойдет соединение с эликсиром жизни, стихии теряют всякую власть над тем, чье тело пропитано этим напитком. Ни вода, ни огонь, ни буря не будут в состоянии причинить вам вреда. Ваше тело сделается неразрушимым. Но жить слишком долго тоже неудобно и, как видите, я в конце концов пришел к тому, что желаю умереть. Итак, скажите, желаете ли вы получить от меня этот эликсир жизни, обладать которым вы так жаждали, и принять на себя все обязанности, связанные с этим таинственным даром?

Ральф сжал руками голову.

– Все, что вы говорите, до такой степени странно, что мой мозг не способен так скоро ориентироваться, – пробормотал он.

– Успокойтесь! Я понимаю ваше волнение, так как сам некогда пережил его. Впрочем, я должен прибавить еще нескольких необходимых подробностей, чтобы вы могли уяснить себе хорошие и дурные стороны жизни, которая считает века, как вы считаете годы. Во-первых, поговорим о физической стороне: вы никогда не будете больны; ни утомление, ни холод, ни жара не будут иметь на вас никакого влияния. Вы будете спать по привычке, и будете спать хорошо; но вы так же легко будете обходиться и без сна. Вы останетесь доступны для чувства голода или, верней, вы будете ощущать приятный аппетит, но в крайнем случае, вы можете очень долго прожить и без всякой пищи. Таинственный эликсир одаряет неизвестными силами не только тело, но и душу. Вы сделаетесь ясновидящим, будете видеть и слышать то, что недоступно другим смертным, и одним прикосновением станете исцелять разные болезни. Наконец, вам не страшны будут ни яд, ни пули, ни пожары, никакие последствия излишеств. Одним словом, тело ваше становится неразрушимым; но из этой плотской темницы очень трудно освободить душу. Теперь я перехожу к социальному положению.

Нарайяна взял принесенную с собой шкатулку и вынул оттуда связку бумаг.

Вот документы, доказывающие законность имени и владений принца Нарайяны Супрамати. А это – мое завещание, засвидетельствованное у английского нотариуса в Калькутте, которым я завещаю моему младшему брату, носящему, как и я, имя Нарайяна Супрамати, все мои имения, список которых приложен здесь, а также сотню миллионов, лежащих во всех банках Старого и Нового Света. Впрочем, все это только обрывки того безграничного богатства, которым располагает обладатель эликсира жизни. Взгляните на эти шкатулки.

Нарайяна снова подошел к шкафу и открыл несколько шкатулок.

– Все они полны бриллиантами, жемчугом, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями, из которых каждый представляет целое состояние. А здесь, – он нажал кнопку, причем открылось соседнее отделение, широкое и круглое, как колодец, – лежат слитки чистого золота. Насколько глубок этот золотоносный колодец, я положительно не знаю. Может быть, он доходит до подошвы горы. Во всяком случае эта сокровищница неистощима и позволяет жить по-царски. Теперь перейдем к оборотной стороне медали.

Насладившись всеми благами, какие дает безграничное богатство, удовлетворив свое самолюбие мезьей и низостью людей, пресмыкающихся перед золотом и, наконец, вкусив порока и любви во всех видах, человек впадает в ужасную болезнь, сопровождающую драгоценный дар бессмертия, – пресыщение. Им овладевает непреодолимое желание убежать от этого гама, от всех увеселений и светской пустоты и скрыться от людской лживости и жадности. Все пережив и все испытав, душа устает в этом неутомимом теле. Она начинает чувствовать настоящую потребность в уединении и тишине и ею овладевает болезненная жажда свободы. Но чтобы понять это, надо самому испытать. Когда для меня наступали такие минуты отчаяния, горечи и нравственной духовной усталости, я бежал в один из своих глухих замков или в уединенное убежище в Гималаях.

Там, совершенно один, за исключением нескольких необходимых слуг, я искал забвения и утешения в работе и сне. Но сон – этот друг и утешитель бедных и обездоленных – уже не мог успокоить меня и заглушить тягостную дисгармонию между больной душой и вечно здоровым телом. Труд еще был лучшим средством, и я жадно искал истину во всех формах. Но ее трудно найти, несмотря даже на странную и таинственную силу, которой я был пропитан. В особенности же я изучал это дьявольское вещество, полное искушения, как кубок упоительного вина, горечь которого чувствует только тот, кто осушил его до дна. И вот, несмотря на все мои исследования, я все-таки ничего не знаю. Я перерыл все книги магии и герметической науки, но все было напрасно. Алхимики тщетно искали эликсир жизни, а я, имея его в руках, никак не мог сделать его анализ. У меня бывали мрачные часы, когда я стучался в двери ада и вызывал его обитателей. Жажда жизни и наслаждений привлекала их: они являлись и умоляли меня дать им хоть каплю этой жидкости, чтобы они могли принять телесную оболочку.

– И вы давали этим нечистым существам? – пробормотал Ральф, у которого от всего услышанного кружилась голова.

Нарайяна покачал головой.

– Как вы могли это подумать? Нет, я оставался неумолимым, так как всегда боялся неосторожно коснуться до неведомых и ужасных законов. Но я вызывал не одних нечистых существ; я призывал также чистых, почти божественных духов. Лучезарные, они смутно являлись мне и говорили о вере и молитве; я... а я научился молиться! И чего мог я просить у Божества? Я был бессмертен и никакая опасность или болезнь не грозили мне; я наслаждался неистощимым богатством, а века, как броней, одели мою душу равнодушием. Одно лишь пресыщение мучило меня. Я прятался в самых глухих из своих замков только для того, чтобы снова возбудить вкус к жизни среди людей.

– Разве так трудно жить без горя и разочарований, не чувствуя постоянно у себя под ногами бездну небытия? – пробормотал доктор.

Нарайяна разрешился сухим и звонким смехом.

– Вы еще не поняли всего трагикомизма положения. Эликсир жизни охраняет целостность

тела и развивает скрытые способности души, но он не делает неуязвимым того, что думает и живет в нас. Под корой, созданной исключительными обстоятельствами, трепещет душа, которая очень болезненно просыпается иногда. Не так давно я испытал любовь, – такую любовь, к какой не считал себя способным и которая поглощает все существо человека. И вот женщина, которую я боготворил и на которой хотел жениться, простудилась и заболела. Болезнь показалась мне неопасной, но вдруг ее состояние ухудшилось – и через несколько часов любимая женщина скончалась на моих руках. Вникните хорошенько: она умерла, а у меня в руках был эликсир жизни!...

В этих словах звучали такая ярость и отчаяние, что Ральф вздрогнул и в то же время спросил себя, почему Нарайяна не воспользовался могущественным средством, бывшим у него в руках.

Тот точно услышал его мысль и сказал с горькой насмешкой:

– Потому что несмотря на все, я оставался человеком и рабом рока. Я не имел времени достать жидкость, столь драгоценную для меня в то время, так как из принципа никогда не таскал

с собой это опасное вещество. О! Тогда я был как сумасшедший и жаждал умереть. Может быть, мне и не следовало бы говорить вам все это, но я считаю своим долгом раскрыть перед вами все хорошие и дурные стороны того, что я вам предлагаю.

Воцарилось довольно долгое молчание. Бледный, с лихорадочным взглядом, Ральф молча смотрел то на собранные сокровища, то на ужасную жидкость.

– Постарайтесь успокоиться и обдумайте все на свободе. Я не требую немедленного ответа. Вы имеете полное право требовать, чтобы вам дали время зрело все обдумать и взвесить все *за* и *против* моего предложения.

Он встал, убрал все на место и запер шкаф. Затем, обернувшись к Ральфу, он сказал:

– Пойдемте! Для развлечения я покажу вам залу предков, то есть место, где покоятся мои предшественники.

Нарайяна отодвинул драпировку и открыл дверь.

Они снова очутились в узком коридоре, высеченном в скале. Сделав шагов двадцать, они свернули направо, и доктор с невыразимым удивлением увидел, что продолжение галереи было пробито во льду. В этой ледяной галерее кое-где стояли высокие треножки, тоже из льда, на которых горело какое-то вещество, издававшее ослепительный свет, но, очевидно, не распространявшее ни малейшего тепла.

От синеватых, прозрачных, как хрусталь, стен веяло ледяным холодом, и Ральф следовал за своим странным проводником, охваченный неприятной дрожью.

После нескольких минут ходьбы они вошли в обширный грот, освещенный, как и галерея, и имевший волшебный, фантастический вид.

Внимание Ральфа было тотчас же привлечено целым рядом саркофагов, артистически высеченных из льда, из которых немногие были заняты телами.

С трепещущим сердцем Ральф начал осматривать останки этих людей, живших вне обычных законов природы, к числу которых он мог, если пожелает, причислить и себя.

Все это были красивые мужчины во цвете лет и, казалось, они мирно спали в своих ледяных гробницах; все были одинаково одеты в длинные и широкие белые туники, а на головах у них

были венки из белых фосфоресцирующих цветов, свежих, как будто они только сейчас были они сорваны.

Нарайяна подошел к одному из покоившихся мирным сном и устремил на него мрачный и задумчивый взгляд. Затем, обернувшись к доктору, он указал на один пустой саркофаг и сказал с непередаваемым выражением:

– Мое место рядом с тем, кто посвятил меня, а там, дальше – ваше, когда вы захотите положить предел долгому жизненному странствованию.

Ральф пылливо взглянул на него.

– В конце концов, вы все-таки не бессмертны и ваше тело разруσιμο, так как вы можете

умереть,- заметил он.

Нарайяна улыбнулся.

– Да, я могу умереть, если сумею уловить настоящий момент, благоприятный для моего разложения. Должен вам сказать, что через известный промежуток времени происходит ослабевание астрального тела. изнашивается не плотское тело, а узы, связывающие душу с ее материальной оболочкой. Взгляните на эти тела, которые лежат, как живые. Ни время, ни тление не коснулось их. Они неразрушимы. Отлетела только бессмертная гостья – божественная психическая искра. Поймите же меня хорошенько: если я уловлю этот момент и вторично приму жизненный эликсир, смешанный с чужим жизненным соком, уже пришедшим в состояние разложения, то я сожгу узы, привязывающие мою душу. В вас, Морган, уже происходит таинственный процесс отделения астрала от материальной оболочки. Уже силы разделились на два лагеря: одни – чтобы вознестись, другие – чтобы погрузиться в великую лабораторию, химически переработаться там и послужить для новых соединений. Все, что состоит из воздуха и железа – возносится, а что состоит из воды и земли – разлагается. Итак, если я введу эту борьбу в узы, связывающие меня с телом, то узы эти разорвутся и я буду свободен.

– И я также, в случае нужды, могу воспользоваться этим средством, чтобы освободиться?

– Без сомнения, если вы сумеете уловить удобную минуту, но только не раньше нескольких столетий. Впрочем, не думайте, что легко умереть, прожив так долго. И все-таки, что бы было с человеком, если бы он не имел этой надежды на конечное освобождение. Берегите же хорошенько эту таинственную жидкость: если вы потеряете ее или ее у вас похитят – вы потеряете возможность умереть. А теперь вернемся назад.

Проходя по ледяному коридору, Ральф снова почувствовал, как дрожь пробежала по его телу. Он прозяб до костей, и страшная слабость сковала его члены. Он предположил, что это дают себя чувствовать усталость и волнения последних дней.

Вернувшись в круглую залу, он выпил кубок вина и почувствовал, что это укрепило его. Затем он попросил у Нарайяны позволения отдохнуть немного, так как чувствовал такую усталость, что был совершенно не способен думать и принять какое-либо решение.

Тот тотчас отвел своего гостя в небольшую комнату, также высеченную в скале и роскошно меблированную. В камине пылал яркий огонь, распространяя приятную теплоту, но Ральф продолжал дрожать. Даже не раздеваясь, бросился он на диван, закрылся толстым шерстяным одеялом и скоро заснул тяжелым, лихорадочным сном.

Когда Ральф проснулся, он чувствовал себя очень плохо. Страшный жар сменялся ледяной дрожью, члены были тяжелы, а грудь точно пронизывали раскаленные лезвия. Как доктор, Ральф тотчас же понял, что он простудился в ледниках и что у него открылось опасное воспаление легких. Он хотел встать, но у него не хватило сил, и он с горечью снова упал на диван. В нескольких шагах от таинственного эликсира он умрет одиноко в этом скрытом от людей гроте.

Немного спустя пришел Нарайяна. Осмотрев больного, он покачал головой и сказал с участием:

– Я слишком понадеялся на ваши силы. Вы простудились и это ускорило, впрочем, неизбежный конец. Вы стоите теперь на узкой тропинке, ведущей в потусторонний мир. Эликсир еще мог бы спасти вас, но я понимаю, что в вашем положении вы не желаете, может быть, им воспользоваться. Друг мой! Окажите мне услугу и, прежде чем умереть, дайте немного вашей крови, чтобы я мог воспользоваться ею для своего освобождения.

Ральф со слабой улыбкой протянул ему руку.

– Берите! – прошептал он.

Нарайяна отвернул рукав рубашки, вынул из кармана флакон и сделал ланцетом небольшой надрез на коже. Брызнула кровь. Он тщательно собрал ее во флакон, а затем с ловкостью опытного хирурга наложил на порез повязку.

– Благодарю вас, и прощайте! – сказал он, крепко пожимая пылающую руку Ральфа.-

Или, верней, до свидания в том мире!

Он кивнул головой и направился к двери. Ральф окликнул его сдавленным голосом:

– Оставьте мне немного вашего эликсира на случай, если смерть очень испугает меня, – стыдясь и страстно желая, пробормотал он.

Странная улыбка скользнула по красивому и строгому лицу Нарайяны.

– Хорошо! Я сейчас принесу, – ответил он. Минуту спустя он вернулся с небольшой шкатулкой, которую молча открыл. В ней находились два флакона: один побольше, другой поменьше. Нарайяна взял хрустальный кубок и налил в него из большого флакона немного жидкости. Подняв на свет кубок, он показал доктору, что на дне его находится вещество, похожее на жидкий огонь.

– Вот! – сказал он, ставя кубок на стол и тщательно закрывая его стеклянной пластинкой. – Если вы выпьете это, вы вступите здесь во владение всем наследством. В этом флаконе содержится эликсир, уже готовый к употреблению. Прощайте!

Взяв из шкатулки маленький флакон, Нарайяна поклонился и вышел.

Доктор остался один. Устремив взгляд на кубок, содержащий в себе жизнь, он продолжал лежать, не будучи в состоянии решиться дотронуться до него. А между тем положение его ухудшалось с часу на час. Он горел как в огне; острая боль терзала грудь, дыхание было затруднено и минутами ему казалось, что он задыхается.

Несмотря на живительное питье, стоявшее у него под рукой, жажда становилась все мучительней. Черное покрывало заволакивало, казалось, ему глаза и временами он терял сознание. Очевидно, приближалась страшная незнакомка, которая косит жизни людей.

Вдруг горькое сожаление сдавило сердце Ральфа. Он почти не знал жизни. Трудовая молодость его прошла в бедности, и он тяжело боролся из-за куска насущного хлеба, а когда достиг наконец честного и скромного довольства, на него обрушилась болезнь. Его мучили страдания и неутолимое желание проникнуть в непонятные тайны человеческой жизни. Теперь же, имея под рукой самую эссенцию жизни, он умирает – и умирает вследствие своей собственной нерешительности. Правда, этот кубок сулит страшную и неизвестную тайну, но, несмотря на это, не лучше ли она этой тяжелой смерти, медленно мучающей его?

Вдруг у него захватило дыхание: клейкая масса, казалось, наполнила его грудь, поднялась к горлу и душила его. Огненные круги стали носиться у него перед глазами, и он на минуту потерял сознание.

Глава вторая

Когда Ральф очнулся от своего забытья, лихорадочный жар сменился чувством ледяного холода и смертельной слабости; члены его налились точно свинцом и отказывались служить. С ужасом увидел он, или ему показалось, что видит, будто от его рук и груди поднимался черноватый пар. Страшная тоска и безумный ужас перед разрушением овладели им. Он хотел схватить кубок, но не мог поднять руки. Он слишком долго медлил...

Но нет! Он не хочет умирать, когда спасение здесь. В нем внезапно проснулась вся его сила воли. Сделав нечеловеческое усилие, он поднялся, похолодевшие пальцы его схватили кубок и сбросили на пол стеклянную крышку.

Острый и удушливый аромат ударил ему в лицо и так сильно подействовал на него, что ему показалось, будто он вдохнул жизнь. Разум его просветлел и дыхание сделалось свободным. Не колеблясь больше ни минуты, он поднес кубок к губам и залпом осушил его.

Сначала он почувствовал, что проглотил жидкий огонь, а затем произошло что-то вроде внутреннего взрыва. Тело его распадалось как будто на тысячу атомов, которые кружились в море ослепительного света.

Одна мысль, что он обманут и отравлен, мелькнула в его наболевшем мозгу; а затем, как пораженный молнией, он упал па подушки.

Сколько времени лежал Ральф без сознания, он сам не мог сказать. Открыв глаза, он не помнил ничего о случившемся и воображал себя в Лондоне, в своей маленькой квартирке в

предмestье. С немым удивлением блуждал он глазами по тяжелой восточной материи, по мебели древнего образца и по другим вещам, окружавшим его в этом совершенно незнакомом месте.

Вид пустого кубка, лежавшего на одеяле, заставил Ральфа быстро вспомнить о его необыкновенном приключении.

Острая тоска и страх перед безвозвратно совершенным необдуманнм поступком сдавила ему сердце. Теперь он ясно вспомнил свой приход в ледники, рассказ незнакомца, свою агонию и страх смерти, побудивший его выпить таинственную эссенцию, которая остановила разложение тела. Эликсир, действительно, оказал действие, предсказанное Нарайяной, так как Ральф чувствовал себя таким крепким и здоровым, как никогда. Живительная теплота пробегала по его жилам, легкие функционировали легко, а сердце билось спокойно и правильно. Доктором овладело неукротимое желание снова увидеть Нарайяну и попросить у него еще некоторых объяснений.

Ральф соскочил с дивана, умылся и поспешно оделся, а затем подошел к туалету, стоявшему в нише, которого он раньше не заметил. На туалете стояло большое зеркало в серебряной рамке и лежали щетка, гребенка и другие необходимые для туалета вещи.

Ральф зажег свечи в двух подсвечниках, прикрепленных к рамке, и собирался расчесать свои густые, темные волосы, как вдруг взгляд, брошенный им в зеркало, заставил его вздрогнуть и отступить назад.

Неужели это он – этот отразившийся в зеркале красивый молодой человек, полный сил и энергии, с полным огня взором и пурпурными губами, жаждавший, казалось, осушить до дна пенный кубок жизни?

От землистой бледности лица, от черных кругов под глазами и от слабости, раньше времени сгорбившей его высокий и стройный стан, не осталось и следа. Свершилось чудо. Он сделался совершенно новым человеком и чувствовал, что по его жилам пробегает неиссякаемая сила жизни.

Ральф тихо вернулся назад, сел в кресло и задумался, опустив голову на руки. Страх и тоска, овладевшие им в черную минуту, исчезли и уступили место какому-то странному спокойствию и глубокому блаженству, смешанному с чувством гордого самодовольства.

Минуту спустя он встал, радостно потянулся своими сильными членами и вышел из комнаты. Ему хотелось увидеть Нарайяну и расспросить его о многом, что казалось ему темным, но он тщетно всюду искал его.

Охваченный тяжелым предчувствием, он почти бегом направился в склеп предков. На этот раз он прошел ледяной коридор, даже не почувствовав холода. Из него выделялся, казалось, неистощимый поток тепла, но он не обратил на это внимания.

Со сдавленным сердцем вошел он в зал, где стояли ледяные саркофаги таинственных людей, пресытившихся жизнью.

Достаточно было одного взгляда, чтобы он убедился, что предчувствие не обмануло его: в одной из гробниц, бывшей еще вчера пустой, лежал Нарайяна.

Со сдавленным криком бросился Ральф и, склонясь над ним, глядел на красивое, неподвижное лицо его, на котором застыло, казалось, ясное выражение торжества. Да, он проник в тайну и добровольно оборвал астральную нить, приковывавшую его к неразрушимой материи. Когда-то он, Ральф, придет к тому же результату и займет ложе рядом с тем, кто посвятил его в тайну?

Охваченный внезапной слабостью, он прислонился к своей будущей могиле и закрыл глаза. Им овладел невыразимый страх перед громадностью времени, расстилавшемся перед ним подобно бесконечному пути.

– О, Нарайяна! Зачем ты искусил меня? Зачем ты оставил меня, не сказав, что это за эссенция, которую я проглотил, что я должен делать, чтобы наполнить эту бездну времени, не сойдя с ума, – с тоской и отчаянием пробормотал он.

– Наполни время умственным трудом. Изучай тайны, окружающие тебя и говорящие с тобой каждым атомом, ищи истину во всех формах – и тогда даже вечность не покажется тебе

слишком длинной, – произнес в эту минуту чей-то глубокий и глухой голос.

Ральф вздрогнул и быстро выпрямился, со страхом и удивлением глядя на высокого старца, стоявшего в головах саркофага Нарайяны.

Строгие черты лица незнакомца дышали спокойствием, большая серебристая борода расстилалась по белоснежной тунике, а из его обнаженного тела вылетали огоньки, образуя странный огненный венец. Большие, темные глаза старца пытливо смотрели на Моргана.

– Я – тот, кто открыл тайну и извлек из космического хаоса первоначальную, творческую эссенцию, которую ты принял и которая сделает твоё тело неразрушимым, так как она будет создавать в нём все новые жизненные элементы. Но не бойся, что ты принужден будешь жить только для знания; осушив кубок наслаждений, ты сам станешь искать кубок знания. Знай также, что я покровительствую тем, кто пользуется моим открытием.

Старец сделал шаг назад, прислонился к ледяной стене и точно расплылся, подобно синеватому пару.

Ральф остался один. Теперь в его душевном состоянии произошла странная перемена. Беспокойство, нервная тоска и страх перед будущим точно чудом рассеялись, уступив место спокойствию и энергичной решимости. С радостью и благодарностью чувствовал он в себе силы и благосостояние здорового человека и у него появилось горячее желание покинуть эту ледяную пустыню и окунуться в вихрь жизни в качестве нового существа, мощного, богатого и вооруженного неизвестными и таинственными силами. На минуту он снова склонился над неподвижным лицом Нарайяны, как бы желая хорошенько запечатлеть в памяти его черты.

– Будь благословен за твой драгоценный дар! – с благодарностью пробормотал он. – Пусть твоя освобожденная душа найдет мир и счастье в сферах вечного света!

После краткой молитвы Ральф вышел из зала предков и направился в комнату, где хранились сокровища. Было ясно, что Нарайяна посетил его еще раз, так как на столе стояла открытая шкатулка, унесенная покойным, и лежали большой портфель из красной кожи и толстая книга с металлическими углами, запечатая на замок, в котором торчал ключ.

Ральф с любопытством осмотрел эти вещи и перелистал пожелтевшие пергаментные листы книги, покрытые странными и незнакомыми ему знаками. Затем он открыл портфель, в котором, кроме целой серии документов, находилась пачка фотографий, представляющих внутренние и наружные виды двух старых замков, расположенных один на берегу Рейна, а другой в Шотландии. Последний особенно заинтересовал нового владельца.

Точно орлиное гнездо, лепился древний исполин со своими зубчатыми стенами, бойницами и башнями на высокой островерхой скале. Невыразимой грустью веяло от этого пустынного пейзажа и этой массы ущелий и скал, у подошвы которых пенились бурные волны. Очевидно, Нарайяна любил эти укромные места, удаленные от людей и светского шума. Без сомнения, с какого-нибудь из этих балконов он смотрел на разверзавшуюся у его ног пропасть и на расстилавшийся перед ним бесконечный океан, размышляя о странности своей судьбы. И вдруг смутное предчувствие, что уединение есть неизбежная необходимость для бессмертного человека, прокралось в душу Ральфа и серым облаком затуманило радостное доверие, наполнявшее все его существо. Ральф отбросил фотографии и взял бумажник, который видел в руках своего предшественника.

В бумажнике этом была толстая пачка банковых билетов, адреса и удостоверения. Доктор не имел ни малейшего желания в данную минуту рассматривать эти бумаги и сунул бумажник в карман. Затем, взяв из тайника, где хранились сокровища, два небольших мешочка с драгоценными камнями, он уложил их вместе с книгой и портфелем в шкатулку. Он торопился уйти, но вдруг им овладела боязнь, что он не найдет очень сложного пути, которым прошел со своим проводником. В ту же минуту произошло странное явление. Как на громадной картине, обрисовался в его памяти путь, по которому он должен следовать. Каждый подъем, спуск и поворот рисовались с такою ясностью, что всякое сомнение и боязнь исчезли.

Спокойный и исполненный новой энергией, делал Ральф последние приготовления к путешествию; а затем у него явилось желание еще раз побывать на платформе и полюбоваться

чудным открывавшимся оттуда видом.

На этот раз первые лучи восходящего солнца заливали золотом и пурпуром ледники, скалы и далекие долины. Все горело и сверкало. Воздух был так чист и так живителен, что Ральф с наслаждением вдыхал его; а дышать так легко, полною грудью, было наслаждением, которого он давно уже был лишен.

Безумная радость жизни проснулась в его душе. О, как хорошо он сделал, что в последнюю минуту выпил возрождающую эссенцию. Это восходящее солнце было точно прообразом его радостного будущего. Он явится среди людей человеком с обновленным телом и душой, богатым и с новым общественным положением. В эту минуту жизнь без конца показалась ему верхом счастья, и он, воздев руки кверху, громко вскричал:

– О, Нарайяна! Как мог ты расстаться с самым драгоценным из благ и добровольно уйти в неведомый мир? Разве можно пресытиться жизнью? О, никогда!

Ральф вздрогнул и умолк.

– Ха, ха, ха! – раздался рядом с ним пронзительный, зловещий смех и, как эхо, раскатился по окрестностям, мало-помалу замирая вдали.

Что это? Смеялся дух ледников или какой-нибудь пастух, затерянный в глухом ущелье? Ральф остановился на последнем предположении, но его порыв сразу упал.

Слегка не в духе, доктор вошел в коридор, чтобы взять плащ со шкатулкой и как можно скорей оставить это мрачное место.

У дверей кабинета он с удивлением увидел человека, прислонившегося к стене. При его приближении человек этот сделал несколько шагов ему навстречу и остановился, скрестив руки и склонив голову, в позе глубокого почтения.

Ральф узнал в нем слугу, сопровождавшего Нарайяну в Лондон; слуга этот исчез, как только они с покойным предприняли экскурсию в горы. Он вспомнил теперь, что этот маленький человек, со зловещим и пронизывающим взглядом, произвел на него тогда неприятное впечатление, но он скоро забыл про него. Странный слуга переменял свою простую, но изящную ливрею на серовато-коричневый костюм, состоявший из узких панталон, башмаков с острыми носками, фуфайки, стянутой у талии медным поясом, и капюшона, надетого на голову. В таком костюме это странное существо напоминало живого гнома, сошедшего со страниц какой-нибудь волшебной сказки.

– Приветствую тебя, мой новый господин! – сказал гном, склонясь до земли. – Будь таким же снисходительным к Агни, каким был Нарайяна.

– Постараюсь удовлетворить тебя, Агни! Но скажи мне, кто ты и как попал сюда? – приветливо ответил Ральф, положив руку на плечо Агни.

Тяжелый вздох вырвался из груди карлика.

– Никогда не спрашивай меня, кто я и откуда явился. Я – страж этого места и ухожу отсюда только за новым господином.

– Как? Значит, и ты тоже!... – вскричал Ральф, невольно отступая назад.

Агни умоляющим жестом остановил его.

– Я стерегу здесь проклятую тайну и останки моих повелителей, – с мрачным видом пробормотал он.

Затем, проведя рукой по лбу, он прибавил:

– Я буду верно служить тебе, ожидать тебя, и когда бы ты ни приехал, ты всегда найдешь все готовым к приему. А ее? Ты оставишь ее здесь, господин? Увези, ее всегда увозят. Ее присутствие только смущает покой этого места и привлекает духов ледника.

– Я не понимаю, о ком ты говоришь? Разве здесь находится какая-нибудь женщина? – спросил пораженный Ральф.

– А! Нарайяна ничего не говорил тебе о ней. В таком случае, господин, позволь мне проводить тебя к ней. Она еще не знает, что его уже больше нет.

Ральф провел рукой по своему влажному лбу. Что с ним? Спит он или сошел с ума? Впрочем, теперь уже поздно отступать и, во всяком случае, следует узнать все тяготы принятого им на себя наследства. Очевидно, дело идет о женщине, которую Нарайяна оторвал

от семейства, а теперь бросил.

– Проводи меня к ней! – решительным тоном приказал он слуге.

Агни открыл в конце коридора дверь, которую Ральф раньше не заметил, и поднялся по узкой витой лестнице во второй этаж этого странного жилища. Они прошли через богато обставленную, вроде будуара, комнату, Агни поднял тяжелую портьеру – и онемевший от удивления Ральф остановился на пороге гостиной, обтянутой полосатой шелковой материей, вышитой золотом, и мебелированной и восточном вкусе.

Прямо против входа было пробито в скале широкое и высокое окно, из которого открывался тот же чудный вид, каким он любовался с платформы нижнего этажа. Но в эту минуту молодой человек остался равнодушен к красоте природы. Все внимание его привлекла на себя женщина, полулежавшая на пурпурных подушках маленького дивана у окна.

Была ли это женщина или четырнадцатилетний ребенок, Ральф не мог определить, до такой степени она была миниатюрна, нежна и воздушна. Бледно-матовый цвет лица ее был удивительно прозрачен, будто ни одной капли крови не циркулировало под ее атласной кожей. Тем не менее, это странное создание вовсе не казалось больным: пурпурные губки ее ротика и вся ее фигура дышала здоровьем.

Несмотря на чувствительный холод, царивший на этой высоте, незнакомка была одета в легкий пеньюар из индийской кисеи, вышитый золотом и стянутый у талии шнурком. Широкие рукава обнажали классически дивные руки.

Как очарованный, смотрел Ральф на эту таинственную женщину, взгляд которой, казалось, затерялся в пространстве: она так поглощена была своими мыслями, что забыла весь внешний мир. Не фея ли это ледников, которую околдовали здесь? В этом фантастическом мире, куда его бросила судьба, все стало казаться ему возможным.

Легкий шум Агни привлек, однако, внимание незнакомки. Она быстро обернулась и молча оглядела вошедших.

Ральф тоже стоял молча. Ему казалось, что он никогда еще не видел лица такой захватывающей, демонической красоты, несмотря на его юный вид. Большие, черные., как бархат, глаза с длинными ресницами и с почти невыносимым блеском задумчиво смотрели на него.

Агни подошел и сказал вполголоса несколько слов на неизвестном языке. Молодая женщина или девушка вздрогнула и быстро встала. Ее пылающий взгляд с загадочным выражением блуждал по высокой и стройной фигуре Ральфа.

– Подойдите, сударь, – сказала она по-английски, протягивая доктору свою маленькую руку.

Тот почти машинально подошел и поднес к губам ее тонкие пальчики. Он не видел, как по губам Агни скользнула злая улыбка.

– Теперь я уверен, что она не останется здесь, – пробормотал гном, бесшумно исчезая за портьерой.

На минуту воцарилось тягостное молчание. Сердце Ральфа усилено билось и какое-то незнакомое, но могущественное чувство начало овладевать всем его существом.

– Могу я спросить вас, сударыня, кто вы и по какому случаю вы очутились здесь? – нерешительно спросил, наконец, Ральф.

Непонятное выражение скользнуло по подвижным чертам лица незнакомки.

Меня зовут Нара, а что я такое, начиная с настоящей минуты, вы найдете в завещании того, кому вы наследовали, – ответила она ясным голосом, не сводя огненного взгляда со своего собеседника.

Ральф нервно выхватил из кармана бумажник, вынул оттуда завещание и прибежал его глазами. Вдруг он побледнел и вскрикнул с волнением:

– Вы вдова Нарайяны? В завещании сказано, что я должен жениться на вас!

– И вы этого не желаете? – насмешливо спросила Нара.

– Желаю ли я! – пылко вскричал Морган. – Никогда еще в жизни не видал я такой

обаятельной женщины, как вы! Если вы согласитесь быть моей, наследство Нарайяны будет для меня вдвое драгоценно и священно. Как только уляжется ваше законное горе и окончится срок траура, я буду счастлив соединить мою жизнь с вашей.

Нара улыбнулась.

– В таком случае уедем отсюда. Если вы ничего не имеете против, мы отправимся в Венецию: там у нас есть прекрасный дворец. Мы отдохнем от всех волнений, решим все остальное и назначим время нашей свадьбы. Торопиться нам нечего. Слава Богу, времени у нас довольно.

Ее улыбка и ответ произвели на Ральфа неприятное впечатление. Целый рой вопросов, сомнений и предчувствий восстал в его уме.

Итак, это странное создание тоже было бессмертно? Да, как молода ни казалась она, со своей белой атласной кожей и девственной грацией, взгляд ее выдавал тайну ее жизни. Ему не хватало свежести и радостной беззаботности истинной юности, в нем таилось что-то такое, что он уже подметил в глазах Нарайяны.

Она – его жена. Отчего же он покинул эту очаровательную женщину? Разумеется, он любил ее, так как дал ей драгоценную эссенцию, чтобы удержать ее при себе. А между тем в спокойном и холодном взгляде Нары не заметно было ни малейшей печали, ни малейшего сожаления о спутнике долгого совместного странствования – о супруге, о смерти которого она только что узнала.

Ни одна слеза не омрачила блеск черных бриллиантов, смотревших на него; напротив, Нара почти с циничным равнодушием говорила о своем новом браке с другим. Не было ли между ними несогласия? Нарайяна говорил, что любил одну женщину, которая умерла прежде, чем он успел дать ей эссенцию жизни. Или, может быть, сердце, бывшее в этой беломраморной груди,

было до такой степени изношено временем, что сделалось неспособным чувствовать любовь, жалость и горе, которые причиняют обыкновенно смерть близкого и дорогого существа.

А Нарайяна должен был быть близким и дорогим ей существом. Не образовало ли их долгое прошлое неразрушимых уз, какие создаются тысячью воспоминаний, интимных событий и часов любви? Могло ли все это исчезнуть в одну минуту и быть сметено, как пыль, не оставив следа в женском сердце?

Несмотря на все возраставшее очарование, произведенное молодой женщиной, ледяная дрожь пробежала по телу Моргана и глубокий вздох вырвался из его груди.

Нара жгучим взором наблюдала за ним. Бархатные глаза ее то омрачались, то горели огнем. Можно было подумать, что она слышит мысли Моргана и отвечает на них. Вдруг она наклонилась к молодому человеку и дотронулась своей ручкой до его лба.

– Полно думать и мучить себя пустыми вопросами, мой бедный друг,- сказала она не то с горечью, не то с насмешкой.- Время – наш великий повелитель и господин – научит вас судить обо всем иначе, чем вы это делаете в настоящую минуту, так как теперь вы еще находитесь под влиянием чувств, воспоминаний и убеждений обыкновенного существования, короткого и призрачного, как жизнь простого смертного. Может быть, когда-нибудь я расскажу вам про Нарайяну, но только не сегодня. А теперь нам время отправляться. Идите и ждите меня в комнате сокровищ, я переменю костюм и сейчас же приду к вам.

Ральф молча поклонился и ушел в указанную комнату. Там он сел у стола, на котором лежал его плащ и стояла шкатулка. Опустив голову на руки, он задумался, стараясь разобраться в массе причудливых событий, которые случились с ним в течение последних дней, и в которых он чувствовал себя запутанным, как в паутине.

Легкий шум оторвал его от дум. Он обернулся и увидел Нару, которая входила, застегивая перчатки. На молодой женщине было надето простое черное суконное платье, жакетка и черная же фетровая шляпа. В руках она держала небольшой кожаный саквояж и альпийскую палку. На шее, на тоненькой золотой цепочке, висел лорнет.

В таком костюме она ничем не отличалась от всякой другой женщины-аристократки,

путешествующей в горах. Черный костюм еще рельефней выделял красоту ее ослепительно белого лица и пепельных с золотистым отливом волос.

– Вы не забыли дорогу, Ральф Морган? Впрочем, я сама отлично знаю ее и даже могу указать вам кратчайшую, – сказала молодая женщина, по лицу которой скользнула усмешка, когда она встретила пылающий, полный восхищения взгляд доктора.

– Дорогу я помню. Но откуда вы знаете мое имя? Насколько помню, я еще ни разу не называл себя, – спросил удивленный Ральф.

Нара насмешливо расхохоталась.

– Надо же мне знать, с кем я обручена? Впрочем, отныне вы – принц Нарайяна Супрамати, а имя «Морган» можете сохранить на случай, если вам понадобится инкогнито. А теперь – в путь!

Не отвечая ни слова, Ральф последовал за ней. Он начинал чувствовать суеверный трепет перед этим прекрасным созданием, которое слышало, казалось, его мысли и читало его желания.

Спуск совершился гораздо быстрее, чем подъем, и с наступлением ночи Ральф и его спутница прибыли в гостиницу, где он останавливался с Нарайяной. Оказалось, что молодая женщина уже заняла там комнату и даже оставила свой багаж.

На следующее утро Нара вышла в глубоком трауре, вся закутанная в креп, и они отправились в экипаже на ближайшую станцию, чтобы ехать по железной дороге в Венецию.

Для Ральфа эта поездка прошла как во сне. Он только видел и слышал свою обольстительную спутницу; все чувства его были возбуждены до крайности, и сидя в купе перед молодой женщиной, он упивался ее красотой, забыв обо всем остальном.

Ральф только тогда несколько очнулся от своего очарованного сна, когда Нара прикоснулась к его руке и с улыбкой сказала:

– Посмотрите, вот Венеция!

Ральф всегда интересовался этим оригинальным городом и жаждал побывать в нем, но ему, конечно, не снилось и во сне, что он посетит его в качестве бессмертного индусского принца. В нем проснулся прежний интерес к этому городу, и он с любопытством стал смотреть в окно вагона. В эту минуту поезд вошел на

гигантский мост, связывающий Венецию с материком, и остановился у вокзала.

Как только открыли двери вагонов, Нара ловко выпрыгнула на платформу. Увидев двух лакеев с галунами, видимо, искавших кого-то в толпе, она обернулась к Моргану и сказала:

– Вот наши люди! Моя телеграмма попала вовремя. В эту минуту один из лакеев быстро подошел к ней и сказал с глубоким поклоном:

– Гондола ожидает вашу светлость!

– Хорошо, Баптисо! Позаботьтесь о багаже. Идемте, братец! Нара взяла Моргана под руку и направилась на набережную,

где они сели в большую гондолу, управляемую двумя гребцами. Молча проехали они Большой канал, а затем, свернув в боковую лагуну, остановились у дверей обширного древнего дворца.

Спускалась ночь. Во мраке сумерек древние строения, обрамлявшие канал, принимали какой-то особенно мрачный и фантастический вид.

Ральф первым выпрыгнул на ступеньки и помог Наре выйти из гондолы. Они вошли в обширный вестибюль, освещенный электрическими лампочками.

Несколько слуг бросились к ним навстречу и помогли раздеться. В ту минуту, как молодые люди входили в вестибюль, на широкой мраморной лестнице, украшенной цветами и статуями, появился старик в черной ливрее и шелковых чулках. Старик этот быстро сбежал с лестницы и почтительно приветствовал Нару. Та протянула ему руку для поцелуя и сказала сдавленным от слез голосом:

– Сегодня я привезла печальную весть, мой добрый Джузеппе: возлюбленный муж мой умер!

«Однако, эта красавица Нара – очень искусная комедиантка!» – подумал Морган, видя,

как та поднесла к глазам носовой платок и делала вид, что вытирает воображаемые слезы.

Старик дворецкий побледнел и крупные слезы полились по его морщинистым щекам.

– Наш добрый господин умер? – пробормотал он. – О! Какое неожиданное несчастье! Его светлость, казалось бы, был совершенно здоров.

– Увы! Жизнь человеческая так непрочно. Потом я передам вам все подробности смерти моего мужа; сегодня же я так разбита и утомлена, что жажду остаться одна. Теперь я должна вас представить моему зятю – вашему новому господину, принцу Нарайяне Супраматти, младшему брату моего мужа и его единственному законному наследнику. Это – наш верный управляющий, Джузеппе Розати. Поручаю его вашей благосклонности, Супраматти. Я же уйду к себе – поблагодарив вас за помощь и поддержку, какую вы оказали мне в моем великом несчастье.

Морган прижал к губам ее маленькую ручку и пожелал покойной ночи. Поднявшись на несколько ступеней, Нара снова обернулась.

– Джузеппе! Вы проводите принца в комнаты его покойного брата. Надеюсь, там все в порядке?

– О, ваша светлость! Конечно, все в порядке. Разве могли мы думать, что наш добрый господин не вернется?

– Отлично. Позаботьтесь же, чтобы принцу хорошо служили, и распорядитесь, чтобы завтра весь дом оделся в траур!

Сделав грациозный жест рукой, Нара взбежала по лестнице и исчезла в боковой двери.

– Пожалуйте за мной, ваша светлость! – сказал старик управляющий, прерывая мысли Моргана, который никак еще не мог ориентироваться в своем новом положении. – Эй вы, Грациозо и Беппо, посмотрите скорей, все ли готово для приема его светлости?

Слуги исчезли как тени. Ральф молча последовал за управляющим, который поднялся по лестнице и прошел длинную галерею, освещаемую с одной стороны высокими готическими окнами.

– Вот апартаменты вашей светлости, – сказал Джузеппе, указывая на дверь в конце коридора.

Они прошли целую анфиладу комнат, обставленных с царской роскошью и до такой степени украшенных драгоценными произведениями искусства, что каждая из них представляла маленький музей.

– Вот рабочий кабинет покойного принца. Эта дверь направо ведет в библиотеку, а налево – в спальню, – сказал дворецкий, пока слуга по имени Грациозо почтительно принимал от Ральфа его плащ и шляпу.

Морган с любопытством оглянулся кругом. Он находился в огромной комнате, отделанной черным дубом и просто, строго меблированной. Обивка мебели и дверная занавеска были из коричневой кожи. На большом дубовом резном бюро стояли чернильница из золота и ляпис-лазури и лампа под синим абажуром, слабо освещавшая обширную комнату. Через открытую дверь библиотеки виднелись резные полки, покрывавшие стены до самого потолка; но в данную минуту Ральф не обратил на них никакого внимания. Молодой человек прямо прошел в спальню. Это была комната меньших размеров, обтянутая темно-красным шелком. В ней стояли низенькая мягкая мебель и большая кровать под балдахином.

– Не желает ли ваша светлость принять ванну, чтобы освежиться после дороги, а затем поужинать? – спросил Джузеппе.

– Да, я охотно вымылся бы и поужинал, если только не придется долго ждать.

– Все готово! Я сейчас распоряжусь, чтобы ужин немедленно был подан, как только ваша светлость выйдет из ванны.

Слуги провели Ральфа в уборную, снабженную всеми атрибутами, необходимыми для туалета большого барина, каким был покойный Нарайяна, а затем в ванную, которая со своими мраморными стенами, мозаичным полом, большой ванной из порфира и чудными, украшавшими ниши статуями, положительно ослепила скромного доктора, чувствовавшего себя точно в очаровательном сне.

После ванны слуги надели на Ральфа необыкновенно тонкое белье, а Беппо подал ему красивый плюшевый халат на белой атласной подкладке.

– Покойный принц никогда не надевал этот халат. Он заказал его только перед своим отъездом, – заметили слуги, объясняя удивленный взгляд своего нового господина нежеланием надеть платье, которое носил его покойный брат.

– Давайте! – сказал Ральф, надевая халат, оказавшийся как раз по нем.

Затем он прошел в соседнюю комнату, где уже был подан обильный ужин.

Морган был голоден, а потому отдал должную дань отлично приготовленному ужину, доказывавшему, что Нарайяна имел хороший вкус.

– Дайте мне журналы за последнее время, а затем, Беппо и Грациозо, вы можете идти. Сегодня вы мне больше не нужны, и я лягу спать один, – сказал Морган, отталкивая тарелку.

Оба лакея, как тени, убрали со стола, принесли журналы и вышли из комнаты.

Когда за ними закрылась дверь и опустилась тяжелая портьера, Ральф остался наконец один. Вздых облегчения вырвался из его груди, так как присутствие слуг тяготило его.

– Слава богу! Наконец-то я у себя, – пробормотал он. – Теперь присутствие слуг не мешает мне больше осмотреть мои новые владения. Надеюсь, я скоро привыкну приказывать и сделаюсь настоящим набобом, роль которого должен играть.

Ральф обошел комнаты, осматривая вещи, которые все показались ему необыкновенно замечательными, а затем вернулся в кабинет. Здесь, на кресле у бюро, стояла шкатулка, которую он привез с собой. Пододвинув стул, он открыл ее и уже тщательнее, чем в первый раз, осмотрел заключавшиеся в ней вещи и бумаги.

Окончив этот осмотр, он хотел положить документы в бюро, но оно оказалось запертым. Тогда он увидел большой резной шкаф и тоже попытался открыть его, но тщетно.

Очень недовольный, он вернулся к бюро, как вдруг вспомнил, что видел в одном из отделений большого красного портфеля золотой ключик. Ральф поспешно достал его. Ключ не подошел к бюро, но к великому удовольствию доктора открыл шкаф старинной работы, с тонкой, как кружево, резьбой и с бесчисленным множеством ящиков и отделений всевозможной величины.

В среднем ящике стояли две шкатулки и лежала связка ключей. Одна из шкатулок была наполнена золотом и банковыми билетами; другая – драгоценными вещами, как-то булавками для галстуков, запонками, брелоками и пр.

Затем Ральф приступил к осмотру других отделений ящиков. В одном из них он нашел часы всевозможных смен и стилей; в другом оказалась целая коллекция табакерок, сверкавших бриллиантами. Одно отделение, устроенное в виде особого шкафчика, было полно всевозможных пузырьков, а на внутренней стороне дверцы была сделана надпись «медицина». Наконец, целая половина шкафа была набита женскими сувенирами: драгоценностями, веерами, батистовыми кружевными платками, банками, сухими цветами и целой серией миниатюр, изображавших очаровательные женские головки.

Очевидно, все это были воспоминания долгой и полной волнений жизни Нарайяны.

Ральф запер шкаф и, вернувшись, сел перед бюро, которое открыл найденными ключами. В среднем ящике он нашел нарочно положенную на виду толстую тетрадь в переплете. На белом листке бумаги, лежавшем на тетради, было написано размашистым и твердым почерком: «Прочсть моему наследнику».

Морган вздрогнул. Итак, этот человек думал о нем, даже не видав его!

Охваченный глубоким волнением, Ральф перелистал тетрадь. Она содержала несколько глав, заголовки которых были написаны красными чернилами и носили следующие названия: «Магический круг», «Формула вызывания», «Круг духов», «Обитатели царства тишины» и пр. Морган остановился. Ему показалось, что холодный ветерок шевелит его волосы и чье-то ледяное дыхание касается щеки. Охваченный неприятным чувством, он захлопнул тетрадь и бросил ее обратно в ящик.

Позже, при дневном свете, он внимательно прочтет все это и рассмотрит письма и бумаги, хранившиеся в бюро, да, вероятно, и в других местах. В несколько часов невозможно

сориентироваться в таком громадном наследстве, притом еще так неожиданно доставшемся.

Откинувшись на спинку кресла, Ральф отдался размышлениям. Он никак не мог еще привыкнуть к своему новому положению, оторвавшему его от скромной трудовой жизни и от его болезненного состояния. Без всякого труда и без всякой заслуги с его стороны явился какой-то незнакомец и, как сказочный волшебник, сделал из него, скромного доктора лечебницы для душевнобольных, – принца, миллионера, человека, полного здоровья и сил. и, что невероятней всего, человека почти бессмертного. Конечный вопрос всякой жизни – *смерть*, эта верная и страшная спутница, но и освободительница в то же время, была устранена с его пути, если не навсегда, – так как Нарайяна ведь умер, – то во всяком случае на неопределенное время. Итак, смерть не будет подстерегать его, старость не сделает его слабым и дряхлым, а болезни не отравят ему радостей жизни.

Ральф быстро встал, подошел к зеркалу и стал рассматривать себя, как рассматривал бы постороннего. Человек, образ которого отражался в зеркале, мог быть доволен собой. Ральф не считал себя таким красивым. С детским наивным самодовольством он улыбнулся своему собственному отражению и провел рукой по своим густым, вьющимся волосам. Затем он снова опустился в кресло.

Теперь его мысль обратилась к таинственной женщине, доставшейся ему в наследство, как и все остальное. Взор его был устремлен на мастерски сделанный акварельный портрет Нары, стоявший на бюро в бархатной рамке. Она была изображена в бальном туалете. Оригинальная красота, демонический взгляд ее черных глаз были переданы с необыкновенной жизненностью.

И эта странная и обаятельная женщина будет принадлежать ему; как только кончится срок траура, она сделается перед людьми его законной женой. При этой мысли сердце его усиленно забилося и точно огонь пробежал по жилам.

Пробило четыре часа. Бой часов оторвал Моргана от его дум. Усталый душой, а не телом, он прошел в спальню и вскоре заснул глубоким сном.

Когда он проснулся, было уже поздно. С невыразимым наслаждением потянулся он на мягком ложе, блуждая взглядом по богатой и комфортабельной обстановке, окружавшей его. Вдруг пришли ему на память последние месяцы жизни в Лондоне, бессонные ночи, мучительный кашель и острая боль в сердце; вспомнилось ему, как он с беспокойством вскакивал с кровати, боясь опоздать на службу в клинику, и как возвращался домой, разбитый усталостью после длинного пути пешком или на трамвае. При мысли, что с этим прошлым навсегда покончено, вздох облегчения вырвался у него из груди.

Быстро приподнявшись с подушек, он нажал кнопку электрического звонка. Немедленно же явились два лакея и помогли ему одеться. Умываясь, Ральф размышлял о том, что у него нет платья на смену и что ему неприлично пользоваться гардеробом Нарайяны, если бы даже он и пришелся ему по росту, так как люди покойного набоба могли бы принять его за бедного родственника, явившегося Бог знает откуда.

Вследствие всех этих размышлений Ральф обратился к Грациозо, который представился в качестве первого камердинера, и сказал:

– Позовите сегодня же портного, одевавшего моего покойного брата. Телеграмма, призвавшая меня к его смертному одру, была так неожиданна, что я уехал налегке и должен заказать здесь себе новый гардероб. А пока дайте мне какое-нибудь платье Нарайяны: я посмотрю, можно ли мне надеть его.

Несколько минут спустя Морган убедился, что его предшественник обладал великолепным гардеробом, сшитым по последней моде, который точно был сделан для него.

Продолжая одеваться, Морган спрашивал себя, не сохранил ли Нарайяна также одежды римские, рыцарские и всех других веков, в которых он жил. В таком случае коллекция эта должна была быть очень интересна.

Он уже кончал одеваться, когда явился Джузеппе. Старик-управляющий осведомился, как его светлость провел ночь и в то же время сообщил ему, что ее светлость просит его пожаловать к завтраку, так как желает познакомить его со своими знакомыми, которые, узнав

о постигшем ее горе, приехали выразить ей свое соболезнование.

Ральф тотчас же отправился на половину своей новой таинственной невестки и застал ее в обществе двух дам и трех мужчин. Все были, видимо, очень огорчены.

Нара тоже имела печальный и убитый вид. Она подала Моргану руку, а затем представила его присутствующим, принадлежавшим к венецианской знати.

– Позвольте, дорогие друзья мои, представить вам младшего брата моего бедного мужа! Он также носит имя Нарайяна Супрамати, только в отличие от покойного мы называем его одним последним именем.

Прием, оказанный наследнику покойного принца, был в высшей степени любезный. Все напереыв уверяли его в своей дружбе, в высоком уважении и выражали горячее желание доказать ему свои добрые чувства. В этих вежливых уверениях сквозило такое искательство и угодливость, что Морган почувствовал в душе отвращение и с холодной сдержанностью принимал уверения своих новых знакомых.

Немного спустя все перешли в великолепную столовую, отделанную в древнем венецианском стиле, и отдали должную честь прекрасному завтраку. Моргану не пришлось занимать гостей, потому именно, что они занимались им. Зато он внутренне восторгался апломбом, с каким Нара импровизировала его биографию и описывала свои детские отношения с мнимым братом.

Молодая женщина рассказывала, что Супрамати, рожденный от второго брака, был гораздо моложе покойного Нарайяны, но что самая нежная дружба связывала братьев, хотя они и не виделись несколько лет, так как молодой принц путешествовал для своего удовольствия по всем странам света.

Удивление Ральфа достигло своего апогея, когда Нара предложила гостям самим убедиться в необыкновенном сходстве Супрамати с своим покойным братом. Когда же присутствующие согласились с этим, а дамы даже нашли в его глазах и улыбке поразительное подтверждение этого сходства, молодой человек чуть не рассмеялся и почувствовал отвращение. Очевидно, его собственная личность исчезала в ореоле представителя колоссального богатства, а низость людская, глухая и слепая пресмыкалась перед этой грудой золота.

Ральф невольно взглянул на Нару, стараясь проникнуть в глубину ее мысли, и с восхищением убедился, что несмотря на ее вздохи и жалобы, жгучие глаза молодой женщины смотрели на него с выражением, доказывавшим, что он очень нравится ей.

Когда все вернулись в гостиную и гости стали прощаться, Нара объявила им, что утром, на следующий день, она уезжает на несколько недель для устройства своих дел.

Наконец молодые люди остались одни. Морган последовал за своей новой невесткой на большой открытый балкон, откуда открывался вид на канал. Нара лениво раскинулась на низеньком диване и устремила взор на Моргана, молча облокотившегося на балюстраду.

– Дорогой мой Супрамати! Вы плохо входите в вашу роль и имеете немного дикий вид в этой новой для вас среде. Впрочем, я надеюсь, что ваша молчаливость будет приписана горю, которое вы испытываете вследствие потери такого близкого родственника, – чуть насмешливо заметила Нара.

– Это правда! Я чувствую себя, как во сне, – ответил Морган, проводя рукой по лбу. – Впрочем, – с улыбкой прибавил он, – если смерть брата делает меня молчаливым, то я убедился, что и ваше вдовье горе не глубже. Но шутки в сторону! Вы не оплакиваете Нарайяну и, по-видимому, нисколько не жалеете его? Давно вы обвенчаны?

Нара рассмеялась тихим, пронзительным смехом, неприятно прозвучавшим в ушах Моргана.

– Достаточно долго, чтобы могли друг другу надоесть. И в обыкновенной жизни слишком легкомысленный муж может опротиветь жене, но там для обоих вопрос решает смерть. Представьте же вы себе положение женщины, связанной с мужем, вечно молодым и полным сил, ревнивым, бесконечно требовательным, изменяющим и эгоистом! Подобный союз может загасить целый вулкан страстей и истощить терпение верблюда. И если

обыкновенный муж обманывает жену тысячи раз за 25-30 лет совместной жизни, прикиньте, какой перечень супружеских неверностей должен быть у «бессмертного»...

По мере того как Нара говорила, выражение грусти, презрения и невыразимого утомления туманило ее лицо. Сердце Моргана прониклось глубокой и искренней жалостью к этой новой спутнице его странной отныне судьбы, к этому таинственному наследнику его благодетеля.

Наклонившись к Наре, Ральф схватил ее руку и страстно прошептал:

– Забудьте прошлое, Нара! В предстоящей нам долгой жизни я буду боготворить вас, буду любить вас одну и употреблю все силы, чтобы сделать вас счастливой.

Выражение глубокой грусти скользнуло по впечатлительному лицу Нары.

– Не клянитесь! – сказала она, качая головой. – Вы не сдержите ни одной клятвы. Не забывайте, что только лишь источник жизненных сил у нас другой, чем у всех смертных; во всем же остальном вы остаетесь таким же рабом человеческих слабостей, каким вы были раньше, за исключением разве того, что для наслаждений вы вооружены непоколебимым здоровьем, на которое не могут иметь влияния никакие излишества и страсти, да еще в придачу колоссальным богатством, позволяющим вам удовлетворять все ваши прихоти. Опасность же подобных условий жизни вы еще не испытали.

– Я понимаю, что вы сомневаетесь во мне, так как очень мало еще знаете меня. Неужели же это самое недоверие ко мне заставляет вас уехать из Венеции?

– Нет, светские приличия требуют, чтобы мы расстались. Время траура я хочу провести в уединении и, кстати, устроить свои дела. А вы привыкайте пока к своей новой жизни. Наследство Нарайяны хранит еще для вас всевозможные сюрпризы. Поработайте также над изучением, каким образом надо употреблять таинственные силы, которыми вы располагаете. Не убивайтесь, мой дорогой жених! – весело прибавила она. – Вы будете иметь от меня вести. Когда же срок моего траура кончится и я вернусь сюда, мы отпразднуем краткий миг упоения и забвения, обманывая себя насчет продолжительности нашего счастья и считая его таким же вечным, как и наша жизнь. Но что за дело до этого? В пустыне жизни не следует пренебрегать даже минутным блаженством.

Не давая времени Моргану ответить, Нара сделала прощальный знак рукой и ушла с балкона.

Глава третья

стальной день и ночь миновали, не принеся с собой ничего особенного. Время шло в совещаниях с портным, в осмотре дворца и в скучнейшей беседе с Джузеппе Розати, который вручил ему расходные книги и счета и стал обсуждать различные вопросы, касающиеся управления.

На следующее утро Ральф отвез Нара на вокзал, но та не сказала ему, куда она едет. Печальный и расстроенный вернулся он во дворец, показавшийся ему пустым без нее.

После обеда Ральф ушел в свои апартаменты, запретив беспокоить себя, и занялся осмотром разных вещей в спальне, а также ящиков бюро.

В одном из них он нашел переплетенную тетрадь, листы которой были исписаны рукой Нарайяны.

Пробежав несколько страниц, Морган убедился, что это был дневник покойного, куда он заносил, сообразно являвшейся ему фантазии, случаи из жизни, различные заметки и пережитые впечатления. Последние страницы тетради были чисты. У Ральфа явилось желание прочесть, что последним записал этот странный человек.

«Есть ли более ужасная болезнь, чем пресыщение? – писал Нарайяна. – Пресыщение – это мрачная тоска, которая гонит вас с места на место, делает все для вас невыносимым и истощает ваше терпение».

«Один труд может убить время – этого ужасного гиганта, ужасного своим темным и неизвестным будущим, своим настоящим, вечно убегающим из-под ног, и своим прошлым,

населенным неизгладимыми воспоминаниями».

«И все-таки самое ужасное – это настоящее, так как если я могу уединиться в прошедшее и унести в будущее, то в настоящем я всюду сталкиваюсь с людьми – этими точащими червями, которые своими ядовитыми укусами терзают душу, если не могут уничтожить тело».

«Отвратительная, низкая, продажная и неблагодарная толпа, лстящая и пресмыкающаяся перед богатым и топчущая ногами бедного, который не в состоянии платить ей за ее предательскую и лживую дружбу. О! Эта ложь, неуловимая, пропитавшая все существо этих презренных и жестоких людей, которые взаимно ненавидят друг друга, клеветают, разрывают друг друга на части или вырывают один у другого кусок хлеба и в то же время лицемерно обнимаются, купаясь в этой фальши, без которой не могут существовать. Горе тому, кто должен влечить жизнь с открытыми глазами, свободный от всяких иллюзий, видя всюду в семьях, между супругами, родными и друзьями отвратительное гримасничанье лжи и понимать всю пошлость, лукавство, посредственность и злобу людскую, а между тем вынужден молчать, так как кто же понял бы его?»

«Бедный бессмертный! В ужасном одиночестве твоего аномального существования, чтобы бежать от самого себя, ты бросаешься добровольно в эту толпу, стремясь вкусить все ее бедствия, готовый даже быть обманутым и преданным, лишь бы только не быть одному; так как даже любовь – этот великий двигатель, поддерживающий людей в их мимолетной жизненной борьбе, – становится беспощадным палачом для вечного путника. Сама смерть насмешливо кричит ему: ради безграничной жизни неси на мой жертвенник все, что ты любишь!»

«Я знаю, что могу презирать смерть и что обладаю средством, при помощи которого могу, когда захочу, вырывать у нее ее жертвы, а между тем я не пользуюсь этим. Я не смею осудить другое существо на ту муку, какую чувствую сам! То, что я считал блаженством, оказалось невыносимым бременем. У меня нет больше желаний, нет надежд, я не борюсь больше ради священной цели, и человечество для меня – мертвая буква».

«Да что такое для меня человечество? Эфемерная толпа, являющаяся из неизвестной колыбели, вихрем проносящаяся мимо и погружающаяся затем в таинственное небытие, где никогда недостатка в месте не бывает».

«И вечно одна и та же картина! Миллионы людей рождаются, борются, страдают, после этой краткой и жалкой жизни исчезают, ничего не сделав. Если усилия миллионов людей не дают ничего, то что может сделать один несчастный, который не двигается вперед, а стоит на одном месте в этой гостинице, которую другие быстро проходят, стараясь вырвать у преследуемого ими призрака «счастья» какой-нибудь клочок наслаждения».

«Картина отвратительная, особенно для того, кто, оторванный от обычных законов, с птичьего полета наблюдает кишащий у его ног хаос несправедливости и беспорядка, не будучи в состоянии уловить исконный смысл глумливо лукавого «случая», осуждающего гения и талант на прозябание в неизвестности и смерть с голоду в трущобе, тогда как бездарность и невежество, надутое гордостью и тщеславием, взбираются на триумфальную колесницу, управляют умами народов, увеличивают беспорядок и создают кровавые сатурналии, где гложут и гибнут невинные и полезные существа, которых справедливость, если бы она существовала, должна была бы выдвинуть вперед, чтобы они несли в мир свет, тепло и мудрость. И ни одна из жертв не страшится с себя могильный прах, чтобы крикнуть управляющему миром адскому ареопагу: «Мщение!» И действительно, великое счастье, что люди, терзаемые голодным желудком и гонимые вперед бичом нужды, не имеют времени задуматься над смыслом вещей и над таинственными причинами их бедствий».

«Измученное, задыхающееся и обезумевшее от борьбы человечество не имеет времени рассуждать и возмущаться. Оно стремится к могиле, породив новое поколение, такое же несчастное и угнетенное, как их отцы и деды»

«О! Как все это мне опротивело и как я устал; как я желал бы избавиться от цепей, приковывающих меня к телу. Смерть-освободительница, непонятный друг! Я жажду отдохнуть в твоих объятиях, я хочу быть свободным!...»

Бледный, с влажным лбом, читал Морган эти строки, очевидно, написанные в разное время, под впечатлением минуты, и строки эти ясно обрисовывали состояние души этого человека, все видевшего, все испробовавшего и все испытывавшего. Необыкновенный случай, казалось, гарантировал его от всех человеческих бедствий, а он, подавленный пресыщением, жаждал одного только разрушения...

– Неужели и для меня настанет когда-нибудь такой же час?

– с тоской спросил себя доктор. – Нет! Это невозможно. Жизнь

– это самый драгоценный дар, и старец, наставлявший меня в галерее предков, был прав, говоря, что даже вечность не покажется слишком длинной тому, кто сумеет наполнить ее трудом и делами милосердия. Я не стану философствовать над несчастьями человечества, а буду стараться помочь ему, – закончил он свой монолог.

Поглощенный своими мыслями, Ральф даже не заметил, как за ним открылась дверь, и в кабинет вошел высокий человек, закутанный в черный плащ, с маской на лице. Только когда незнакомец положил ему руку на плечо, он вскочил и с удивлением посмотрел на странного посетителя.

– Не бойтесь, преемник Нарайяны Супраматии! – сказал незнакомец глубоким голосом. – Вы должны следовать за мной, и ваше отсутствие продлится всего несколько дней, но оно необходимо.

– Я готов следовать за вами! Я знаю, что вступил в магический круг, обвивший меня подобно змее и возложивший на меня обязанности, от которых я не могу уклоняться, – спокойно ответил Морган. – Впрочем, мне нечего бояться смерти и я могу без всякой опасности следовать за вами, – прибавил он с легкой улыбкой.

– Хорошо! Сделайте необходимые распоряжения и приходите ко мне: я буду ждать вас в гондоле у большой лестницы. Не забудьте надеть кольцо, которое вы нашли в портфеле.

Как только он ушел, Ральф позвонил. Явившемуся на звонок слуге он приказал уложить в маленький чемодан самые необходимые вещи и велел позвать Джузеппе, объявив, что уезжает на две недели. Затем, надев на палец древнее кольцо и сунув в карман туго набитый бумажник, он вышел из комнаты.

Спустилась уже ночь. Несмотря на свет, освещавший подъезд, качавшаяся на воде гондола тонула во мраке.

На корме стоял гребец, а в каюте с полуопущенными занавесями сидел незнакомец. Морган поставил на скамейку чемодан и сел рядом с незнакомцем. Гондола немедленно же двинулась в путь и быстро скользнула по темным водам канала.

Человек в маске молчал. Морган со своей стороны предположил, что и ему следует делать то же. Он прислонился к подушкам и задумался. Мало-помалу им стала овладевать тяжелая сонливость, и он закрыл глаза.

Он сам не мог сказать, сколько времени провел он в таком забытии. Его привел в себя голос замаскированного человека. Ральф быстро выпрямился и был неприятно удивлен. Несмотря

на глубокую тьму безлунной ночи, он увидел, что они находятся в открытом море и что гондола пристала к кораблю: высокие мачты и распущенные паруса смутно вырисовывались во мраке.

– Входите! – сказал незнакомец. Морган взошел на палубу, и тягостное чувство охватывало его все больше и больше.

Парусное судно, на котором он очутился, было очень древнего типа. На корабле не видно было ни матросов, ни пассажиров, и только один дымящийся факел освещал красноватым светом вход в каюты.

Повинуясь молчаливому указанию своего проводника, Ральф спустился за ним по лестнице и оба очутились в богато, но странно меблированной каюте. Здесь были собраны самые разнообразные и разнородные предметы. Посредине каюты стоял стол, в изобилии уставленный вином и холодной дичью. Восковые свечи в маленьком золотом канделябре освещали дорогую посуду, которая, казалось, тоже была собрана случайно, как и все

остальное.

Сбросив на стул плащ и шляпу, незнакомец снял маску. Морган увидел теперь, что это был высокий и стройный мужчина лет тридцати. Красивое и правильное лицо его было смертельно бледно, что еще резче оттенялось его черными, как вороново крыло, кудрявыми волосами и такой же бородой. Выражение черных, широко открытых глаз бросало в дрожь, а в углах рта залегла горькая и суровая складка.

Несмотря на несомненную красоту этого человека, от него веяло чем-то мрачным, полным отчаяния, и Ральф почувствовал, как невольная дрожь суеверного ужаса пробежала по его телу.

Вдруг Ральф вздрогнул. На тонкой и выхоленной, но бледно-мертвенной руке незнакомца он увидел совершенно такой же перстень, как и у него, только вместо рубина в нем сверкал сапфир.

Костюм незнакомца тоже относился к другому веку. На нем был черный бархатный камзол, широкий кружевной воротник и высокие сапоги. Кинжал с инкрустированной рукояткой торчал из-за широкого черного опоясывавшего его кушака.

– Добро пожаловать, брат мой! Садитесь, – сказал незнакомец, подавая руку Моргану.

Тот пожал ее и не успел он задать вопрос, вертевшийся у него на губах, как поднялась тяжелая шерстяная занавесь, и на пороге смежной небольшой каюты появилось еще более странное лицо.

Вошедший был старик, по крайней мере, лет восьмидесяти, судя по массе морщин, покрывавших его лицо, белая борода его спускалась до самого пояса. Орлиный нос и пронизывающий взгляд черных глаз придавали ему сходство с хищной птицей.

Старик этот носил одежду странника из черной шерстяной материи; ноги его были обуты в сандалии, а голова покрыта небольшой шелковой ермолкой. Стан его был сгорблен; в руках он держал узловатую, почерневшую от времени палку, а на морщинистой руке его было надето золотое кольцо, такое же, как у других двух, только украшенное изумрудом.

– Привет тебе, младший брат наш! Добро пожаловать, Нарайяна Супрамати! – сказал он, пожимая руку Моргана.

– Приветствую и я вас, братья,- отвечал тот, кланяясь.

По виду одинаковых колец Морган понял, что он находится среди членов таинственного братства, членом которого он сделался, сам того не подозревая. К тому же, в глазах его собеседников горел такой же странный огонь, как и в глазах человека, посвятившего его.

После краткого разговора на каком-то непонятном для Ральфа языке все сели за стол. Младший незнакомец, казавшийся здесь хозяином, наполнив кубки вином, предложил своим гостям закусить и выпить.

Сначала все молча выпили и подкрепились пищей. Затем Морган поднял свой кубок и сказал:

– Я пью этот кубок за ваше здоровье, братья, и прошу вас благосклонно принять вопрос, который хочу вам задать.

– Говорите!- ответили оба разом.

– Вы меня знаете, так как назвали по имени, – продолжал Ральф, – я же нахожусь в полном неведении о тех, с кем я имею честь разговаривать. Но я чувствую, что вы – моя новая родня, существа, попавшие в такие же условия жизни, как и я, с которыми меня связывают таинственные узы, так как в ваших глазах горит такое же пламя, как и в глазах покойного Нарайяны.

– Ты прав, мой брат: мы составляем одну семью. Какое бы расстояние нас ни разделяло, мы соединены таинственными связями, – ответил старик. – Ты имеешь право знать наши имена, но не пугайся, если они покажутся странными. Ты, вероятно, слышал имя Агасфера?

– Агасфер! Это имя легенда дает, кажется, Вечному Жиду! – пробормотал пораженный Морган.

– В легенде всегда таится правда, искаженная воображением людей, которую время все более и более дополняет и извращает, – заметил старик. – Вечный Жид – это я, а он, – Агасфер

указал на мрачного собеседника, который задумчиво облокотился на стол, – тоже герой легенды, капитан призрачного корабля, предвещающего гибель встречным судам. Это – Блуждающий голландец, как называют его моряки.

Морган невольно поднялся и с ужасом смотрел на обоих. Он думал, что эти легендарные личности были созданы только народной фантазией, а теперь, оказывалось, он сидел с ними за одним столом, если только это не были, так сказать, псевдонимы, скрывающие их настоящие личности, как он сам скрывался под именем Нарайяны Супрамати. Если же старик говорил правду, то именно такими должны были быть призраки, пугавшие мир. Стоило только взглянуть на них, и сразу можно было понять, что это были необыкновенные люди.

– Мы не призраки, мы дети рока и такие же люди, как и ты, а потому ты не должен бояться, – заметил тот, которого называли Блуждающим голландцем.

Морган устыдился своего страха и сказал, отирая выступивший пот:

– Простите, братья мои, мой смешной страх ввиду того странного и тягостного состояния души, в котором я нахожусь. Поставьте себя на мое место и представьте себе чувства человека нашего неверующего времени, доктора, признанного скептика, неожиданно попавшего в такую странную среду. Он невольно спрашивает себя, что с ним: пьян ли он, с ума сошел или стал жертвой кошмара либо галлюцинации?

Морган сжал голову обеими руками.

– Поэтому не сердитесь же на меня, если я вас спрошу, действительно ли вы – те люди, чьи имена носите? Например, вы, Агасфер, – неужели вы тот самый человек, которого проклинал Христос, если только такой человек когда-нибудь существовал?

– Да, я – Агасфер. Я видел и знал Христа, но он не проклинал меня, так как этот Божественный носитель доброты Отца Небесного умел только благословлять и прощать. Другая причина заставила меня странствовать.

– Но тогда где же вы живете? – спросил Морган, побледнев от волнения.

– Я нигде не живу. Весь мир принадлежит мне. Опираясь на эту палку, обутый в сандалии, я каждый век семь раз обхожу всю планету, всегда возвращаясь к пункту своего отправления. Небо – моя кровля, земля – моя постель, а растения – моя пища! Я отдыхаю только у «посвященных» каждые десять лет в течение трех дней и трех ночей. Мне ничего не нужно. Я бегу от времени, а оно преследует меня, – окончил мрачно старик и облокотился на стол.

Глубокая складка прорезала его морщинистый лоб, а на губах появилось горькое выражение.

После минутного тягостного молчания старик встал, осушил кубок вина и, кивнув головой молодым людям, удалился обратно в маленькую каюту, откуда пришел. Морган чувствовал себя подавленным и нерешительно глядел на оставшегося собеседника. Несмотря на ужасную бледность и страшный взгляд черных глаз, голландец был ему гораздо симпатичней зловещего Агасфера. Ему очень хотелось спросить его, справедлива ли легенда, делавшая его и его корабль предвестниками смерти. Как бы услышав мысль Ральфа, тот поднял голову и сказал звучным голосом:

– Позже я вам расскажу, почему море стало моим поприщем, волны – моим отечеством, а этот корабль – моим жилищем, где я живу среди книг и моих воспоминаний. Я вам объясню также, почему я появляюсь тем, кто осужден на смерть.

– И вы вечно плаваете один на этом корабле? – спросил Морган.

– Иногда я схожу на землю, чтобы насладиться минутами мимолетной любви, и это вносит разнообразие в мою мрачную, монотонную жизнь; но твердая земля не выносит меня больше трех дней и трех ночей. А теперь скажите, по какому случаю вы сделались *нашим* и счастливы ли вы, получив драгоценный дар, вырвавший вас из условий обыденной жизни?

– Я испытал пока еще только один дар – возрожденное здоровье.

И Ральф в нескольких словах рассказал свою прошлую жизнь, а затем продолжал:

– Я умирал от чахотки и, чувствуя приближение разрушения тела, искал способ проникнуть в тайну загробного существования. Моя душа чувствовала тайны и загадки,

скрывающиеся за грубой завесой невежества, в котором прозябает человек. Как доктор-психиатр я видел, что в больных, которых я не умел вылечить, совершается какая-то таинственная работа. Тело их было здорово; страдало же в них *что-то* невидимое, неуловимое. И вот именно эти скрытые силы и этот оккультный мир, со всех сторон окружающий человека и проявляющийся под самыми странными формами, неудержимо привлекал меня к себе. Боясь неизвестной бездны, в которую ввергает нас смерть, я жаждал знать путь, по которому следует душа, страстно хотел знать, переживает ли она тело. Но я был один со своими сомнениями, боязнью и изысканиями. Как доктору мне стыдно было сознаться перед своими неверующими товарищами, что я ищу неосязаемую божественную искру, ускользающую от скальпеля. Узнал ли Нарайяна, благодаря ясновидению, которым, казалось, обладал, о моих усилиях, страданиях и стремлении помочь ближним? Но только он выбрал меня из всех и сделал мне драгоценный и ужасный дар безграничной жизни. Впрочем, это только мое предположение; истинной причины, побудившей Нарайяну избрать меня, а не кого-нибудь другого, более достойного, я не знаю.

– Может быть, узы прошлого соединяли вас с Нарайяной: узы, создаваемые любовью в прошлых существованиях, бывают очень крепки и их трудно разрушить, – заметил голландец. – Однако, не желаете ли вы отдохнуть?

Морган покачал головой.

– Разнообразие впечатлений, вынесенных мною сегодня, прогнало всякий сон. Если вы сами не утомлены и мое общество вам не надоело, то я просил бы вас остаться и побеседовать со мной. Признаюсь вам, мне очень хотелось бы узнать вашу настоящую историю. Кроме того, меня интересует, зачем вы привезли меня на ваш корабль и познакомили с Агасфером, а также куда мы направляемся?

– Мы направляемся в главную резиденцию нашего братства, чтобы отпраздновать одно из торжественных вековых наших собраний. Там, в этом таинственном святилище находится кубок Грааля.

– Как? – *Грааль* существует? – с недоверчивой улыбкой спросил Морган.

– Мы же ведь существуем – почему же не может существовать кубок, один вид которого, по преданию, дает бессмертие? Название ничего не значит, – серьезным тоном ответил голландец. – Теперь же, если это вас так интересует, я расскажу вам свою историю, откинув покров, которым окутала ее легенда.

В конце пятнадцатого века я родился от известного пирата, приобретшего своими грабежами весьма значительное состояние. Мой отец по происхождению был голландец. Это был человек суровый, кровожадный, алчный, но прекрасный моряк. Я рос на отцовском корабле, где с детства приучался к ремеслу пирата. Мне минуло двадцать лет, когда отец был убит во время абордажа большой испанской галеры, и я наследовал от него командование кораблем.

Скоро я приобрел себе славу гораздо большую, чем мой покойный отец. Все мои предприятия заканчивались счастливо. Быстрота, с какою я маневрировал и появлялся там, где меня меньше всего ожидали, окружила мою особу и мой корабль сверхъестественным ореолом, который и послужил, без сомнения, основанием для моей будущей известности. Меня подозревали в сношениях с дьяволом. Хотя я и не был человеком, способным познакомиться с властителем ада, но мои матросы по своей дикости, безумной отваге и кровожадным наклонностям, вполне могли быть сочтены за адских духов.

Однажды, когда я бороздил Северное море, часовой заметил большое коммерческое судно, державшее, очевидно, долгий курс, а следовательно, и богато нагруженное. Я тотчас же отдал приказ преследовать его. Галера тоже увидела нас и пыталась уйти на всех парусах. Как и следовало ожидать, эти усилия оказались напрасными. Мое быстроходное судно живо догнало добычу, и мы бросились на абордаж. Завязалась жаркая битва, так как на борту галеры оказались вооруженные люди; тем не менее отчаянная смелость моих людей принесла нам победу.

Подавая пример своим матросам, я первый вскочил на палубу, и мой абордажный топор

производил страшное опустошение среди защитников корабля. Увлеченный битвой и весь залитый кровью, я бросился в одну из кают, где нашел старика и молодую девушку, почти лишившуюся чувств от страха. Может быть, я довольствовался бы тем, что взял бы в плен старика, если бы он не вздумал драться и не ранил бы меня в плечо своей шпагой.

Опьянев от бешенства, я ударом топора размоzzжил ему голову.

Когда он упал, молодая девушка с отчаянным криком бросилась к нему. Тогда только я увидел, что это было самое очаровательное создание, какое я когда-либо видел, белое и нежное, как фея, с сапфировыми глазами и белокурыми, как золото, волосами. Сердце мое тотчас же воспламенилось.

– Не бойся, прекрасное дитя! Ни один волос не упадет с твоей головы! – вскричал я.

Чтобы обезопасить ее от случайностей битвы и от грубости моих матросов, я решил тотчас же перенести ее на свое собственное судно.

Когда я поднимал ее на руки, она отбивалась, как сумасшедшая; а затем лишилась чувств. В бессознательном состоянии я отнес ее в свою каюту и запер там.

Между тем битва кончилась полной победой моих людей, и я мог приступить к осмотру добычи. Добыча оказалась громадной. От одного из раненых матросов поврежденного экипажа я узнал, что галера эта принадлежала одному из самых богатых купцов ганзейского города Любека. Купец этот отправился в Венецию вместе со своей дочерью, невестой одного итальянского синьора. На борту корабля находилось также роскошное приданое молодой девушки.

Прошло несколько часов, пока мы окончили осмотр и дележ добычи, а также перегрузку на наше судно сундуков, ящиков, тюков и прочих вещей. Я уже готовился уйти с галеры, решив потопить ее вместе с пленниками, которых приканчивали мои люди, как вдруг на залитой кровью палубе появился старик в одежде странника.

Мы были крайне удивлены, так как нигде не видели его раньше. Очевидно, он ехал в качестве пассажира и во время битвы где-нибудь прятался. Старик подошел ко мне, и, устремив на меня странно пылающий взгляд, сказал:

– Не окажешь ли ты мне, капитан, гостеприимство на твоём корабле?

Я не отличался мягким сердцем, но этот старик, не знаю почему, внушил мне какое-то странное уважение к себе. Кроме того, своей белой бородой и орлиным носом он напоминал мне моего отца, которого я очень любил. Да и что мог значить один человек против шестидесяти таких молодцов, как мои матросы? Я сделал знак согласия и благосклонно ответил:

– Добро пожаловать на борт моего судна, почтенный старец! Я найду, где поместить тебя, и у меня найдется достаточно хлеба и вина, чтобы прокормить тебя. Если же наше кровавое дело противно тебе, то мы высадим тебя на берег при первом же удобном случае.

Старик поблагодарил меня, и я поместил его в той же самой каюте, которую занимает теперь Агасфер.

Чтобы отдохнуть от утомительного дня, я приказал устроить большой пир. Мы захватили столько вина и всякой снеди, что угощение вышло грандиозное.

Для себя, моего помощника и старика я приказал поставить отдельный стол; пираты же пировали на палубе, где кому больше нравилось.

Я был в самом лучшем настроении духа, смеялся, шутил со странником и поздравлял его со счастливым избавлением от резни. Он улыбнулся и ответил, что не боится смерти. Я возразил, что я не боюсь смерти, и мы с помощником наперерыв хвалились нашими подвигами.

По мере того как я выпивал кубок за кубком, моя кровь начинала разгораться. Красавица-невеста, захваченная в плен, стала казаться мне все обольстительней, и мною овладело пылкое желание обладать ею.

Я встал и ушел в свою каюту. Молодая девушка уже очнулась от обморока и сидела, закрыв лицо руками. При моем появлении она встала и устремила на меня пылающий взор.

Я сел рядом с ней, пытался утешать и, наконец, объявил, что люблю ее, оставлю у себя и

заставлю разделить с нами нашу веселую и полную приключений жизнь.

Девушка молча слушала меня, и только губы ее нервно вздрагивали. Она не оказала даже никакого сопротивления, когда я поцеловал ее.

Довольный такой покорностью и желая еще более смягчить молодую девушку, я сходил за большой шкатулкой с драгоценностями и подарил ее ей.

Молодая девушка с лихорадочной поспешностью открыла шкатулку и стала рыться в ней. Вдруг лихорадочный румянец разлился по ее щекам. Я подумал, что для женщины ничего нет дороже на свете драгоценностей и едва сдержал желание рассмеяться. Затем я приказал своей красавице-пленнице нарядиться и принять участие в нашем пире.

Сначала она побледнела и мрачный огонек вспыхнул к ее сапфировых глазках. Тем не менее, минуто спустя, она глухо ответила:

– Прикажи принести мне мои одежды, так как эти вся в крови,- и я приду к тебе.

Я исполнил ее желание, и действительно, полчаса спустя она вышла на палубу, разодетая, как царица.

На ней было надето белое, расшитое золотом платье и пояс, усыпанный жемчугом и бриллиантами. На голове ее сверкала бриллиантовая диадема.

Я был поражен. Никогда еще не видел я такой божественно прекрасной женщины. Но что положительно очаровывало меня, так это ее распущенные волосы, которые блестящим плащом окутывали ее почти до колен.

Я посадил ее рядом с собой, обнял за талию и предложил выпить вина. Молодая девушка приняла кубок и казалась веселой. Она сама наливала мне вино и без видимого отвращения принимала мои ласки.

Вакханалия достигла своего апогея, когда Лора – так звали молодую девушку – встала и, наклонившись над только что принесенной большой амфорой вина, сказала:

– Мне хотелось бы угостить этих храбрых моряков, так громко кричащих в нашу честь. Позволь мне самой налить им стаканы? Право, они заслужили сегодня твою благодарность, и ты мог бы оказать им такую милость.

– Делай как знаешь, моя красавица! Конечно, я не откажу тебе в твоей первой просьбе. Угощай на здоровье моих молодцов!

Я позвал одного из пиратов и приказал ему нести амфору за Лорой. Та сама наполнила все кубки и предложила матросам выпить за ее здоровье.

Когда Лора вернулась к столу, она была бледней своего платья и падала, казалось, от слабости. Я с тревогой спросил ее, не устала ли она; но она покачала головой и ответила со странной улыбкой:

– О, нет! Пир еще только начинается.

В эту минуту своими полуоткрытыми губами, отрывистым дыханием, поднимавшим девственно прекрасную грудь, и зловещим и пожирающим пламенем, горевшим в ее глазах, она окончательно очаровала меня.

Обезумев от страсти, я схватил ее в свои объятия и унес в каюту, поручив командование кораблем своему помощнику; что же касается странника, то он уже давно ушел, сославшись на усталость.

Прошло около часа, как вдруг ужасные крики и шум на палубе оторвали меня от моего любовного бреда.

Я тотчас же отрезвел и бросился вверх. Представившееся моим глазам зрелище заставило меня положительно окаменеть.

Мои матросы, точно охваченные внезапным безумием, катались по палубе, рычали, как дикие звери, и изрыгали зеленоватую пену. Некоторые лежали неподвижно, с почерневшими лицами и казались мертвыми.

В эту минуту мой помощник приподнялся на локте и вскричал, поднимая руку, сжатую в кулак:

– Проклятая!... Она отравила нас...

Он тоже из любезности просил Лору налить ему вина и осушил кубок за ее здоровье.

Я понял, что он прав, и мною овладела безумная ярость против этой женщины, которая дьявольски отомстила мне, лишив меня сразу всех моих верных товарищей.

Я хотел выхватить кинжал, всегда находившийся у меня за поясом, но его там не оказалось. В ту же минуту я почувствовал сильный удар в бок и услышал чей-то шипящий голос:

– Умри, убийца, и будь проклят! Пусть твоя проклятая душа вечно блуждает по этим водам и нигде не найдет себе покоя!

Я обернулся и увидел Лору. Лицо ее пылало; взор горел дикой ненавистью. Она держала мой кинжал, а руки и платье ее были залиты моей кровью.

Я поднял кулак, чтобы ударить ее, но рука моя бессильно опустилась и я, охваченный внезапной слабостью, упал на палубу. В глазах у меня потемнело. Как сквозь покрывало видел я, что

Лора подняла кинжал и вонзила его себе в грудь. Затем я потерял сознание.

Свежее веяние, коснувшееся моего лица, заставило меня открыть глаза, и я увидел странника, стоявшего около меня на коленях. Огненный взгляд его, казалось, пронизывал меня. Вдруг он пробормотал дрожащим голосом:

– Хочешь ты жить – жить *очень* долго? Не будешь ты проклинать меня за это? Тогда я спасу тебя.

Я чувствовал, что умираю, и с почти нечеловеческим усилием пробормотал:

– Спаси меня – и я буду благословлять тебя!

Тогда Агасфер, так как этот странник был он, вынул из кармана маленький флакон, наполненный бесцветной жидкостью, приподнял мою голову и вылил мне в рот содержимое флакона.

Мне показалось, что я проглотил огонь, все пылало во мне. Затем меня оглушило точно ударом молнии.

Когда я открыл глаза, то лежал на своей кровати. В нескольких шагах от меня, у стола, сидел странник и читал длинный свиток пергамента.

Я чувствовал себя свежим, сильным и здоровым, как всегда. Вместе с сознанием ко мне вернулась и память. При воспоминании об ужасной смерти моих верных товарищей с моих губ сорвался хриплый вздох и отвратительное ругательство.

Пилигрим тотчас же встал, подошел ко мне и строго сказал:

– Зачем ты проклятием встречаешь свое чудесное исцеление? Будь признателен Небу, брат мой, за то, что чувствуешь себя сильным и здоровым. Взгляни на единственный след после ужасной ночи.

Он откинул рубашку, и я увидел у себя на боку широкую кроваво-красную рану, затянутую тонкой и прозрачной, как стекло, кожей.

– И этот знак долго был замечен? – с любопытством спросил Морган.

– Он виден по сию пору, хотя с тех пор прошло более трех веков, – ответил голландец.

С этими словами он растегнул свое платье, откинул рубашку и показал Ральфу странный знак, действительно похожий на свежую рану, закрытую прозрачным, напоминавшим кожу пластырем.

– Вид этого странного знака произвел в то время на меня страшно тяжелое впечатление, и я почувствовал внутреннюю слабость.

Тогда пилигрим положил мне на плечо руку и сказал:

– Этот кровавый знак должен вечно напоминать тебе, что ты никогда больше не должен браться за оружие для убийства ближнего. Довольно крови и преступлений! Начиная с сегодняшнего дня, ты перестаешь быть обыкновенным человеком. Ты переступил таинственную грань, делающую всякую человеческую жизнь кратковременной. Тебя ожидает безграничная жизнь. Но, чтобы сделаться достойным ее, откажись от своего прошлого; раскаянием и молитвой должен ты изгладить следы совершенных тобой преступлений. Тебе уже не нужно больше жить грабежами и убийствами, так как я дам тебе богатство, а потом отвезу в одно место, где ты будешь принят в число членов мистического и таинственного

братства.

По мере того как он говорил, мною начала овладевать глубокая грусть. Мое прошлое, полное приключений, сразу побледнело, и я со смутным предчувствием жаждал чего-то нового и неизвестного.

– Я исполню все, что ты приказываешь, могущественный учитель, повелевающий смертью! – сказал я, опустив голову.

Затем я встал, оделся и выразил желание подняться на палубу. Пилигрим согласился, и мы поднялись по лестнице. Отвратительная и зловещая картина палубы, освещенной дымящимися факелами, наполнила мою душу ужасом и отчаянием.

Все мои матросы были мертвы и валялись вперемешку; на почерневших и искаженных лицах их застыло выражение ужасных мук агонии. Еще вчера все эти смелые молодцы толпились вокруг меня, полные жизни и мужества, а сегодня от них остались одни почерневшие и раздутые трупы! С трудом подавив бушевавшую во мне ярость, я сказал стоявшему рядом со мной старцу:

– Надо выбросить тела в море и вычистить палубу. Я наклонился и хотел взять один из трупов, чтобы выбросить его за борт, но Агасфер удержал мою руку.

– Оставь и не марай себя прикосновением к этим нечистым телам! Дождемся наступления ночи – и тогда все сделается само собою. Гляди, наступает уже день. Сойдем же в каюту, так как этот день мы должны посвятить приготовлениям к новым условиям твоей жизни.

Мы вернулись в каюту. Странник приказал мне собрать и вынести из нее все лишние вещи. Затем он завесил окна плотной материей, совершенно не пропускавшей света, и зажег восковую свечу, стоявшую в углу на маленьком столике.

Покончив с этими приготовлениями, он приказал мне стать на колени посреди каюты, а сам очертил сначала в воздухе, а потом на полу круги, в которые мы оба были заключены.

Я с удивлением увидел, что из его палки исходил сноп огненных лучей, который, подобно сверкающей ленте, держался в воздухе. На полу же маленькими языками пылало пламя.

Затем старик вынул из-за пояса небольшой сверток, содержащий четырехугольный кусок красной материи и сероватый шар, сделанный из неизвестного мне вещества. Положив мне на голову материю и шар, он приказал мне молиться. Но молиться я не умел, так как те молитвы, которым научила меня моя покойная мать, когда я был еще малым ребенком, я совершенно позабыл, а моя последующая дикая и преступная жизнь сделала меня атеистом.

Когда я признался в своем невежестве, странник начал читать слова, которые я должен был повторять за ним и которые позже выучил наизусть. В этой молитве я умолял Всемогущего умиласердиться над моими злодеяниями.

По мере того как я тогда в первый раз читал эту молитву, я чувствовал во всем теле ужасную боль; можно было подумать, что кинжалы со всех сторон пронизывали мое тело. Потом эта физическая боль исчезла в таком ужасе, какого я – смелый пират – никогда еще не испытывал в своей жизни.

За огненным кругом, окружавшим меня с пилигримом, стали появляться бледные, залитые кровью существа с искаженными лицами. Кровь застыла у меня в жилах, когда я узнал в них убитых мною людей!

Толпа моих жертв все росла, но странник, по-видимому, не обращал на них никакого внимания. Он размеренным ритмом произносил слова на каком-то неизвестном языке. Вдруг в воздухе появилась белоснежная чаша. Чаша эта, подобно сверкающему облаку, носилась над нашими головами, и над нею виднелся широкий золотой крест. Все виденье было окружено разноцветным пламенем.

Впрочем, тогда я видел это как во сне. Все мое внимание было сосредоточено на отвратительной стае, которая со всех сторон подползала ко мне, намереваясь схватить меня. Фосфоресцирующие глаза призраков горели дикою ненавистью; ужасные богохульства и проклятия звучали в моих ушах, а длинные руки с крючковатыми пальцами готовы были,

казалось, схватить меня.

Что я претерпел в этот ужасный час, не поддается никакому описанию. Это была сплошная агония! Смело могу сказать, что тогда я последовательно пережил все смерти, причиненные мной.

Подавленный, обезумевший от ужаса, цеплялся я за платье Агасфера, который громовым голосом заклинал страждущие тени, указывая им на крест и говоря о прощении.

Мало-помалу часть призраков побледнела и исчезла в темноте, но наиболее злобные из них продолжали кричать:

– Око за око, зуб за зуб! Пусть он страдает! Да будет он проклят, проклят! Пусть он, не зная отдыха, блуждает по водам, которые осквернил своими преступлениями! Пусть, ненавидимый и проклинаяемый, носится он по волнам нашей крови!

Наконец исчезли и последние духи-мстители, а я, разбитый, бессильно опустился к ногам старца. Но отдых был непродолжителен, так как я внезапно почувствовал, что какая-то странная и болезненная вибрация сотрясает все мое существо. С новым ужасом я увидел, как со свистом и стоном стал выходить из моего тела красный, влажный, клейкий и зловонный пот. Дыхание у меня перехватило, и я упал как мертвый.

Когда я пришел в себя, чаша и огненные круги уже исчезли. Около меня стоял на коленях Агасфер и вытирал мне руки, лицо и грудь мокрым полотенцем. Потом он помог мне встать и лечь в кровать.

– Я отчасти очистил тебя и заставил выйти из тебя флюид совершенных тобой преступлений, но мне не дано было снять с тебя проклятий твоих жертв и ненависть, которую ты внушил им. Твои враги будут преследовать тебя. А ты молись и кайся – и, может быть, совершится твое полное освобождение. Теперь спи и отдыхай! Этой ночью нам предстоит еще исполнить тяжелый долг.

Я был до такой степени утомлен, что тотчас же заснул глубоким сном. Меня разбудили пронзительные зловещие и протяжные звуки колокола, как бы звонившего к погребению.

Обливаясь холодным потом, с трепещущим сердцем, я поднялся с кровати. Но нет! Это был не сон. Колокол действительно звонил, перекрывая шум бури, разыгравшейся за время моего сна. Ветер свистал в снастях, сгибая мачты и заставляя трещать корпус корабля. Вдали гремел гром.

Я с беспокойством вскочил с кровати. Что с нами будет? Как мы будем маневрировать без экипажа? Приход Агасфера прервал мои размышления.

– Иди за мной! Нам надо похоронить твоих пиратов, – сказал он.

Я машинально последовал за ним. Спустилась черная ночь, и только блеск молний освещал по временам груды трупов на палубе и бушующее море.

Я никогда еще не видал подобной бури. Свист ветра почти покрывал раскаты грома и рев волн, которые, вздымаясь, как горы, ежеминутно готовы были поглотить наш корабль как ореховую скорлупу, подкидываемую их пенистыми гребнями. И все-таки мы шли на всех парусах.

К довершению ужаса на палубе над трупами бегали блуждающие огоньки, а высокая фигура старца с поднятыми кверху руками, освещаемая блеском молнии, имела фантастический и ужасный вид.

Вдруг из океана возник зеленоватый свет, как ореолом окруживший корабль, освещая его белесоватым светом. В ту же минуту я увидел на гребне большой волны колокол, как бы отлитый из раскаленного металла. Рядом с колоколом стояла черная, неясно очерченная фигура. Ясно вырисовывалось одно только угловатое, землистого цвета лицо этой фигуры с зелеными, полными адской злобы глазами.

Это отвратительное существо держало веревку от колокола и медленно ударяло в него. Эти зловещие, стонавшие, жалобные и в то же время пронзительные звуки, сливаясь с шумом бури, производили такое тягостное впечатление, что и теперь я не могу без дрожи вспоминать о них.

Агасфер тоже был ужасен. Его голова, борода и руки издавали фосфорический свет, а

звучный голос его звучал пронзительно и повелительно, когда он произносил слова на каком-то неведомом мне языке.

Вдруг неожиданное и ужасное зрелище представилось моим глазам. Трупы пиратов поднимались один за другим, молча перепрыгивали через борт корабля и группировались вокруг колокола, все продолжавшего свой погребальный звон.

При свете огненной молнии я ясно увидел всю группу, качавшуюся на вершине громадной волны. Зеленоватые лица их со стеклянными глазами были обращены ко мне. Потом все побледнело и, казалось, исчезло в разбушевавшихся волнах океана.

Шатаясь, как пьяный, я хотел спуститься в свою каюту и сделал несколько нетвердых шагов. В ушах у меня звенело, огненные искры носились перед глазами. Мне казалось, что трупы моих спутников пляшут вокруг меня какой-то адский хоровод, и я с глухим стоном упал на палубу.

Глава четвертая

Сколько времени длилось такое бессознательное состояние, я не могу сказать. Это было нечто странное: не обморок и не сон, а какое-то тяжелое оцепенение, без мысли и чувств, но смущаемое по временам отвратительными видениями. Когда наконец я открыл глаза и пришел в полное сознание, был уже день. Солнечные лучи заливали пустую палубу, но все было так чисто прибрано, как будто здесь никогда и не разыгрывалась одна из самых ужасных драм.

Сам я лежал у подошвы мачты, свежий и бодрый телом, но как-то странно утомленный душой и с сердцем, сдавленным грустью. Хотя у руля никого не было, корабль быстро несся по волнам, очевидно, придерживаясь определенного курса.

Прислонясь к снастям, стоял Агасфер, устремив на океан задумчивый и печальный взгляд.

Шум, произведенный мною, когда я вставал, заставил его обернуться.

– Здравствуй, брат мой! – с улыбкой сказал он. – Как видишь, все в порядке. Кроме того, я с удовольствием могу сообщить тебе, что мы находимся на пути к месту собрания всех наших братьев.

Я поблагодарил его и осведомился, скоро ли мы прибудем к месту назначения. Агасфер ответил мне, что мы будем на месте, как только окончится мое предварительное очищение, а также другой особы, находящейся у нас на борту.

Видя мое крайнее удивление, он сказал:

– Да, да, у нас есть здесь третий пассажир. Пойдем! Я сейчас покажу его тебе.

Мы спустились в маленькую каюту, которую раньше занимал мой помощник, – и я очутился лицом к лицу с женщиной, нанесшей мне смертельный удар кинжалом.

Она была в трауре и так страшно бледна, что, казалось, в ее жилах не текло ни одной капли крови. Видимо, смущенная, стояла она предо мной, опустив глаза, и все существо ее дышало мрачной грустью.

Я смотрел на нее с таким спокойствием, которое удивило меня самого. Я не чувствовал к ней ни малейшей злобы или ненависти, а, напротив, отлично сознавал, что вся вина была на моей стороне, и почти невольно сказал:

– Прости меня!

– Простите обоюдно друг друга, – сказал старец. – Вы оба согрешили, оба совершили убийство, и на обоих вас тяготят проклятья, которые дадут горькие плоды, так как закон, раз приведенный в движение, должен неумолимо исполниться. Наконец, одна и та же судьба приковывает вас, страждущих и блуждающих, к этой земле.

С тяжелым сердцем я подошел и повторил свою просьбу о прощении. Она протянула мне руку и подняла на меня свои прекрасные глаза, принявшие то странное выражение, какое имеем все мы – мы, которые не умрем, как другие.

Мир между нами был заключен.

С этого дня мы втроем зажили на корабле, которым я уже больше не управлял, но

который, как и в настоящую минуту, направлялся невидимыми руками. Часть дня и ночи мы с Лорой проводили в исполнении предписанного нам Агасфером ритуала, в котором и он сам принимал участие своими заклинаниями и странным пением.

Часы отдыха мы проводили на палубе, в мечтах или в разговорах. Мы с Лорой подружились, но только с каждым днем становились все менее общительными. По мере того как подвигалось мое очищение и развивался мой ум, мною все больше овладевали глубокая печаль и равнодушие к жизни. Бурная жизнь, полная убийств и грабежей, казалась мне страшным сном. Видения, иногда мучившие меня, заставляли меня бояться смерти; но, несмотря на это, я все еще не мог верить в бесконечную жизнь, о которой говорил Агасфер. Так прошло более двух месяцев. Наконец старец объявил нам, что мы достаточно очистились, чтобы быть допущенными в святилище, и что в эту же ночь мы туда прибудем. Мы находились в открытом море, но где? Я не мог ориентироваться, так как мы ни разу не встретили ни одного корабля, и океан, казалось, превратился в пустыню. Мною овладело сильное любопытство. Наконец-то мы пристанем к берегу, и я увижу, где мы находимся!

Я не покидал палубы. Настала ночь, а желанный берег все еще не показывался. Наконец при бледном свете луны я увидел выходящие из волн высокие черные скалы. Насколько я мог судить, мы приближались к какому-то острову или большому пустынному рифу, так как не заметно было никакой растительности.

Подойдя к громадной остроконечной скале, корабль остановился и мы бортом коснулись серого камня. Старец подошел к борту и трижды громко крикнул:

– Агасфер!

Эхо трижды повторило это имя. Внутри скалы как будто послышался звон колокола. В ту же минуту произошло странное явление: как будто толкаемая невидимыми руками, гранитная масса скользнула в сторону, обнажив углубление. Затем сдвинулась массивная глыба и открыла сводчатую галерею, а в ней двенадцать ступеней, покрытых ковром. На последней ступени стояли два мальчика в белых одеждах, держа в руках лампы, издававшие ослепительный свет.

Вы, знакомые уже с электрическим освещением, конечно, не будете удивлены, когда мы приедем; но я – простой и дикий моряк пятнадцатого столетия – я подумал, что вижу небесный свет.

Агасфер сошел первый, Лора и я последовали за ним. Все мы вошли в галерею, высеченную в скале. Когда я оглянулся, то увидел, что отверстие бесшумно закрылось за нами.

Мы молча шли за Агасфером и очутились наконец в небольшой круглой комнате, откуда в разные стороны расходились такие же галереи, как и та, по которой мы пришли.

В центре этой своего рода прихожей стоял высокий старец в белой одежде, которая так сверкала, как будто была усеяна бриллиантами. К поясу его был пристегнут широкий меч, а на груди, под длинной серебристой бородой, виднелся золотой нагрудник, украшенный драгоценными камнями. Ноги его были обуты в белые башмаки с загнутыми носками.

Старец обнялся с Агасфером, а на нас посмотрел долгим и пытливым взором. Затем, обменявшись с нашим проводником несколькими словами, он поднес к губам небольшой рог из слоновой кости и издал пронзительный звук. На этот призыв явился мальчик, одетый в белое, как и встретившие нас при входе, и повел меня по одной из галерей в роскошно обставленную комнату, где была уже приготовлена постель, а на стол накрыта закуска.

– Подкрепитесь и усните! Когда нужно будет, я приду за вами, – сказал мой проводник и вышел из комнаты.

Я поел с таким аппетитом, какого уже давно не имел. Я чувствовал себя также гораздо лучше. Воздух здесь казался мне легче, чище и был как бы насыщен живительными ароматами. Я чувствовал, как желание жить снова возрождается во мне.

Утолив свой аппетит, я начал осматривать отведенное мне помещение.

Комната, где я находился, очевидно, была гротом, приспособленным к жилью. Обстановка была очень богатая, но форма мебели была такая, какой я еще никогда не видал.

Драпировки тоже были сделаны из какой-то неизвестной мне материи, как бы сотканной из металлических нитей.

Предполагая, что одна из портьер скрывает вход в соседнюю комнату, я поднял ее – и с моих губ сорвался крик восхищения.

Я стоял перед пробитым в скале окном. Из этого окна открывался положительно волшебный вид на глубокую внутреннюю долину, окруженную со всех сторон громадными скалами. Над черною массой, подобно темно-синему куполу, выступало усеянное звездами небо. Глубина долины была залита озером, в котором, как в зеркале, отражалась полная луна.

Вокруг озера шли глубокие, причудливой формы и освещенные нежным синеватым светом гроты, глубина которых тонула в таинственном полумраке. В одном гроте виднелись ступеньки узкой лестницы, высеченные в скале и исчезающие под сводом. Во многих местах стояли на причале лодочки. Два больших белых лебедя плавно скользили по темной и неподвижной воде. Весь этот пейзаж дышал чем-то невыразимо мирным и благотворно действовал на мою страждущую и взволнованную душу.

Только насладившись вполне созерцанием этого волшебного пейзажа, я лег и тотчас же заснул.

Меня разбудил мой маленький проводник и предложил мне одеться. Он отвел меня в соседнюю комнату, где я выкупался в бассейне, сделанном из синего камня и наполненном ароматической водой, а потом одел такую же одежду, какая была на принявшем нас старце. Затем мой маленький паж опоясал меня поясом, только без меча, и надел на шею цепь, украшенную черными бриллиантами, на которой висел красный эмалированный пятиугольник, посередине которого помещался прозрачный камень с заключенным внутри будто огоньком.

Внимательно осмотрев меня, мальчик покачал головой и заметил:

– Сколько на тебе крови, брат мой!

Заметив мое волнение, он тотчас же переменял разговор, показав мне большой чеканный серебряный сундук, отделанный бирюзой, где я должен хранить одежды, надетые на мне. Этими одеждами я мог всегда пользоваться, когда буду являться сюда.

Затем он зажег свечу, и мы вышли. Я молча следовал за ним. Так мы прошли несколько галерей. Наконец в конце одной из них открылась массивная дверь, и я очутился в огромной зале. Из купола залы лились, казалось, каскады золотистого света, отражаясь на мраморных плитах и мозаике пола.

В первую минуту я ничего не мог разглядеть, так как у меня сделалось головокружение; сердце точно перестало биться и дыхание захватило. Я, без сомнения, упал бы, если бы чья-то сильная рука не поддержала меня.

Позже я узнал, что могущественные эманации, наполняющие святилище, всегда так действуют на всякого входящего сюда грешника, покрытого преступлениями.

Когда моя дурнота прошла, я увидел, что меня поддерживает Агасфер, который шептал мне на ухо ободряющие слова. Он был так же одет, как и я, только голова его была украшена тонким золотым обручем со звездой надо лбом, которая испускала яркие лучи. Немного успокоившись, я опустил на колени и оглянулся кругом.

Прежде всего я заметил, что по обеим сторонам залы группировались мужчины в белых одеждах и женщины с лицами, закрытыми покрывалами. Все стояли на коленях и были погружены в молитву. Я заметил также теперь, что купол был открыт, и что каскады света, заливавшие святилище, были не что иное, как лучи солнца.

В глубине залы высился павильон без крыши, сделанный из серебряной материи, которую поддерживали колонны из ляпис-лазури.

Спереди павильон был совершенно открыт. Видны были ступени к большому престолу, на котором горели восковые свечи в золотом подсвечнике с семью рожками. В центре престола возвышался большой крест, над которым реял голубь с распушенными крыльями. У подножия креста видна была громадная чаша, окруженная фосфорически-светлой дымкой.

На покрытых ковром ступенях престола стоял высокий старец с белой бородой, одетый

как и мы, с тою только разницей, что его одежда была сделана из иной сверкающей ткани, которая при каждом его движении испускала разноцветные лучи.

На голове этого первосвященника был надет венец с семью зубцами, причем над каждым зубцом пылало небольшое пламя. В руке он держал короткий и широкий меч, которым чертил в воздухе таинственные знаки.

По обеим сторонам престола, только на последней ступеньке, стояли два рыцаря, один в золотых доспехах, другой в серебряных. В руках они держали мечи с рукоятками в форме креста. Поднятые забрала открывали их красивые, строгие и спокойные лица.

Я был весь поглощен созерцанием всего этого, как вдруг, не знаю откуда, раздалось величественное пение, сопровождаемое звуками органа. Мелодия была очень странная, но нужно самому испытать, чтобы понять, какое необыкновенное действие производила эта музыка.

Что тогда произошло со мной – я не берусь даже описать. Это было крушение всего моего существа. Что-то во мне расширялось, отделялось, открывалось; всякий нерв моего существа дрожал и звенел. Вдруг я разразился конвульсивными рыданиями и ручьи слез брызнули из моих глаз.

В эту минуту рука Агасфера легла на мою голову и он пробормотал тихим сочувственным голосом:

– Плачь, мой бедный брат! Оплакивай совершенные грехи, пролитую кровь и несовершенство, приковывающее нас к материи!

Не могу сказать, сколько времени пробыл я на коленях, подавленный сознанием своего убожества, с душой, тоскующей по небесному отечеству. Иначе я не могу назвать это странное горестное чувство, без жалоб, ропота, смешанное с невыразимым стремлением к покою, совершенству и свету.

Эти чувства, вызванные во мне чудной музыкой, какой я никогда не слышал, убили во мне ветхого человека. Я встал совершенно новым существом, раскаивающимся и жаждущим совершенства, но разбитым душевными страданиями.

В эту минуту оба рыцаря, стоявшие у жертвенника, принесли большую золотую чашу и, опустившись на колени, держали ее обеими руками. Тогда первосвященник сошел с лестницы, неся с собой маленькую хрустальную чашу, наполненную жидкостью цвета крови, и золотую ложечку. Этой ложечкой он черпал, по числу присутствующих, красную жидкость и выливал ее в большую золотую чашу.

Отнеся хрустальную чашу на престол, первосвященник снова опустился со ступеней и стал по одному призывать всех присутствующих. Те подходили и он выливал им на голову понемногу этой жидкости.

Наконец, он позвал Агасфера, Лору и меня. Услыхав свое имя, я задрожал, но Агасфер взял меня за руку и подвел к первосвященнику.

Представив нас, он рассказал подробно нашу историю и просил первосвященника принять нас. Тот сделал знак согласия. Затем, полив голову Агасфера таинственной жидкостью, он сделал мне знак приблизиться.

– Велики грехи, совершенные тобой, и ужасны проклятия, тяготеющие над тобой! – сказал первосвященник своим глубоким и спокойным голосом. – Пока ты совершенно не очистишься, ты не можешь жить среди нас, не смущая божественной гармонии этого священного места. До той минуты, пока с твоей головы не будет снято последнее проклятие, я могу тебе только позволить являться сюда через каждые семь лет, чтобы ты мог присутствовать при божественной службе, а также отдохнуть и подкрепить свои силы в течение трех дней и трех ночей. После этого ты снова будешь отправляться блуждать по волнам, чтобы трудиться, раскаиваться и исправлять по мере твоих сил сделанное тобой зло. Стань на колени!

Он полил мне голову, и я почувствовал как бы ожоги на коже. После этого он взял с поданного ему золотого блюда кинжал и подал его мне, сказав:

– Я вооружаю тебя этим магическим оружием, чтобы ты мог защищаться против

страждущих и мстительных духов, которые будут преследовать тебя. Не забывай, что ты имеешь право пользоваться единственно только этим оружием!

– Вот оно, – прибавил голландец, указывая на рукоятку кинжала, торчащего за поясом.

После минутной задумчивости он продолжал:

– Когда я засунул кинжал за пояс, старец надел мне на палец это кольцо и сказал:

– Получи это кольцо в знак того, что ты принадлежишь к числу братьев Круглого стола вечности и в то же время получи имя «Дахира», под которым ты будешь значиться в братстве. Когда на твоём проклятом корабле тоска и одиночество доведут тебя до отчаяния, ты позвонишь в колокол и звуки его дойдут до наших ушей, а мы поддержим тебя. Кроме того, ты можешь иногда сходить на берег и сноситься с людьми, но не долее как в течение трех дней и трех ночей. А теперь ступай и наслаждайся в течение остающегося тебе времени обществом твоих новых братьев.

Поцеловав руку старца, я встал. К нему подошла бледная и расстроенная Лора.

– Ты поддалась слепой ненависти и жажде мести, недостойной христианки, которые и довели тебя до убийства людей, – правда, развращенных и негодных, – но которых тебе не дано судить. Проклятия всех тяготеют над твоей головой. Ты сама будешь горько оплакивать богохульства, которыми осквернила свои уста, а проклятия, которыми ты осыпала человека, стоящего здесь, еще долго будут разделять вас. За твои преступления я должен осудить тебя на одиночество. Ты останешься тут, но нас не увидишь, пока не загладится пролитая тобой кровь и произнесенные тобой проклятия. Тебе укажут место, где ты будешь жить одна, молясь, раскаиваясь и очищаясь. Твой вид будет приносить несчастье всем смертным, которые увидят тебя. Итак, берегись показываться кому бы то ни было, чтобы не увеличить число своих жертв.

В течение трех дней мы жили в этом таинственном дворце, все обитатели которого, никогда не покидавшие уже этого места покоя и счастья, обращались с нами, как с братьями.

Большую часть дня братья высших степеней предавались трудам, к которым я не был допущен. В назначенное же время все собирались в залу, которую вы и сами увидите, Супрамати. Там, на большом круглом столе стоит золотая чаша, всегда полная неизвестной субстанции. Чаша эта переходит из рук в руки и каждый выпивает из нее глоток.

На третий день вечером была большая служба с пением в святилище, где хранится кубок Грааля.

– Простите меня, брат, – перебил его Морган. – Вот уже несколько раз вы говорите про Грааль, как про что-то действительное и осязаемое; а между тем удостоверено, что история про Грааль есть поэтический вымысел, зародившийся, по всей вероятности, в Провансе и прославленный Вольфрамом фон Эшенбахом – рыцарем-трубадуром тринадцатого века.

Дахир улыбнулся.

– История Грааля, в том виде, как она рассказана фон Эшенбахом, а прежде него провансальцем Гюйо де Провеном, Кретьеном де Труа и другими, конечно, – поэтический вымысел. Основа же легенды, упоминающей о существовании эликсира жизни, есть истина, в которой ни вы, ни я не можем сомневаться. Как старательно ни охраняли тайну братья Круглого стола вечности, все-таки кое-что сделалось известным. Из глубины веков, от народа к народу, окрашенная обычаями и верованиями пережитого времени, легенда эта, уже дополненная, переиначенная и искаженная, достигла средних веков, когда фон Эшенбах и его предшественники придали ей христианский оттенок. Эссенция жизни превращается в кровь Спасителя, вид чаши дает бессмертие, а наше тайное убежище превращается в недостижимый храм Грааля, которого ищут рыцари Круглого стола.

Если бы рассказы кельтские и нормандские и даже провансальские поэмы дошли до вас в их первоначальном виде, вы нашли бы более ясные следы происхождения этих легенд. Но все это погибло. Последние остатки оригинальных рассказов, сохранявшиеся еще у альбигойцев, были уничтожены инквизицией. Остались только поэмы кое-каких средневековых германских поэтов. Если я называю наше братство «Братством Грааля», то только для того, чтобы воспользоваться уже знакомым вам именем, происшедшим от слова,

которое произносилось Saing real, что значит sang royal (царская кровь). Это аллегорическое название довольно верно, так как эссенция жизни есть действительно царская кровь природы.

– Благодарю вас, брат, за объяснение! А теперь, будьте добры, продолжайте ваш интересный рассказ, – сказал Морган.

– Он близится уже к концу. Выходя из святилища и находясь еще в сильном волнении, я увидел Лору. Она подошла и предложила мне посмотреть назначенное ей место, где она должна будет жить в одиночестве. Я охотно согласился. Лора провела меня к берегу озера, а оттуда в небольшой гондоле мы подъехали к лестнице, по которой мы поднялись наверх и очутились в обширном гроте. Из одной стены его бил источник, наполняя своей хрустальной водой большой каменный бассейн, а затем с рокотом исчезая в расщелине скалы; в углублении, на другой стороне, стояли ложе и стол, на котором были большая книга, амфора, кубок и свечи. В одном из углублений скалы был прикреплен крест, перед которым горела лампада.

– Здесь-то я и осуждена жить! Каждую неделю юный служитель храма будет приносить мне пищу и свежие одежды. В этом бассейне я могу купаться. Остальное время я должна проводить в изучении этого фолианта, – сказала Лора, причем губы ее дрожали. – Завтра, – прибавила она, – дорога, ведущая к озеру, будет закрыта. Чтобы подышать чистым воздухом, я должна буду подниматься вон туда.

Лора указала на вившуюся спиралью лестницу, которую я раньше не заметил.

Мы поднялись по лестнице и вышли на небольшую площадку к самой вершине утеса. С этой головокружительной высоты, теряясь из вида, расстилался пустынный океан, а у наших ног с распушенными парусами кокетливо покачивался при свете луны на воде мой корабль.

Невыразимая грусть сдавила мое сердце. Несомненно, Лора чувствовала себя так же, потому что вдруг опустилась на колени и, схватив мою руку, вскричала сдавленным от слез голосом:

– Увези меня с собой, Дахир! В этом ужасном одиночестве, при такой бесконечной и монотонной жизни, я потеряю рассудок. Я предпочитаю быть с тобой на корабле и разделять твою скитальческую жизнь.

Она была так дивно прекрасна в своем отчаянии, что сердце мое дрогнуло. Конечно, если бы она могла быть моей спутницей в моей одинокой каюте, мое будущее потеряло бы половину своего

ужаса. Но я понимал, что не имею ни права, ни возможности исполнить желание несчастной, которую я сам же толкнул в пропасть. Я поднял Лору и, крепко пожав ей руку, сказал:

– Мы не облегчим нашу участь, начав наше искупление непослушанием. Нет, нет, Лора! Мы должны следовать тому пути, который указан нам нашими учителями, и каждый из нас должен терпеливо и со смирением нести возложенное на нас испытание. Через семь лет я вернусь. Надеюсь, что к тому времени раскаяние и молитвы уже изгладят частицу наших преступлений.

Лора поднялась бледная, но покорная своей участи.

– Ты прав, Дахир! Я повинуюсь и буду терпеливо ждать тебя, так как ведь в конце концов ты – единственный человек, которого я знаю здесь.

Я ушел. В большой прихожей собрались уже все братья Грааля. Агасфер был в своей одежде странника, да и все уезжавшие тоже сняли свои белые и блестящие туники.

Мы обнялись в последний раз. Затем отверстие в скале открылось и я увидел свой корабль, а также другое судно, которое, без сомнения, должно было везти остальных.

Со сдавленным тоскою сердцем взошел я поспешно на свой корабль, Агасфер последовал за мной и судно тотчас же отошло. С минуту еще я видел на вершине скалы белую фигуру Лоры, залитую лунным светом. Потом все исчезло в тумане.

С тяжелым чувством я спустился в свою каюту. Здесь я убедился, что в убранстве корабля произошла значительная перемена. Все междупалубное пространство, некогда занятое моими матросами, было разделено на несколько кают. В одной, самой обширной из

них, стоял стол, на котором лежала большая книга в черном переплете. В глубине, на цоколе, высился крест, у подножия которого горела лампада, распространявшая ослепительный свет, а рядом висел металлический колокол. Наконец, совсем в стороне стояло что-то большое, закрытое черным сукном.

Я с удивлением рассматривал эти вещи, когда в каюту вошел Агасфер.

– Я пришел, брат мой, дать тебе необходимые объяснения, – сказал он. – В книге, которую ты видишь, заключается первое посвящение. Ты должен изучать ее в течение семи лет и знать основательно ко времени твоего возвращения в святилище. Если ты позвонишь в колокол, то звуки его приведут тебя в сношения с дворцом Грааля и ты получишь ответ учителя. Перед крестом ты должен произносить молитвы очищения. Лампада же – магическая и будет неугасимо гореть в течение семи лет. Наконец это, – он снял сукно и открыл металлическую пластинку, отливавшую всеми цветами радуги, – магическое зеркало, в котором ты будешь видеть все корабли, обреченные на гибель. Ты будешь являться им вестником несчастья и смерти; но твой долг – стараться всеми человеческими средствами и, не выдавая себя, спасти хоть одного из потерпевших крушение. Ты не рискуешь при этом жизнью, но ты будешь нести все неудобства, усталость и усилия обыкновенного моряка, жертвующего собою для спасения ближнего.

На следующее утро я уже был один. Мой корабль, управляемый невидимыми руками, носился с распушенными парусами по волнам, презирая бури. Во время самых ужасных штормов он кокетливо покачивался на гребнях волн.

Однажды, во время одной из страшных бурь, у меня явилось непобедимое желание посмотреть в магическое зеркало. Я сбросил сукно. Сначала я ничего не видел и только отдаленные крики ужаса доносились до моего слуха. Затем в глубине блестящего и разноцветного диска, как на картине, вырисовался бушующий океан и большая галера со сломанными мачтами, явно подвергавшаяся страшной опасности.

Я понял, что мне предоставляется один из случаев спасения, о котором говорил Агасфер, и быстро выбежал на палубу.

Мой корабль с невероятной быстротой несся по бушующим волнам, и я скоро увидел тонувший корабль, мимо которого пронесся, подобно видению, почти коснувшись его борта.

Когда мы исчезли из вида погибающих, мой корабль остановился. Я вошел в небольшую лодку и с большим трудом достиг места крушения, где плавали обломки погибшего корабля. Мне удалось спасти двух детей. Так как я не мог оставить их у себя, то при первой же возможности высадил их на берег, снабдив в изобилии золотом.

С тех пор, как я уже говорил вам, я веду такую же монотонную и одинокую жизнь. Я много изучал большую книгу, которую и вам придется изучать, так как эликсир жизни дается не только

для того, чтобы жить и наслаждаться, но требует от своих адептов такой же долгой работы, как и та жизнь, которую он дает.

Вы тоже, Супрамати, узнаете из этой книги удивительные, ужасные тайны, и перед вами откроется новый мир. Но я не имею права говорить вам больше в эту минуту и смущать вас раньше времени.

Дахир умолк и задумчиво облокотился на стол. Морган тоже молчал и самые противоречивые мысли толпились в его уме. Минутами он спрашивал себя, не сошел ли он с ума и не был ли продуктом его больного мозга этот фантастический мир, где принимало плоть и кровь все то, на что гордые скептики XIX века смотрели, как на бессмысленные сказки?

Вдруг вспомнилось ему, как еще в детстве он жил с матерью в одной приморской деревушке, где подружился с одним старым моряком, жившим на покое. Этот моряк как-то рассказал ему, что сам видел призрачный корабль. Когда же Ральф, пропитанный уже неверием, насмешливо рассмеялся над такой галлюцинацией, старый морской волк нахмурил брови и сурово заметил:

– Не смейся, мой мальчик, над тем, чего не понимаешь. Повторяю тебе: я собственными глазами видел призрачный корабль и его капитана. Взгляд призрака бросил меня в дрожь.

Можно сказать, что этот страшный вестник смерти сам страдает от своей зловещей миссии. Тогда я один только спасся от кораблекрушения.

И вот тот самый человек, которого старый Джо Смит называл призраком, сидит с ним за одним столом, и его печальные, глубокие глаза, заставившие дрожать смелого моряка, с легкой иронией смотрят на него. Действительно, было от чего сойти с ума! Горькое сожаление, что он так слепо бросился в этот лабиринт неизвестных тайн, тоской сжало его сердце.

Но, раз дело сделано, надо мужественно и с достоинством нести его следствия. Морган провел рукой по влажному лбу и спросил, чтобы отвлечь свои мысли:

– Знаете вы, Дахир, историю Агасфера и истинную причину его скитальческой жизни?

– Нет, подробности его жизни мне неизвестны. Я знаю только, что ему было доверено отнести флакон с эссенцией жизни одной личности, которая должна была сделаться членом общины и имела уже первое посвящение. Агасфер, узнавший, не знаю как, что он несет могущественное средство, сам выпил его. Затем, испуганный совершенным им злоупотреблением доверия, он бежал, опасаясь мщения учителей, могущество которых хорошо знал. Но, повторяю, подробности мне неизвестны.

Бросив взгляд на часы, Дахир поднялся со стула.

– Уже поздно, брат мой, и мы хорошо сделаем, если пойдем отдыхать. Несмотря на способность бесконечной жизни, нам тоже необходим сон – этот неоцененный дар, оставшийся нам от обыкновенного человеческого существования. Кроме того, признаюсь вам, вызванные мною воспоминания утомили мою душу, если не тело.

Невыразимая грусть и усталость звучали в голосе Дахира. Налив кубок вина, он залпом осушил его, а затем, отведя Моргану в небольшую каюту, где висел гамак, ушел к себе.

Морган поспешил лечь. Его собственная голова была тяжела и он чувствовал настоятельную нужду в отдыхе и забвении.

Сколько он спал, Морган сам не знал. Его разбудили прикосновение чьей-то руки и звучный голос, сказавший:

– Вставайте, Супрамати! Мы приближаемся к цели нашего путешествия.

– О! Я, должно быть, очень долго спал! – вскричал Морган, быстро соскакивая с гамака.

– Да, порядочно, – с улыбкой ответил Дахир. – Одевайтесь же скорей и пойдем ужинать; иначе вы рискуете остаться голодным до завтрашнего утра.

Когда Морган вошел в каюту, где его ждал Дахир, он увидел роскошно сервированный стол. Садясь ужинать, он спросил своего спутника:

– Скажите, Дахир, кто приготавливает вам такие изысканные блюда и когда вы делаете закупки фруктов и других тонких вещей, которые я здесь вижу?

– Я не делаю никаких закупок.

– Как так?

– В моем распоряжении есть слуги, которые снабжают меня всем необходимым.

– Где же они? Их никогда не видно, – спросил пораженный Морган.

– Настанет день, когда вы их увидите, брат мой. Но не спрашивайте меня слишком много за один раз.

Молодой человек понял, что снова коснулся тайны, в которую будет посвящен позже. Он умолк, с сожалением глядя на бледное и меланхоличное лицо своего собеседника и на его большие задумчивые глаза. Дахир внушал ему живейшую симпатию, и он решил подружиться с ним.

Выпив и закусив, оба собеседника вышли на палубу, где уже стоял молчаливый и сосредоточенный Агасфер.

Чтобы не нарушить размышлений старика, молодые люди прошли на нос корабля и стали смотреть на тихий и спокойный океан.

Ночь была чудная. Луна так ярко светила, что все предметы можно было ясно различать вдаль. Когда из воды выступила черная масса скалистого острова, Дахир с улыбкой сказал:

– Вот дворец Грааля!

– Право, мне кажется, что я перенесся в какую-то страну грез, – заметил Морган. – Все здесь говорит против рассудка. Если бы в Лондоне я стал рассказывать в клинике, что ездил на корабле-призраке во дворец Грааля, в обществе Вечного Жида, мои коллеги немедленно же надели бы на меня сумасшедшую рубашку и заперли бы, как одного из самых опасных помешанных.

– О! Я отлично понимаю вас, так как пережил все эти волнения, только еще в более сильной и тягостной степени. Вы, Супрамат, – человек XIX века, человек недоверчивый, но развитой: представьте же себе положение брошенного в такую среду дикого пирата, не умеющего ни читать, ни писать, неспособного безошибочно прочесть «Отче Наш» и имеющего самые смутные представления о Граале и о Вечном Жиде! В течение долгих веков моей скитальческой жизни должен я был всему научиться, догнать цивилизацию и следить за ее открытиями. Помимо своей воли я стал современным человеком; время влечет меня, не старя и не давая смерти, но, если бы я сошел со своего корабля и вмешался в людскую толпу, меня, по всей вероятности, приняли бы за опасного колдуна.

Дахир умолк и задумчивый взор его застыл на таинственном скалистом острове, обнаженные и зубчатые контуры которого ясно вырисовывались на темной лазури неба.

– Посмотрите, Супрамат! Видите вы белую сверкающую точку там, на самой вершине скалы? Это Лора ждет меня.

Супрамат, – как мы и будем впредь называть Морган, – положил руку на плечо спутника, и, лукаво заглянув в его задумчивые глаза, сказал:

– Я начинаю подозревать, что ненависть прекрасной Лоры давно уже превратилась в любовь и что не врага она ждет так нетерпеливо.

Дахир вздохнул.

– Это правда! Она любит меня, жаждет сочетаться со мной.

– И это заставляет вас вздыхать? Разве вы больше не любите это прелестное создание? Или она уже больше не красива? Если можно, я хотел бы посмотреть на нее в бинокль!

– Отчего же нет! Смотрите! – с легкой улыбкой ответил Дахир.

В три прыжка Супрамат спустился в каюту и вернулся оттуда с биноклем, который направил на белую фигуру, все ясней и ясней вырисовывавшуюся на скале.

– Великий Боже! Да она прекрасна, как небесное видение! Возможно ли, что вы не любите эту очаровательную женщину, так верно ожидающую вас?

– Нет, не люблю. Если бы она не поразила меня кинжалом, я остался бы тем, чем был, и Агасферу не пришлось бы в голову наградить меня бессмертием. Я покоился бы теперь вместе со всеми предками, – ответил Дахир, лицо которого быстро потемнело. – Между Лорой и мною стоят ее проклятия, которые заставили меня блуждать и которые не может изгладить вся ее любовь. Я хотел бы любить существо обыкновенное, смертную женщину, нежную и хрупкую, как бабочка, которую боишься потерять, а не это вечное *memento mori*. Что же касается красоты, то она не имеет уже на меня такого влияния, как прежде. В моих жилах течет уже не прежняя горячая и буйная кровь гуляки. Когда вы, Супрамат, основательно изучите арканы тайн, вы тоже достигнете такого же спокойного подчинения чувств.

Легкая дрожь пробежала по телу Супрамат. Он боялся уже всего, что придется увидеть и изучить, и всех тех испытаний, которые, без сомнения, готовят тайны неведомой науки.

Он уже встречает третьего бессмертного человека, и ни один из них, казалось, не был счастлив своим бессмертием. Расстилавшееся перед ними безграничное время казалось им только бременем.

В эту минуту подошел Агасфер и корабль остановился, коснувшись бортом скалы. Супрамат пытливо взглянул на старца, который медленно трижды прокричал громким голосом свое имя. В темных глазах Агасфера читалось много ума и энергии, но не светилось ни малейшего намека на счастье.

Происшедшее явление отвлекло его внимание и он с любопытством смотрел на освещенный вход в таинственное место, куда готовился вступить.

Дальше все произошло совершенно так, как описывал Дахир. Мальчик отвел Супрамат

в комнату, где он и провел ночь. Утром его одели в одежды ордена и отвели в большую залу, где совершилась удивительная служба, о которой упоминал голландец.

Когда первосвященник позвал Супрамати, тот подошел, дрожа от волнения. Старец смочил ему голову красной эссенцией и потом сказал:

– Наследник, избранный Нарайяной, ты принят в число братьев Круглого стола вечности. А теперь положи руку на эту чашу и поклянись, что будешь отвечать одну только правду на вопросы, которые я предложу тебе.

– Клянусь! – ответил тот, побледнев.

– Ты честного происхождения?

– Да! Я единственный ребенок безупречных родителей.

– Каковы были твои отношения к ним? Не предавался ли ты дурным страстям?

– Я любил свою мать всеми силами моей души и чтил память отца, как он того заслуживал. Что же касается моей жизни, то она была проста, полна труда и смущалась только одной болезнью. Я был доктором-психиатром и могу поклясться, что всегда обращался с бедными больными по своему разумению и познаниям, так как любил избранную мною ученую карьеру.

– Ищет ли твоя душа истину?

– Да, я всегда искал истину и верил в бессмертие, несмотря на привитые мне школой материалистические воззрения. Мне нечего признаваться ни в преступлениях, ни в излишествах; только умирая я взял эликсир жизни, поставленный у моего смертного ложа искусителем, имя которого я теперь ношу, – сказал Супрамати.

Все тело его потрясала странная дрожь, так как из чаши, на которой лежала его рука, казалось, исходил электрический ток, пронизывавший уколами его руку и тело.

Старик первосвященник благосклонно посмотрел на него.

– Ты стоишь, сын мой, на первой ступени великой лестницы и пришел к нам чистый душой и телом. Ни порок, ни преступление не связывают тебя; ни ненависть, ни проклятия не тяготеют над твоей головой. Но ты принял первоначальную материю и должен нести последствия этого. Скажи же мне, каким путем желал бы ты следовать в своей долгой жизни?

На минуту сверкающий взгляд молодого человека поднялся кверху, откуда на него глядело голубое и яркое солнце.

– Я хотел бы употребить свою долгую жизнь на служение человечеству, – ответил он затем своим ясным я звучным голосом, – хотел бы продолжать свою прежнюю дорогу, просвещенный светом вашего знания, чтобы бороться с жестокой смертью, которая безжалостно отнимает у огорченных семей любимых и полезных членов. Наконец, я хотел бы научиться действительно лечить душевные болезни, отнимающие у человека его самое драгоценное благо – разум!

Первосвященник привлек Супрамати в свои объятия и поцеловал его, между тем как невидимый хор запел радостный и торжественный гимн. Затем старец обратился к присутствующим и радостно сказал:

– Я счастлив, братья, что могу представить вам члена нашей общины, который с первой же минуты своего принятия выказал такие благие намерения. В его душе горит бессмертное пламя милосердия, а приобретенное знание он хочет употребить на служение человечеству. Благословляю тебя, мой сын, ибо ты избрал полезный и почтенный путь, который позволит тебе высоко подняться по лестнице совершенства.

Он взял с жертвенника выточенный в виде сердца, красный, как рубин, камень, внутри которого точно горело пламя, и повесил его на шею Супрамати.

– Получи, брат Супрамати, этот великий талисман-целитель! Исцеляй страждущих, никогда не отказывая им в своей помощи!

А теперь позволь мне дать тебе несколько советов и сделать несколько замечаний относительно твоего ближайшего будущего.

Ты еще не жил, в широком смысле этого слова. Бедный труженик, больной, вдвойне вынужденный беречь свои силы и избегать искушений, ты не можешь быть уверен, что не

поддашься им; так как не забывай, что ты человек и что тебе присущи все человеческие слабости, тем более что воспринятая тобою эссенция жизни делает твои силы настолько неисчерпаемыми, что никакие безумства и излишества не в состоянии их истощить. Но для того, чтобы приобрести ясное спокойствие, необходимое для парения в высших областях чистого знания, необходимо осушить кубок жизни и изучить страсти, волнующие мир, куда ты вернешься. Итак, вмешайся в безумную толпу, растрачивающую свои физические и интеллектуальные силы на житейском базаре, где все покупается и продается и где всевластно царит эгоизм. Тщеславие ослепляет этих несчастных, зараженных и покрытых ранами, какими платит порок своим адептам; они пляшут у своей открытой могилы, не замечая, что ноги их уже скользят в черную яму. Тебе надо еще научиться со спокойствием мудреца и со снисходительностью божественного милосердия смотреть на адский и выразительный хоровод ослепленной толпы, которая в своей вечной погоне за новыми ощущениями кружится с идиотской улыбкой на устах, не замечая, что лица увядают, волосы седеют и приближается час, когда спросят отчет о погубленной всеми излишествами жизни.

Итак, иди, мой брат, и вмешайся в вихрь жизни! Когда же ты подчинишь себе все свои чувства, твоя кровь изменит свой состав, а излучения твоего очищенного мышления вознесут тебя выше только что описанного мною людского стада; когда, наконец, вся подготовительная работа будет кончена, тогда ты будешь способен открыть великую книгу высшего знания и искать причину причин.

Мне остается задать тебе последний вопрос: кого из здесь присутствующих братьев желаешь ты избрать себе в наставники для первого посвящения, когда настанет час и ты пожелаешь удалиться в уединение и приняться за работу?

Взгляд Моргана блуждал по блестящему собранию, по молодым и красивым лицам, которые приветливо улыбались ему, по лицам почтенных и величавых старцев и, наконец, остановился на Дахире. В белой одежде он не имел того мрачного и зловещего вида, какой придавало ему черное платье. Красивое, бледное лицо и большие, полные покорной грусти глаза показались Моргану невыразимо симпатичными.

– Могу я избрать того, кто приходил за мной и привел меня сюда?

Выражение радости и удивления осветило лицо Дахира.

– Хорошо, – ответил старец. – Пусть он будет твоим первым наставником!

Дахир подошел к Моргану и братски поцеловал его, и все присутствовавшие подошли поздравить нового брата. Минуту спустя старец, казавшийся главой собрания, сказал:

– Братья мои! Нам остается исполнить еще один долг; надо пресечь узы, связывающие изменника Нарайяну с делом, которое он бросил, вернувшись в невидимый мир раньше того срока, который ждет нас, когда наша миссия будет кончена.

Все отступили и образовали большой круг, в центре которого два мальчика поставили треножник с угольями и широкую маленькую чашку с белым веществом.

Тогда подошел первосвященник, поставил чашку на уголья и влил туда несколько капель из флакона, который достал из-за пояса.

Тотчас же послышались вдали удары грома и в зале сделалось совершенно темно. Вдруг сверху брызнула молния и зажгла на треножнике уголья, вспыхнувшие разноцветным пламенем. Поднялся столб дыма, который упал затем на пол, стал извиваться спиралью, напоминая собой кольца громадной змеи. Разыгралась настоящая буря. Удары грома и молнии беспрерывно следовали друг за другом. Земля дрожала и пришла, казалось, в движение. Отовсюду стали появляться странные и ужасные существа. Одни были крылатые, с головами сфинкса или птицы; другие – пресмыкающиеся, с человеческими лицами, но со зверским, хитрым и адски злым выражением.

Супрамати прислонился к колонне, с любопытством и со страхом смотря на отвратительную стаю, толпившуюся вокруг треножника и наполнявшую воздух пронзительными и раздирающими криками.

Вдруг со свистом и треском появился пурпурный облачный столб, который расплылся, открыв человеческую фигуру. Очертание и особенно голова фигуры резко вырисовывались на

этом кроваво-красном фоне.

Сдавленный крик сорвался с губ Моргана: он узнал явившегося к нему незнакомца. Огненно-красная лента связывала Нарайяну с костром, на котором пылало таинственное пламя, распространявшее теперь удушливый аромат.

– Я разбил узы, которые не в силах был больше влачить, – произнес звучный голос Нарайяны. – Но я никому не сделал зла и нашел взамен себя человека, более достойного занять мое место, которого и сделал своим наследником.

– Ты желал свободы и получишь ее! Тебе предстоит раскаиваться в твоём поступке, а не нам оплакивать и сожалеть неверного служителя истины, – ответил первосвященник, поднимая обеими руками свой меч.

Он произнес несколько слов, которые Морган не понял, и меч с быстротой молнии опустился на огненную ленту, связывавшую Нарайяну с треножником. Раздался страшный крик, сопровождаемый раскатами грома, и фигура Нарайяны рассыпалась на тысячу искр. Столб огня и дыма с минуту кружился над треножником, а затем все угасло; темнота рассеялась и лучи солнца снова залили громадный зал своим радостным светом.

Моргану показалось, что он видел во сне эту ужасную сцену, хотя пустой и угасший треножник доказывал противное. С глубоким вздохом повернулся он и только теперь увидел Нару, стоящую с другими женщинами, среди которых находилась Лора. Сверкающий взгляд молодой женщины, видимо, искал в толпе высокую фигуру Дахира.

При виде своей невесты, которая показалась ему еще прекраснее, сердце Моргана усиленно забилося. Он хотел уже подойти к Наре, как вдруг первосвященник подозвал его и благосклонно спросил:

– Ты принял наследство Нарайяны? Согласен ли ты стать также супругом и покровителем его вдовы?

– Да! Это – для меня самая дорогая и священная часть его наследства, – ответил Морган.

В глубине души он был очень доволен этой необходимостью, так как Нара положительно очаровывала его.

– В такое случае подойдите и я соединю вас!

Два мальчика, убрав пустой треножник, положили перед жертвенником пурпурную подушку, вышитую золотом. Затем к Наре подошли две женщины, из которых одна несла венок из белых цветов, каких Морган никогда еще не видел, а другая – необыкновенно легкое и прозрачное покрывало. Убрав голову невесты, эти женщины соединили руку Нары с рукой ее будущего мужа. Нара и Морган опустились на колени на подушку. По бокам их стали два вооруженных рыцаря и скрестили над их головами свои мечи, на остриях которых пылало небольшое золотистое пламя.

Первосвященник взял с жертвенника блюдо и зажег на нем бесцветную жидкость, распространявшую острый, но приятный аромат.

Совершив несколько раз курение, он надел брачующимся кольца, а затем, подняв Нару, увел ее в святилище за жертвенником, закрытое вытканной из серебряных нитей завесой.

Через несколько минут оба вернулись. Нара казалась взволнованной и с опущенной головой заняла свое место на подушке.

Тогда первосвященник разломил над ее головой палочку слоновой кости, говоря:

– Я уничтожаю прошлое. Для тебя, Нара, существует теперь только настоящее и будущее. Будь достойна новой жизни! Будь верна и любяща, чтобы ты наконец получила свободу.

Разделив между собою кубок вина, Супрамати и Нара встали.

– Идите по одному пути! Огненные узы соединяют вас и ничто более не разлучит, – сказал старец.

Два рыцаря взяли новобрачных за руки и довели их до дверей залы. Остальные присутствующие тоже разошлись.

– До обеда мы можем наслаждаться обществом друг друга, – сказала Нара своим обычным небрежно-насмешливым тоном.

Морган был слишком доволен, чтобы обратить на это внимание.

– Не желаете ли вы пройти в мою комнату? – радостно спросил он.

– Отчего же нет? Проводите.

Когда они очутились в комнате Моргана, тот привлек Нару в объятия и поцеловал ее, пробормотав:

– Я и не мечтал, что счастье так скоро явится ко мне!

– Разве уж такое счастье наследовать вдову и к тому же бессмертную жену? – с насмешкой заметила Нара, освобождаясь от объятий Моргана.

– Я смотрю на это, как на счастье, и желал бы сейчас же решить вместе с вами, где мы будем жить. В данную минуту Венеция мне кажется неудобною, – сказал Морган.

– Вы спешите, Супрамати, забывая то, в чем уже раньше, условились! Свет знает нас только как обыкновенных людей, и сегодняшняя церемония не имеет для него никакого значения. До времени окончания моего официального траура мы должны оставаться чужими друг другу. Потом мы отпразднуем обручение и свадьбу, как и все остальные. А пока путешествуйте, осматривайте главные столицы и забавляйтесь.

– Как жестоко вы говорите, Нара, да еще в минуту, когда закон этого великого братства соединил нас! Я не настаиваю и уважаю вашу волю, но мне очень тяжела наша разлука.

– Вы все забываете, что эликсир жизни не лишил вас ни одного мужского инстинкта. Наша разлука кажется вам тяжелой только потому, что вы никогда еще не жили, здоровый и богатый, в большом городе, полном искушений и населенном целой армией женщин, существующих только развратом – открытым и профессиональным – как актрисы и кокетки всех категорий, – или тайным, как это практикуют светские женщины. Весь этот мир (кокетки и неверные жены) всегда жаждут молодого, красивого и, в особенности, богатого мужчину.

– Вы забываете, со своей стороны, что я человек женатый. Нара презрительно улыбнулась.

– О! Брак никогда еще не был препятствием ни для мужчины, ни для женщины, которая желает его заполучить. Царицы кулис считают за особую заслугу, если им удастся ошипать какого-нибудь пижона, попавшего в их сети, в ущерб семье, которая остается в тени, чтобы не стеснять своих возлюбленных. По большей части законные жены не имеют ни малейшего понятия о достоинствах своего супруга, о его любезности, великодушии и снисходительности, которые он выказывает этим жрицам Венеры. Только в их будуарах могла бы законная половина составить себе истинное понятие о характере своего господина и повелителя, который нигде не бывает так скучен и капризен, как под супружеской кровлей. Не удивляйтесь: я говорю одну только истину. Вы, Супрамати, еще наивны и неопытны; но подождите и увидите, что будет, когда вы приедете в Париж, остановитесь в завещанном вам Нарайяной укомном отеле, и по городу распространится слух, что набоб прибыл. Со всех сторон появятся друзья и будут стараться всячески развлекать вас. А какое более благородное развлечение может быть, как не покровительство талантам, которыми кишит театральная богема! Вы не вкусили еще такого удовольствия как быть «своим» за кулисами, вовремя поднести какую-нибудь драгоценность или букет, устроить увеселительную поездку с «этими дамами», а – высшая награда – носить в петлице цветок, данный вам какой-нибудь театральной звездой. Как бы грязна ни была рука, давшая цветок, вы будете считать его очищенным *талантом* и презрительно станете сравнивать эту шикарную и очаровательную фею со своей законной супругой, существом глупым, стеснительным ярмом, которая осмеливается еще иметь на вас какие-то права и претензии...

Морган слушал, онемев от удивления. Острая горечь, звучавшая в голосе Нары, и мрачный огонь, вспыхивавший в ее глазах, указывали, что в эту минуту прорвались наружу долго сдерживаемые чувства. Нарайяна должен был глубоко оскорбить эту женщину с глазами сфинкса, чтобы внушить ей такое презрение к самым священным узам, соединяющим людей.

Теперь только он понял, почему та не пролила ни слезинки при известии о смерти Нарайяны.

– Несправедливо взваливать одну и ту же вину на виновного и на невиновного, Нара, – с живостью сказал он. – Я вижу, что другой заставил вас много страдать; но я, будьте уверены, слишком проникнут сознанием долга, чтобы пренебречь обязанностями, принятыми мною на себя сегодня.

Нара рассмеялась присущим ей легким и загадочным смехом.

– О! Долг – понятие растяжимое, а для мужчин оно служит синонимом эгоизма. У мужчины всегда и прежде всего стоит исполнение разных обязанностей по отношению к самому себе, а самая священная из этих – это тщательно скрывать от жены все тайные похождения своей интимной жизни для того, понятно, чтобы избавить ее от огорчений и не смущать домашний мир. Все, что я говорю, Супрамати, не относится прямо к вам. В настоящее время я не требую от вас верности, и до той минуты, когда мы окончательно соединимся, вы можете смотреть на себя, как на свободного человека. Живите и наслаждайтесь всеми удовольствиями. При такой долгой жизни надо все испробовать и все узнать. Свобода же, которую я вам даю до нашего возвращения в Венецию, избавит вас от необходимости придумывать массу лжи, чтобы скрывать и прикрывать ваши измены ложными клятвами.

– Как можете вы, Нара, так обижать меня, приписывая мне Бог знает что? По какому праву предполагаете вы, что я, проведя самые опасные годы юности в трудовой и честной жизни, начну теперь вести безумную и разгульную жизнь?

– Потому что вас еще не искушали два самых опасных соблазнителя: здоровье и богатство. Вы не хотите понять, что эликсир жизни нисколько не изменяет нашей человеческой природы, наших увлечений и слабостей. Мы доступны всем горестям, страстям и похмелью, терзающим людское сердце; только мы не находим успокоения в смерти. Мы остаемся пленниками плоти, вечно обновляемой неизвестным жизненным соком, пленниками наших упорных инстинктов, не желающих умирать.

– Нет, нет, Нара, вы несправедливы и неблагодарны в отношении чудесного дара, обеспечивающего нам жизнь. Я, напротив, смотрю как на благодеяние, что нам сохранена способность любить и ненавидеть, чувствовать горе и радость. Без этого так пуста и скучна была бы бесконечная жизнь, защищенная от смерти – этого дамоклова меча, висящего над головой всякого живого существа. Кроме того, разлучение тела и души – операция более чем болезненная, даже страшная, и только избранные покорно переносят ее.

– Придет время, Супрамати, когда вы станете смотреть на смерть, как на освободительницу. Вглядитесь повнимательней в членов нашего братства, и вы убедитесь, что большая часть их утомлены долгим жизненным путем и жаждут перемены.

– Может быть, когда-нибудь и я дойду до такого утомления, но в настоящую минуту мое сердце только полно доверия, энергии и благодарности за то, что передо мной открыто обширное поле для полезной работы; я могу только прославлять за то Бога. У меня остается лишь одно желание: убедить вас, Нара, что любовь – это чистое и божественное чувство – может излечить все душевные раны.

– Да, если бы она была такой, какой вы ее себе воображаете; но любовь между мужчиной и женщиной – это вечная борьба противоположных интересов; бескорыстную привязанность чувствуют только к детям, друзьям и животным. Но оставим этот разговор; у меня пока составилось на этот счет твердое убеждение. Я считаю всех мужчин изменниками и циниками, снисходительными ко всем порокам, которыми женщина может быть им приятна, но беспощадными ко всякому беспристрастному суждению об их собственной личности.

– Надо признаться, что наш первый супружеский разговор оказался не особенно лестным для меня, – заметил полураздосадованный, полуогорченный Морган.

– Я постараюсь вознаградить вас, когда мы соединимся и отпразднуем официально нашу свадьбу, – с веселым смехом ответила Нара. – К тому времени я постараюсь пропитаться любовью и доверием, чтобы даже не подозревать вашу добродетель, а буду вам такой покорной, слепой и влюбленной женой, какую вы только можете пожелать.

Звон колокола, призывавшего к обеду, прервал их разговор, и они отправились в

столовую залу, где собравшиеся братья чествовали союз Нары с Супрамати.

Еще два дня прошли как во сне. Морган осматривал таинственный дворец, грандиозное убранство которого возбуждало *его* восхищение, и знакомился со своими новыми братьями. В разговорах, полных интереса, часы летели, как минуты.

Незадолго до времени, назначенного для отъезда, Нара имела последний разговор с Супрамати и советовала ему прямо отправиться в Париж, а для себя избрала Венецию. Она дала ему также адрес дома, которым владел Нарайяна в столице Франции. Но переписываться с ним молодая женщина наотрез отказалась,

ссылаясь на желание, чтобы он считал себя совершенно свободным. Затем, дружески простившись с ним, Нара ушла, и он уже больше ее не видел.

Когда наступила ночь, Морган, Агасфер и Дахир взошли на корабль, и скоро таинственный остров исчез в тумане.

На следующее утро оказалось, что Агасфер куда-то исчез, а корабль-призрак быстро направлялся к берегам Франции.

Глава пятая

Около шести часов вечера Супрамати вышел из вагона в Париже и медленно направился к выходу из вокзала. Он знал, что его ждут, так как известил телеграммой о своем приезде.

Скоро он увидел лакея в такой же ливрее, какую видел в Венеции на слугах Нарайяны, и подозвал его. Несколько минут спустя изысканный экипаж быстро мчал в новый дворец.

С чувством удовольствия и особенного благосостояния откинулся он на атласные подушки кареты.

«Право, я не могу понять, как можно утомиться вести такую приятную жизнь, продолжайся она хоть тысячу лет, вечно пользуясь здоровьем и наслаждаясь роскошью. О! Если бы надо было быть бедным и страждущим, быть нагим, голодным и вечно работать, как ломовая лошадь, тогда, конечно, я поблагодарил бы за такую вечную пытку», – думал он.

Супрамати никогда не бывал в Париже, а потому не имел ни малейшего понятия о том, куда его везут, и с любопытством смотрел по сторонам. Очевидно, они ехали по предместью; затем экипаж свернул в дубовую аллею и въехал в тенистый парк, обнесенный высокой бронзовой решеткой.

Скоро показалось здание в стиле Людовика XIV, у которого экипаж и остановился.

В прихожей выстроился весь персонал служащих для приветствия своего господина. От старика дворецкого Супрамати узнал, что бельэтаж предназначался для приемов, а личное помещение принца находится в первом этаже.

В предшестве дворцового и в сопровождении своего будущего камердинера. Супрамати поднялся по лестнице, покрытой ковром и убранной редкими растениями, и обошел свои новые владения.

Меблировка всюду была сделана сообразно стилю строения, во вкусе Людовика XIV. Здесь гораздо больше, чем в Венеции, все напоминало Нарайяну. Очевидно, он здесь жил подолгу. В гостиной, обтянутой белым штофом, висел в массивной золотой раме портрет покойного во весь рост. В кабинете, на столе, лежала открытая книга. На бюро валялись письма – одни распечатанные, другие нет – лист бумаги с несколькими написанными на нем строчками и небрежно брошенный в пепельницу небольшой столбик золотых. Спальня также носила многочисленные следы пребывания своего последнего владельца. Книги и журналы, грудой наваленные на ночном столике, вперемежку с разными безделушками, разбросанными по дивану и кушетке у окна, свидетельствовали о том, как тщательно наблюдали за тем, чтобы хозяин дома, вернувшись, нашел все в таком же положении, как оставил.

Отдав должную честь изысканному обеду и приказав подать себе халат (на этот раз он запасся необходимым гардеробом в портовом городе, где высадился), он отпустил слугу и уселся в кабинете, где в камине ярко и весело пылал большой огонь.

Увидев полузакрытую тяжелой портьерой дверь, он открыл ее и вышел на балкон,

убранный цветами. На улице было холодно; свистел осенний ветер, встряхивая полуобнаженные деревья, а сверху сыпался мелкий и частый дождик. Но Супраматти с самодовольством вспомнил, что ему нечего бояться простуды, и стал осматривать свои новые владения.

Несмотря на наступившую ночь, еще можно было рассмотреть большой прекрасный сад, белевшие сквозь ветки деревьев статуи и бассейн, где должен был бить фонтан. Внизу расстилалась терраса, гораздо больших размеров, чем балкон. Терраса эта была обнесена балюстрадой, и широкая лестница из белого мрамора вела в сад. Очевидно, на эту террасу выходили апартаменты, которых он еще не видел.

– Положительно, я – пастух, превращенный в царского сына, – пробормотал Супраматти, возвращаясь в спальню и ложась на диван с целью выкурить сигару.

Следя рассеянным взглядом за тонкими кольцами дыма, он задумался над тем, что будет делать в этом чужом для него городе, где у него не было ни одной знакомой души.

Прежде всего он осмотрит, конечно, музеи и побывает в театре. Это удовольствие он позволял себе и во времена бедности. Теперь же все затруднение состояло в выборе и в отдаче приказаний взять лошадь и запрячь экипаж. Положительно, этот мягкий диван с вышитыми зелеными бархатными подушками куда лучше соснового гроба и одинокой могилы на кладбище. Как ни красиво описывают поэты смерть, приближение ее вызывает дрожь даже у самых мужественных людей, а о загробной жизни имеются только самые смутные намеки.

Нет, он – счастлив, что живет, и употребит эту долгую жизнь на то, чтобы делать добро своим ближним. Сколько нищеты можно облегчить, сколько слез осушить!

Он вспомнил несколько семейств из своей прежней практики. В одном из них отец, страдающий ревматизмом, нуждался в продолжительном пребывании в теплом климате. В другом – сын был маньяк, но не хватало средств для его лечения, пока болезнь не перешла в совершенное умопомешательство. О! всему этому он радикально поможет.

Но самое живое воспоминание сохранил он об одной молодой девушке, которая скромно жила со своей вечно больной матерью и которая внушила ему симпатию, весьма близкую к любви.

Маргарита Вильсон была хорошенькая стройная девушка с большими, темными и нежными, как у газели, глазами и короткими вьющимися волосами.

Ральф Морган часто мечтал сделать этого чистого и милого ребенка подругой своей жизни. Она любила бы его и ухаживала за ним с таким же полным самоотвержением, с каким ухаживала за своей матерью. С волнением вспоминал он самоотречение молодой девушки, работавшей без отдыха и отказывавшей себе в необходимом, чтобы окружить довольством свою мать. Теперь Маргарита – сирота. Два года тому назад умерла ее мать, и молодая девушка зарабатывала свой хлеб, по целым дням бегая с урока на урок, несмотря ни на какую погоду, хотя была слабого здоровья и расположена к чахотке.

Кроме всего этого, бедная Маргарита должна была сильно беспокоиться. Несмотря на ее скромность и сдержанность, Ральф Морган догадывался, что молодая девушка интересовалась им и, может быть, даже в глубине своего сердечка любила. От Патрика она узнала, несомненно, об его таинственном отъезде и теперь не знала, что и думать об этом.

Тяжелый вздох вырвался из груди Супраматти. Он знал, что между ним и Маргаритой все было кончено. Он был женат на Наре, ослепительная красота которой оставляла в тени скромную девушку с нежным и ясным взглядом. Но он мог помочь ей и сделать ее независимой. Разве не располагал он неисчислимым богатством?

Захваченный этой мыслью, он вскочил с дивана и стал быстро ходить по комнате. Да, завтра же он пошлет мисс Вильсон анонимный дар. Он не хотел терять даже дня, чтобы оторвать ее от истощающей силы работы.

Схватив свой бумажник, он высыпал его содержимое и пересчитал привезенные им с собой деньги. По его мнению, этого было мало; утвердиться же в правах наследства, исполнить все формальности и затем обратиться к банкиру – все это казалось слишком долгим для нетерпеливого молодого человека.

– Надо поискать здесь! Нарайяна всегда держал капиталы в шкафах и ящиках, – проворчал он, оглядывая комнату.

У стены он увидел такую же шифоньерку, какая стояла в кабинете в Венеции, с той только разницей, что та была сделана из черного дерева, а эта из розового. Надо было только открыть ее. Если записка, оставленная Нарайяной, гласила правду, то маленький золотой ключ, висевший у Супрамати на часовой цепочке, должен отпирать все шкафы, находившиеся в личном пользовании его предшественника.

Быстро отцепив ключ, Супрамати попытался ввести его в замочную скважину. Ключ вошел, легко повернулся и шифоньерка открылась.

Очень довольный, он придвинул стол, поставил на него зажженный канделябр и приступил к осмотру.

Он очень скоро нашел то, что искал. Перламутровая шкатулка была набита золотом и банковыми билетами. Тем не менее Супрамати продолжал рыться в шифоньерке, удивляясь громадному количеству женских вещей, хранившихся в ней.

Один из ящиков был набит шелковыми чулками, перчатками, фишу и носовыми платками, тут же лежала пара красных атласных туфель; нашлись даже две черные женские рубашки, отделанные дорогими кружевами.

В другом ящике оказались искусственные цветы, целая коллекция вееров и шкатулка с драгоценностями.

– Надо признаться, что мой предшественник был порядочный повеса, – пробормотал Супрамати, качая головой. – Ничего нет удивительного, что Нара такого дурного мнения о браке.

Опорожнив самую большую из шкатулок, он положил туда большую сумму денег и прибавил к этому два убора: один – бриллиантовый, другой – из рубинов, из которых каждый представлял целое состояние, и два веера, которые показались ему лучше всех. Затем, заполнив оставшееся свободное место более мелкими драгоценностями, он закрыл шкатулку.

«Завтра утром я прибавлю еще записку, которая уведомит Маргариту, что подарок посылает бывший должник ее отца», – подумал очень довольный Супрамати.

И, напевая песенку, он начал кидать обратно в шифоньерку вынутые оттуда вещи; но когда он толкнул довольно сильно одну шкатулку в глубину шифоньерки, послышался легкий треск. Супрамати с любопытством наклонился и к крайнему своему удивлению увидел, что металлический угол шкатулки ударил по скрытой пружине, которая открыла тайное отделение. Он отодвинул доску и достал белый сверток.

Сверток этот оказался наскоро свернутой какой-то батистовой одеждой, отделанной дорогими кружевами, в середине которого чувствовался какой-то твердый и длинный предмет. Все более и более заинтересовываясь своей находкой, Супрамати принес лампу, развернул пакет и страшно побледнел.

Вещь, которую он держал в руках, была женский пеньюар с широкими открытыми рукавами. На высоте груди виднелся разрез, окруженный широким пятном темно-красного цвета. Весь низ пеньюара и кружева были, по-видимому, смочены кровью. Небольшой восточный кинжал с кривым лезвием дамасской стали и рукояткой, отделанной драгоценными камнями, еще висел, прилипнув к пеньюару, а также был покрыт черноватыми пятнами. Онемев от изумления, смотрел молодой доктор на этих молчаливых свидетелей преступления.

Но кто его виновник? Конечно, Нарайяна, владелец шифоньерки. Но возможно ли, чтобы он был убийцей? И с какой целью совершил он это убийство? Как могла исчезнуть эта женщина, не возбудив ни в ком подозрения? Как никто не искал ее? Наконец, кто была эта жертва?

Шифоньерка быстро приобрела для него совершенно новый интерес. Может быть, в тайнике найдутся еще какие-нибудь указания?

Супрамати стал жадно искать и минуту спустя вытащил комок смятой бумаги и золотую цепочку с медальоном, на крышке которого бриллиантами было выделано: Лилиана. В медальоне находился портрет молодой женщины необыкновенно оригинальной красоты.

Большие, черные, как бархат, глаза смотрели презрительно, на полуоткрытых губах блуждала страстная улыбка. Короткие, кудрявые волосы покрывали эту очаровательную головку, придавая ей большое сходство с знаменитой Гортензией Манчини. Что же касается комка бумаги, то он оказался афишей, и о нее убийца вытер свои окровавленные пальцы, отпечаток которых ясно был виден на бумаге.

Развернув лист, Супрамати прочел: *«Бенефис певицы мисс Лилианы»*. Афиша эта была отпечатана немного более года назад.

Не будучи в состоянии объяснить себе, почему Нарайяна не уничтожил таких опасных свидетелей своего преступления, страшно взволнованный Супрамати положил обратно в тайник печальные воспоминания кровавой и неизвестной драмы. Затем, убрав шкатулку, предназначенную для Маргариты, и тщательно заперев шифоньерку, он лег спать, но долго не мог заснуть, думая о своем странном и ужасном открытии.

Супрамати проснулся поздно. Он только что кончил свой первый завтрак и просматривал новые журналы, когда лакей подал визитную карточку, на которой крайне удивленный Супрамати прочел: виконт Марсель де Лормейль.

– Этот господин уже несколько раз приходил справляться, не приехала ли ваша светлость, – прибавил лакей.

– Давно вы служите здесь?

– Нет, всего только неделю. Как мне говорили, весь прежний состав служащих был отпущен г. Джемсом. Теперь же, в ожидании возвращения вашей светлости, дом был заново обставлен, и Джемс, уезжая, назначил управляющим господина Гремье.

Супрамати задумался. Очевидно, этот виконт был одним из знакомых его предшественника и не знал еще о смерти Нарайяны. Может быть, для него, ни души не знающего в Париже, эта личность сделается приятным товарищем, благодаря которому ему удастся завязать кое-какие знакомства.

– Проводите виконта в гостиную и попросите его минутку подождать меня, – сказал он, вставая.

Быстро одевшись, Супрамати направился в гостиную, но прежде чем войти туда, выглянул из-за портьеры.

Молодой человек лет тридцати, необыкновенно изящно одетый, нетерпеливо ходил по комнате. Его можно было бы назвать красивым, если бы болезненная бледность, темные круги под глазами и преждевременные морщины, бороздившие его увядшее, состарившееся раньше времени лицо, не портили его привлекательного в общем облика.

«А он, кажется, вполне наслаждался жизнью!» – подумал Супрамати, входя в гостиную.

Услышав шум открывшейся двери, стоявший перед портретом виконт быстро обернулся и радостно вскричал:

– Наконец-то ты вернулся к нам, Нарайя...

Он умолк, увидев перед собой незнакомого ему человека, и слегка сконфуженно извинился.

– Простите меня, но мне сказали, что принц Нарайяна вернулся из путешествия. Как один из самых лучших друзей его, я позволил себе явиться так рано.

– Никаких извинений, прошу вас, виконт! – с улыбкой сказал Морган, подавая ему руку. – Вам сказали правду: я принц Нарайяна Супрамати, младший брат и наследник вашего покойного друга.

– Нарайяна умер! – пробормотал виконт, побледнев как полотно. – Возможно ли это?...

– Увы! это печальная истина.

Виконт был так расстроен, что у него дрожали даже руки. После минуты тягостного молчания он растерянно пробормотал:

– Просто невероятно! Нарайяна был так здоров, бодр и полон жизни, что, казалось, мог прожить сто лет.

– Даже больше, – ответил Морган, внутренне забавляясь последней фразой. – Не болезнь унесла моего бедного брата, а несчастный случай на охоте в Альпах. Он упал и убился

насмерть. Я застал уже только его похолодевший труп.

– Какое несчастье! Я положительно в отчаянии от потери такого друга, всегда любезного и обязательного, одним словом – истинного друга.

«Держу пари, что добрейший виконт только потому нетерпеливо ждал Нарайяну и теперь так убивается по нему, что рассчитывал сделать у него заем», – насмешливо подумал Супрамати.

Затем, предложив гостю сесть, он любезно сказал:

– Я очень тронут тем участием, какое вы принимаете в понесенной мною горестной потере, и надеюсь, виконт, что вы не откажете уделить мне частицу той дружбы, какой дарили моего покойного брата. Я только недавно прибыл в Европу и положительно никого не знаю в Париже, так что был бы счастлив, если бы вы взяли меня под свое покровительство.

Приятное удивление отразилось на бледном лице виконта и в его сдавленном сердце зародилась надежда, что эта новая дружба будет так же выгодна для него, как и дружба покойного.

– Я в полном вашем распоряжении, принц! Располагайте мной, – с живостью ответил он.

– Напротив, виконт, это я – в вашем распоряжении. Надеюсь, что вы будете так добры и составите программу, по которой я мог бы ориентироваться в Париже. Мне хотелось бы осмотреть достопримечательности столицы, а также немного поразвлечься.

Виконт вскочил, как наэлектризованный.

– Будьте покойны, принц, я основательно займусь этим вопросом и надеюсь вполне удовлетворить вас. На сегодня я вот что предлагаю. Прежде всего мы совершим прогулку в Булонском лесу, где вы увидите и «свет», и «полусвет». Затем мы пообедаем у меня, если вы сделаете мне честь и примете мое приглашение. У себя я вам представлю двух прекрасных молодых людей, моих друзей. Вечером, наконец, мы прослушаем новую оперетку. Затем ужин в ресторане, где я вас познакомлю с несколькими театральными дамами и артистами – моими друзьями. Ведь на нас – знати – лежит долг покровительствовать талантам.

– Программа весьма полна и даже, может быть, слишком весела, ввиду моего недавнего еще траура, – заметил Супрамати.

– Но все равно! Она так соблазнительна, что я принимаю и благодарю вас за нее.

– В таком случае, принц, позвольте мне оставить вас на полчаса. Я хочу достать ложу.

– О! Для этого вам не стоит беспокоиться. Я сейчас отдам приказание, – ответил Супрамати, нажимая пуговку электрического звонка.

Час спустя Супрамати ехал с виконтом в великолепной коляске. Чудная упряжь, а также красавец незнакомец, сидевший рядом с виконтом Марселем, произвели известное впечатление среди обычных посетителей Булонского леса, особенно же среди дам «полусвета», сгоравших от желания узнать, кто бы это такой был. Виконт, однако, не торопился удовлетворять любопытство прекрасных грешниц. Ссылаясь на сырость, он отговорил Супрамати от прогулки пешком, а затем прямо увез его к себе.

Виконт занимал на бульваре Госман изящную холостую квартиру, уютно и даже роскошно обставленную.

Хозяин с гостем беседовали, куря сигары, когда приехали друзья виконта и тот представил Супрамати барона Роберта де Лонзак и капитана Шарля де Марин. Оба они знали Нарайяну и были крайне удивлены его неожиданной смертью, а также прибытием его наследника. Позже, когда виконт показывал своему новому другу коллекцию портсигаров и трубок, барон прошептал на ухо капитану:

– Экое счастье этому проклятому виконту, немедленно же овладевшему наследником того дурака! Попомните мое слово: благодаря этой новой дружбе он заплатит все свои долги.

– По всей вероятности! Но зато между нашими дамами произойдет целая баталия, кому достанется такой жирный кусочек, как этот набоб, – так же тихо ответил офицер.

Обед был прекрасный. Изысканные вина текли рекой и Супрамати отдал им должную честь. Но разговоры, все более и более оживлявшиеся по мере того как пустели бутылки, внутренне коробили его. Разгульные речи, скромные анекдоты и бесстыдный цинизм, с

которым обсуждался всякий вопрос, угнетали трезвого и скромного доктора, которому никогда еще не приходилось присутствовать в подобном обществе. Легкомысленно и зло собеседники марали и набрасывали тень на репутацию многих женщин, имена которых были неизвестны Супрамати, и насмехались над честными семьями, которые, по их мнению, имели слишком много детей. Этот интересный разговор до такой степени увлек их, что они даже не замечали, какое неприятное впечатление производит их болтовня на Супрамати, не проронившего почти ни одного слова.

«Великий Боже! – думал он. – Возможно ли, чтобы люди интеллигентные тратили свою жизнь на подобные пустяки, прозябали в позорной лени и занимались бы только сплетнями, кутежами, шатанием по улицам и рассказыванием сальных анекдотов, забывая, что им придется жестоко расплачиваться за это беспутство, и что преждевременная старость, бороздящая морщинами их лбы и обнажившая их черепа, это – сама смерть, протягивающая к ним свою холодную руку».

Супрамати овладело неудержимое желание увидеться с Дахиром. Тот понимал его; с ним можно было говорить обо всем, что интересовало обоих в их бесконечном существовании. Молодому врачу потребовалось известное усилие над собой, чтобы снова найти необходимый тон и принять участие в разговоре, когда, наконец, виконт обратился прямо к нему, заметив молчаливость своего дорогого гостя.

По окончании обеда все перешли в гостиную. Увидев на столе несколько альбомов, Супрамати стал перелистывать их. Вдруг он вспомнил о своей зловещей ночной находке; а вместе с этим воспоминанием у него явилось желание узнать хоть что-нибудь об этой таинственной драме. Если жертва, – что, впрочем, казалось несомненным, была актрисой, и ее карточка находилась в одном из альбомов, то он мог узнать ее биографию и то, что предполагали об ее исчезновении, так как виконт, конечно, хорошо знал всю закулисную хронику.

Но тщетно просмотрел он один, а затем и другой альбом; той, кого он искал, не было среди этой коллекции всевозможных знаменитостей. Наблюдавший за ним хозяин дома подошел к молодому человеку и, дав ему самый большой альбом, сказал, смеясь:

– Смотрите и выбирайте, принц! Всюду вы будете приняты с радостью. Здесь у меня специально все театральные знаменитости и звезды полусвета. Конечно, вы не встретите здесь выдающейся красоты, но среди этих дам есть очень забавные и приятные женщины.

Супрамати начал перелистывать альбом. На этот раз ему не пришлось долго искать интересовавшую его особу. Да, это была ее кудрявая головка и вызывающая улыбка; только вместо бального платья на ней был оригинальный костюм Коломбины.

– Вот эта мне нравится, – сказал Супрамати, показывая виконту портрет.

Все наклонились с любопытством, а капитан вскричал:

– Ба! Красавица Лилиана! Вот что значит симпатия крови! Ваш покойный брат с ума сходил по этой женщине.

– Вам не везет, принц! Именно только одной этой женщиной, так понравившейся вам, вы не можете обладать, разве только женитесь на своей невестке. Но как могло случиться, что вы не видели на похоронах Нарайяны его вдовы? Или вы не знали, что он был женат? – заметил виконт.

– Нарайяна давно уже женат, и я знаю его жену. Это очаровательная блондинка, не имеющая ни тени сходства с оригиналом этого портрета, – ответил Супрамати.

Присутствующие обменялись удивленными взглядами.

– Скажите, пожалуйста, какой скрытный человек! Он ни словом не обмолвился, что женат, и вел здесь жизнь холостяка, – сказал Лормейль, покачивая головой.

– Во всяком случае, принцесса никогда не приезжала сюда и не подавала знака о своем существовании, – прибавил барон де Лонзак.

– Но что же заставило вас предполагать, что мой брат хотел жениться на этой мисс Лилиане?

– Лилиана сама говорила нам, что она – невеста принца и скоро делается его женой.

Затем в один прекрасный день она исчезла, ни с кем не простившись. Это было недель за шесть до отъезда Нарайяны, и мы предположили, что во избежание лишних разговоров они уехали венчаться в какое-нибудь укромное место. Во всяком случае, брак с этой опереточной певичкой, да еще с таким, таким... громким прошлым, был бы чудовищным мезальянсом для принца. Говорили также, что Нарайяна ревновал одного итальянца, сильно ухаживающего за Лилианой. Позже этого господина нашли мертвым в постели. Много болтали про то, что его убил отъезд Лилианы; но я полагаю, что он слишком много выпил и это вызвало разрыв сердца, – со смехом закончил барон.

– Ах! Всегда много болтают разных вещей, не имеющих ни малейшего смысла. Из того, что, когда на покойного принца находили мрачные часы и он запирался, становясь невидим даже для своих лучших друзей, мы заключили, например, что он – колдун или индийский махатма, что-то вроде мага. Предполагали также, что ему известны тайны изготовления золота и сохранения вечной юности. Впрочем, если я вам стану рассказывать все пересуды про Нарайяну, то я не закончу и до завтра. Итак, бросим эти глупости и вернемся к главному: Лилиана вам нравится и я предсказываю, что вы будете иметь ее. Так как Нарайяна не женился на ней, то в один прекрасный день она вернется к нам и, конечно, будет счастлива найти нового покровителя, такого же красивого и щедрого, как и тот, которого она потеряла.

Супрамати ничего не ответил. Конец разговора он слушал рассеянно. Вся его мысль сосредоточилась на мрачной драме, следы которой он открыл.

Что красавицу актрису убил Нарайяна, в этом он не мог больше сомневаться. Но действительно ли ревность служила поводом к этому убийству? Это было невероятно! Наконец, этот итальянец, его соперник – действительно ли он умер от разрыва сердца или был жертвой второго убийства?

Поглощенный этими вопросами, роившимися в его голове, Супрамати мало принимал участия в общем разговоре. Он только тогда очнулся, когда виконт объявил, что пора ехать в театр. Виконт предложил барону и капитану сопровождать их, на что те охотно согласились.

В те времена, когда он еще был Ральфом Морганом, Супрамати не посещал оперетки. Болезненный, экономный, вынужденный строго рассчитывать свои расходы, он предпочитал прослушать серьезную оперу или хороший концерт, так что спектакль, на котором он присутствовал, был для него новостью. Пикантность положений и свобода исполнения очень забавляли его. Кроме того, его самолюбие было польщено триумфом, выпавшим на его долю.

Множество биноклей было наведено на него: множество блестящих и, видимо, любопытных взглядов искало его ложу. Супрамати наивно забавлялся этим первым публичным выражением почтения к своей особе. С скромный врач лечебницы для душевнобольных, будучи в театре, никогда не привлекал на себя ничьего внимания; он забыл только, что с тех пор он сделался принцем и миллионером. Он не знал также, что благодаря виконту и барону, которые имели в зрительном зале массу знакомых, уже понеслась весть, что он – индийский набоб и наследник принца Нарайяны, хорошо известного в веселящемся мире.

По окончании представления все общество отправилось в первоклассный ресторан, где уже заранее были заняты кабинеты и заказан ужин.

Супрамати находился в отличнейшем расположении духа. Он смеялся и любезно принял известие, что пригласили от его имени нескольких дам и мужчин, принадлежавших к сцене.

– Это все перворазрядные таланты, полубоги искусства и наши интимные друзья, – сказал виконт. – Я надеюсь, дорогой принц, что вы будете довольны, познакомившись с этими известными лицами.

Первыми явились мужчины, и виконт представил Горация Даниэля, драматического артиста, и Рафаэля Пинсона из французской комедии. Первый был человек средних лет, обладавший солидной полнотой и богатой артистически взбитой шевелюрой. Другой, высокий и худой, имел жеманный вид и был нарумянен. Господин Пинсон занимал амплуа первых любовников и всегда был в своей роли.

Оба, видимо, были очарованы знакомством с набобом. Виконт представил их в таких лестных выражениях, что Супрамати должен был почувствовать себя необыкновенно

польщенным, что может пожать руку столь выдающимся особам.

В разговоре Даниэль упомянул, что близко знал покойного принца Нарайяну, человека необыкновенно великодушного, просвещенного покровителя искусств и талантов.

Супрамати понял, что он не может, не компрометируя себя, оставаться равнодушным к заслугам «искусства» и «таланта», и решил в душе быть *таким же* блестящим меценатом, каким был его предшественник.

Немного спустя приехали дамы, которых виконт, очевидно, пригласил для того, чтобы его новый друг мог сделать выбор. Это были Барети из цирка, Пьеретта из Альказара и Камилла Мушерон.

Все три были красивы и задорны. У одной из них, правда, был еврейский тип, и виконт шепнул на ухо Супрамати, что мать прекрасной Пьеретты была турчанка, но что ни одной капли израильской крови не течет в жилах этой «звезды Альказара».

Самая молодая, красивая и смелая из них оказалась девятнадцатилетняя Мушерон, с ослепительным цветом лица и большими голубыми глазами. Мушерон тотчас же села рядом с Супрамати, беззастенчиво выказывая, что она решила овладеть им: страстно глядя на набоба, она обстреливала бешеными и угрожающими взглядами обеих соперниц. Взгляды эти ясно говорили: «Посмейте только оспаривать его у меня – и вы увидите, на что я способна!»

Виконт заметил грозные тучи, омрачившие горизонт праздника, и как искусный распорядитель пира принял меры, чтобы враждебность эта не перешла в баталию; шампанское не переставало течь рекой. Наэлектризованный разговором собеседников и перекрестным огнем остроумия, трезвый и сдержанный Супрамати осушал стакан за стаканом, позволяя ухаживать за собой героиням полусвета и забавляясь их соперничеством. Он был уже достаточно пьян, когда отдал наконец пальму первенства Пьеретте, проводив ее домой в собственном экипаже, несмотря на ярость Мушерон.

Само собой понятно, что прекрасная грешница не отпустила его от себя. Они еще раз поужинали вдвоем и впервые в жизни Супрамати предался одному из тех безумных наслаждений, которые до сего времени ему были неизвестны.

На следующее утро, благодаря чудесным свойствам эликсира жизни, Супрамати чувствовал себя свежим и бодрым, будто он спокойно отдыхал, а не провел ночь в оргии. Но душа его тоже отрезвилась и краска стыда выступила на щеках, так как он ясно припомнил, что говорила ему Нара о распущенности мужчин. И она была права, презирая его раньше, чем узнала!

Прошел всего один только день, как он приехал в Париж, а он уже сделал неверность, и притом одну из самых недостойных, так как она была сделана не под влиянием сердечного увлечения, а винных паров. Он изменил жене с развратной и бесстыдной женщиной. Он даже не чувствовал большого удовольствия, присутствуя на оргии, устроенной в его честь: только мелочный триумф его нового положения польстил его самолюбию и возбудил его прежде дисциплинированные чувства.

Однако это чувство стыда мало-помалу перешло в досаду на Нара. Если бы она не отсрочила их окончательного союза на год, он скромно и честно жил бы в Венеции или в каком-нибудь другом месте и, конечно, не бегал бы по кабакам в обществе погибших женщин. Но раз Нара сама захотела этого, то нужно же было ему как-нибудь убивать время. И почему бы ему не покровительствовать «талантам», как это делал Нарайяна? Благодаря Богу, ему нет надобности скаречничать.

Правда, он не имел еще случая оценить таланты людей, с которыми познакомился накануне. Мужчины выказали только грандиозный цинизм и подозрительную нравственность, что же касается женщин, то ему не приходилось еще встречать подобных. Бедный чахоточный доктор не мог поднимать взоры на закулисных звезд и кокеток высшего полета, не имея средств покупать благосклонность жриц наслаждения, которые, как гиены, оспаривают друг у друга богатого и щедрого любовника.

И, действительно, у них все – «искусство», начиная с покрывающих щеки румян и кончая монологами любви, которые они повторяют как новичку, так и опытному кутиле,

берущему их для придания себе рельефа человека моды, достаточно богатого, чтобы содержать их.

– О! Эти дамы полусвета очаровательны, – с глубоким вздохом сказал ему вчера виконт. – Но они страшно жадны. На то, что они выманивают, свободно можно содержать три законные семьи: чтобы удовлетворить их вкусы, люди рискуют разориться.

При воспоминании об этой фразе улыбка скользнула по губам Супрамати. Он не рискует разориться ни материально, ни физически; но тем не менее будет с умеренностью развлекаться.

К завтраку приехал виконт с необыкновенно разнообразной программой дня, но Супрамати объявил, что он хочет побывать в соборе Богоматери и осмотреть Луврский музей; впрочем, он согласился вечером поехать в Альказар.

– А затем ужинать с Пьереттой? – спросил виконт с многозначительным взглядом.

– О, нет! Ежедневно наслаждаться обществом мадемуазель Пьеретты было бы слишком скучно.

– Понимаю! Вы еще чувствуете себя утомленным после вчерашнего вечера. Или, может быть, вы сожалеете, что не выбрали Мушерон? Бедняжка так старалась вам понравиться, – со смехом заметил де Лормейль. – Последнее поправимо. Скоро, дорогой друг мой, вы войдете во вкус веселой жизни, полной все новых и новых впечатлений.

По моему мнению, принц, во время ваших долгих путешествий вы вели слишком аскетическую жизнь, посвящая чересчур много времени науке и очень мало действительной жизни. Это необходимо исправить, а лучшая школа для этого – это общество артистов и жриц свободной любви.

Эти женщины умеют жить. Их утонченный вкус кладет особенный отпечаток изящества на все, что их окружает. Я знаю, что на этих опасных чаровниц смотрят с презрением замужние женщины, то есть женщины честные или, говоря иначе, женщины с ограниченным кругозором, для которых весь мир заключается в хозяйстве и детях. В подобной среде человек как бы застывает; в течение же долгого времени тоска и скука подобного мещанского существования в супружеском гнезде может всякого сделать идиотом.

– Уж не женаты ли вы, что такого дурного мнения о супружеской жизни? – с улыбкой спросил Супрамати. Лицо виконта омрачилось.

– Увы! Принц, вы угадали. Я женат на очень наивной институтке, мечтавшей о вечной идиллии и предъявлявшей нелепые требования. Если она находила адресованную мне любовную записку от женщины, с которой я поддерживал, между прочим самый невинный флирт, то падала в обморок, всюду трезвонила о моих злодеяниях и требовала, чтобы я довольствовался ее обществом... Смешно!... И при этом у самой ни тени вкуса или шика. Тщетно пытался я переделать ее нелепое воспитание и развить в ней чувства истинного изящества. Я показывал ей в театре туалеты и прически – настоящие образцы шика и утонченного вкуса – советуя подражать им. Но Великий Боже! Когда я сравнивал потом копию с оригиналом, то просто давился со смеху. Ей просто не хватало чего-то неуловимого, свойственного одним артистам. И вот она возненавидела сцену и стала презирать актрис, на которых я указывал ей как на образец и соперничать с которыми у нее не хватало способностей.

– Тем не менее, вы, конечно, представите меня виконтессе? По всей вероятности, вчера ее не было дома? – спросил Супрамати.

Его коробило то, что он слышал. Воспитанному строго нравственной матерью, ему казалось диким давать в образец порядочной женщине нравы и вкусы кокоток, которых посещал супруг.

– Виконтессы нет в Париже. Несколько месяцев спустя после рождения дочери она бежала в Нормандию к родным, которые воспитали ее. Дядя ее, умерший в прошлом году, был старый идиот со взглядами времен Ноя; его жена, женщина с такими же отсталыми воззрениями, живет, как сова, в своем старом замке, переполненном святошами. Моей жене нравится такое общество, а я не требую ее возвращения, так как с ней невозможно жить. Она

шпионит за мной, делает мне сцены и заставляет меня прятаться как вора. Теперь, благодаря Богу, я вот уже третий год веду холостую жизнь – жизнь беззаботную и веселую, позволяющую мне удовлетворять мою страсть к музыке и драматическому искусству. Но оставим эту скучную материю,- прибавил виконт, беря Супрамат под руку. – Если хотите, я предлагаю вам свою помощь для покупки каких-нибудь безделушек Пьеретте. После вчерашнего вечера это почти необходимо.

– Я не думаю уклоняться от этой *необходимости* и буду вам глубоко признателен, если вы укажете мне хорошего ювелира,- ответил, слегка покраснев, Супрамат.

– В таком случае, я беру на себя ваше дело и отвезу вас к ювелиру, где можно по умеренным ценам приобрести прекрасные вещи.

Виконт выказал необыкновенное усердие, и прежде всего повез принца к ювелиру. Он давал такие хорошие советы, что купленная безделушка оказалась бриллиантовой парюрой в сто тысяч франков. Кроме того, на память об очаровательном вечере, проведенном вместе, Супрамат купил двум другим дамам по браслету, в пять тысяч франков каждый. Затем, очень довольные покупкой, они поехали осматривать собор Богоматери.

Супрамат не знал, что на сделанных им покупках виконт приобрел десять процентов комиссионных и что в будущем мечтал о непрерывном ряде не менее блестящих доходов.

Забулдыга, игрок и ненасытный кутила, виконт уже давно расточил свое состояние и все то, чем мог овладеть из приданого жены. Разоренный, преследуемый кредиторами, но привыкший жить на широкую ногу и ни в чем себе не отказывать, он вел случайную жизнь, и покойный Нарайяна был для него курицей, несущей золотые яйца.

Виконт сумел понравиться миллионеру, щедро платившему ему за мелкие услуги и ссужавшему его деньгами, которые никогда не требовал обратно. Кроме того, он сумел устроить себе значительный доход из комиссионных денег, получаемых с поставщиков цветов, драгоценностей, конфет и других вещей, которые набоб имел обыкновение подносить дамам, отличенным его прихотью.

Супрамат вернулся домой довольно рано. Под предлогом, что ему необходимо написать несколько деловых писем, он отказался от ужина с Пьереттой, которая была в восхищении от полученного великолепного подарка. И действительно, на следующее утро Супрамат ожидал своего нотариуса и хотел раньше ознакомиться с различными документами, найденными им в письменном столе Нарайяны.

Перечтя и приведя в порядок нужные бумаги, Супрамат прошел в свой кабинет и лег на низкий мягкий диван, уже сделавшийся его излюбленным местом отдыха. Он намеревался прочесть новый роман, рекомендованный ему виконтом как один из самых интересных, но с первых же страниц пошлая безнравственность сюжета внушила ему отвращение, и Супрамат, бросив книгу, задумался.

Он чувствовал какое-то болезненное ощущение. Это не было утомление или физическое недомогание, но глубокое недовольство самим собой. Все его трудовое, чистое и религиозное прошлое восставало против распушенности и лени, которые готовы были овладеть им. С какою-то странною ясностью восстал в его памяти образ покойной матери, этой благочестивой и нежной женщины, рабы своего долга, которая примером и словами внушала ему принципы прямоты, честности в поступках и строгости к самому себе, которыми она сама руководилась и которые в течение тридцати лет руководили его жизнью.

Необычайный случай вырвал его из простой и правильной жизни, бросив в вихрь бесконечного существования и безграничного богатства. Но не было ли его долгом пользоваться этим колоссальным богатством для помощи ближним, а не для того, чтобы бросать деньги погибшим созданиям и золотить их пороки под предлогом покровительства талантам!? Да еще в такое время, когда столько уважаемой бедности таится в сараях и на чердаках! Десятая часть того, что он подарил сегодня Пьеретте, могла бы спасти от нужды и разорения целое семейство.

С презрением к самому себе Супрамат сравнивал себя с голодным нищим, нашедшим полный кошелек золота, который жадно набрасывается на все съедобное, пожирая даже те

блюда, которые ему не нравятся.

Ему вспомнился один бедняк, которого он знал, будучи еще студентом, и который неожиданно получил довольно значительное наследство. Тот потерял голову от гордости и стал разыгрывать большого барина, принуждая себя есть то, что ему противно, и такие блюда, от которых его тошнило. И все это делалось только для того, чтобы показать, будто он привык есть самые дорогие и тонкие кушанья. Морган тогда жестоко насмеялся над таким смешным тщеславием, а теперь не поступает ли он сам так же, предавшись оргии, не доставившей ему особенного удовольствия, но от которой он боится отказаться впредь, чтобы не прослыть скупцом и провинциалом.

Затем мысль его перешла к Нарайяне. Тот оставался тем, чем был всегда, забулдыгой и кутилой Александрии, которого собственная расточительность довела до нищеты.

Тогда необходимость заставила его остановиться; но, сделавшись бессмертным и миллионером, он снова начал кутить и покровительствовать куртизанкам, и только иногда, мучимый пресыщением, запирался в одном из своих дворцов, чтобы заняться изучением оккультных наук. Но что же он изучил? Как он пользовался своим знанием? Употреблял ли он его на благо человечества? Очевидно – нет, так как много говорили о его роскоши, о его щедрости по отношению к любовницам, но ни слова о его благодеяниях. И к довершению всего, какой темной и кровавой драмой закончилась его жизнь!

Размышления его были прерваны сдавленным криком, донесшимся из спальни, который заставил его вздрогнуть. Он выпрямился и ясно услышал шум опрокидываемых стульев, а затем – падение на пол тяжелого тела.

Вскочив с дивана, Супрамати бросился в спальню, но ничего там не увидел. Все было тихо и спокойно, и мягкий свет лампы позволял видеть царивший всюду порядок. А между тем он не сомневался: подозрительный шум донесся именно отсюда. Осмотрев тщательно все и не найдя ничего, что могло бы объяснить слышанное, Супрамати успокоил себя, что это было не что иное, как галлюцинация слуха, и лег спать.

Не проспал он и четверти часа, когда какое-то невыразимо неприятное ощущение заставило его сразу проснуться. Ледяной ветер дул в лицо, и ему показалось, что кто-то вошел в комнату. Страхнув с себя сонливость, Супрамати приподнялся на кровати, и сердце его усиленно забилося.

Прислонившись к шифоньерке, стояла женщина в одной белой юбке. Одна рука ее была прижата к боку, а сквозь пальцы, казалось, струилась тоненькими струйками кровь.

– Кто вы? Что вам здесь нужно? – повелительным тоном спросил Супрамати.

При звуке его голоса женщина обернулась. Лицо ей было бледно, посиневшие губы крепко сжаты, а большие глаза смотрели на него с ужасом. Минуту спустя женщина эта исчезла за шифоньеркой.

Но Супрамати видел достаточно. Несмотря на страшный вид мертвенного лица и растерянный взгляд, он узнал в ночной посетительнице красавицу Лилиану – жертву Нарайяны.

Дрожащей рукой повернул он кнопку, и потоки электрического света залили пустую комнату. Однако перенесенное им волнение было так велико, что он уже не мог больше заснуть до рассвета. Впечатление от этого ночного видения продержалось все следующие дни, тем более что еще два раза в полночь повторялось как будто невидимое преступление. Раздавался сдавленный крик и хрип агонии, слышались падение тела и стук опрокидываемой мебели, а затем наступала мертвая тишина.

Спальня начала внушать Супрамати ужас; но, стыдясь своей собственной трусости и боясь выставить себя смешным перед прислугой, без всякого основания бросив роскошную спальню, он не решался переменить комнату. Для того же, чтобы избежать рокового часа, Супрамати стал много выезжать и возвращался очень поздно, позволяя виконту таскать себя из одного увеселительного места в другое.

Глава шестая

Однажды утром, неделю спустя после ночного видения, Супрамати спустился в сад на утреннюю прогулку. Был чудный осенний день. С наслаждением вдыхая чистый и живительный воздух, он в первый еще раз сделал подробный осмотр своего владения.

Он увидел, что по обе стороны дома и перед фасадом сад занимал очень обширное пространство, но что за дворцом он тянулся лишь узкой полосой. С этой стороны решетку заменяла очень высокая стена. Здесь, в этом своего рода коридоре, рос густой кустарник. Тем не менее, удивленный таким устройством, Супрамати проник туда, желая узнать, имеют ли между собой сообщение обе половины сада. Оказалось, что нет, так как стена, сделав поворот, примыкала прямо к дому.

Взглянув случайно наверх, Супрамати увидел два окна, почти совершенно скрытых густою зеленью и со спущенными жалюзи. Он не помнил, чтобы видел полутемную комнату с окнами, выходившими в стену. Сначала он никак не мог ориентироваться, где бы могла находиться эта незнакомая ему комната, и только после долгих размышлений пришел к заключению, что она должна быть рядом с его спальней, хотя в разъединяющей их стене и не было двери.

Зарождалось подозрение, что это был заветный уголок Нарайяны, который, чтобы не иметь вечно перед глазами голую стену, посадил спереди каштаны.

Сильно заинтригованный, Супрамати вернулся домой и произвел тщательный осмотр спальни. Воспоминание о ночном видении внушило ему мысль, что, может быть, именно в этой комнате Нарайяна спрятал труп своей жертвы и что вход в нее находится за шифоньеркой. Однако несмотря на все свои поиски, он не нашел ничего.

Вечером он никак не мог заснуть, а читать тоже не хватало терпения. Окна таинственной комнаты не выходили у него из головы; поэтому он бросил журнал и откинулся на подушки.

Свет лампы отражался на слегка потемневшем золоте обоев. Вдруг рассеянный взгляд Супрамати остановился на более блестящей точке в центре большого цветка. Машинально поднял он

руку к блестящей точке и вздрогнул, убедившись, что это была маленькая металлическая кнопка.

Он вскочил и начал нажимать и передвигать кнопку, предполагая в ней пружину. Супрамати не ошибся. Кнопка поддалась под его давлением, и кусок стены, скрытый в коврах так, что его невозможно было заметить, бесшумно скользнул на невидимых шарнирах. Образовалось отверстие, за которым было так темно, что ничего нельзя было разглядеть.

«Это та таинственная комната, окна которой я видел», – подумал Супрамати, поспешно надевая туфли и набрасывая халат.

Супрамати горел желанием увидеть тайник Нарайяны и то, что он там прятал. От Нары он знал, что отель этот принадлежал покойному со времен великого короля Людовика XIV, во время малолетства которого он купил его и отделал по своему вкусу и потребностям.

Супрамати зажег огонь и вошел в тайную комнату, вход в которую закрывался толстой портьерой.

Он очутился в комнате средних размеров, меблированной в стиле самого утонченного рококо. Голубая шелковая материя, усыпанная гирляндами цветов и маленькими амурами, покрывала стены. Пол был закрыт обюссоновским ковром, по белому фону которого были рассыпаны розы.

Против входа, между окон, стоял маленький письменный стол чудной работы, отделанный золотом и перламутром. На стене над ним висел портрет Нарайяны в роскошном костюме времен Людовика XV. На нем был надет изумрудно-зеленый камзол и кружевное жабо; волосы его были напудрены. Рукой он опирался на золотую рукоятку тонкой шпаги. Из-под кружев широкой манжетки, подобно капле крови, сверкал таинственный перстень братства Грааль.

В этом роскошном костюме Нарайяна был обольстительно хорош; что-то демоническое сверкало в его черных глазах.

Супрамати любовался с минуту классическими чертами лица своего предшественника, затем, глубоко вздохнув, он отвернулся и стал осматривать комнату. В ней царил большой беспорядок: лежал опрокинутый стул, на ковре валялась раскрытая шкатулочка, а на бюро, очевидно впотьмах, были разбросаны разные бумаги.

Супрамати зажег свечи в канделябрах и прошел в соседнюю комнату, гораздо меньших размеров, чем первая. Это был женский будуар с туалетом, убранном великолепными кружевами и с зеркалом в золотой эмалированной раме. Стены, как и мебель, были обтянуты белым атласом, расшитым золотом. Драпировки у кровати, стоявшей на возвышении, покрытом меховым ковром, были сделаны из такой же материи.

Постель была в беспорядке, подушки разбросаны, а одеяло валялось на полу и было запачкано кровью. На белом ковре, около большого пятна от бывшей тут, очевидно, лужи крови стояла серебряная чашка, наполненная черноватой жидкостью, которая издавала неприятный, тошнотворный запах.

В ногах постели была полуоткрыта дверь, которая вела в небольшую прихожую, а оттуда на лестницу, покрытую ковром. И та и другая освещались лампами, теперь уже угасшими. Внизу лестницы была дверь, в которой торчал ключ. Супрамати открыл ее и выглянул наружу. Перед ним тянулся узенький переулочек, ограниченный с двух сторон стенами, но он не стал исследовать его, а поднялся обратно по лестнице.

Осмотрев снова будуар, он нашел в головах кровати другую дверь, скрытую портьерой. Эта дверь была заперта и ключа в ней не было.

Пытаясь тщетно открыть или сломать ее, Супрамати стал искать что-нибудь, что можно было бы ввести в замочную скважину для взлома замка. Не найдя ничего подходящего в будуаре, он вернулся в гостиную и увидел там на столе длинный и прочный нож, присутствие которого в этой комнате он никак не мог объяснить себе.

Впрочем, он долго и не раздумывал об этом, так как торопился проникнуть за эту дверь. Предчувствие говорило ему, что там он найдет новые доказательства преступления.

После нескольких усилий замок сломался и дверь открылась. Поток холодного воздуха, насыщенного удушливым запахом, так сильно ударил его в лицо, что у него закружилась голова, и он поспешно отступил назад.

Впрочем, это ощущение быстро рассеялось. Тогда Супрамати поднял свечу, переступил порог и застыл на месте, растерянно глядя на длинный ящик, похожий на гроб и совершенно закрытый черным сукном, на котором лежала громадная гирлянда цветов, таких свежих, словно они только что были сорваны.

По концам ящика стояли четыре серебряных шандала старинной формы, на которых еще горели лампы слабым синеватым пламенем.

При мерцающем свете свечки эта погребальная комната имела зловещий вид, и дрожь суеверного страха пробежала по телу Супрамати, когда он осматривался кругом.

В глубине комнаты виднелась ванна, а около нее стояла мраморная скамейка, на которой валялось окровавленное белье и стоял небольшой сосуд с губками.

Супрамати боролся с минуту с овладевшим им суеверным ужасом, а затем решительно подошел к ящику. Надо же было ему, наконец, узнать, что такое находится в нем, и ничто не помешает ему завтра же донести властям о своей находке.

Он осмотрел черный погребальный покров, по которому серебром были вышиты каббалистические знаки. Затем нетвердой рукой хотел приподнять его. Сукно тотчас же соскользнуло, как с полированной поверхности, и упало на пол. С глухим криком отшатнулся он, и свеча чуть не выпала из его рук. Перед ним стоял хрустальный ящик, и в глубине на белом шелковом матрасе лежала женщина в широком белом пеньюаре; голова ее покоилась на подушке, отделанной кружевами.

Это был оригинал миниатюры – красавица Лилиана. Но теперь вид ее не был так ужасен и искажен, как в ночном видении. Несмотря на свою алебастровую белизну, тело не производило впечатления трупа, а казалось свежим и гибким, как у спящего человека. Небольшой, чуть приоткрытый рот носил отпечаток страдания; длинные черные ресницы

бросали тень на прозрачные щеки, а одна рука мирно покоилась на груди. Раны не было видно совсем; она была скрыта под складками батиста. Кроме того, от талии до ног труп как покрывалом был усыпан розами, фиалками, лилиями и другими ароматными цветами, красивыми и свежими, словно они росли в саду.

Как очарованный, любовался Супраматти прекрасным созданием и наклоняясь, чтобы ближе рассмотреть Лилиану, увидел, что она была погружена в какую-то бесцветную жидкость, наполнявшую хрустальный ящик до самого верха.

Что это была за жидкость, сохранявшая не только человеческое тело, но и цветы с их окраской и жизненностью? Это была тайна – такая же тайна, как и то, зачем Нарайяна берег здесь тело убитой им женщины, которой, казалось, не мог пережить.

Задумчивый и взволнованный, Супраматти отвернулся и подошел к скамейке с целью осмотреть, что на ней лежит. Вдруг он наступил на какой-то предмет и, нагнувшись, поднял его. Он узнал такой же флакон, какой был у него, и который содержал в себе эликсир жизни. Эта находка дала понять Супраматти, что такое произошло здесь.

Поразив молодую женщину, Нарайяна хотел спасти ее при помощи жизненной эссенции. Но почему это не удалось ему? Была ли слишком поздно оказана помощь или он не знал всех свойств таинственной жидкости и способа ее употребления в подобном случае?

Беспорядок, царивший в комнате, доказывал, что Нарайяна действовал второпях, не дав себе труда позже привести все в порядок и уничтожить ясные следы преступления. Проходя через будуар, Супраматти заметил на стуле около кровати белый жилет, залитый кровью. Очевидно, он сначала принес свою жертву сюда.

Взволнованный, Супраматти сел к письменному столу и стал смотреть на портрет своего предшественника, спрашивая себя, каким образом человек, посвященный в такие необычные тайны, мог увлечься до совершения гнусного убийства?

Затем он стал рассматривать бумаги, разбросанные по столу. Здесь лежала толстая тетрадь в переплете, такая же, какую он нашел в Венеции и в которой трактовалось об оккультном знании, и валялась груда пошлых писем, счета поставщиков, чистая бумага и конверты, а также наполовину исписанный лист, низ которого, по-видимому, был залит опрокинутой чернильницей, как об этом свидетельствовало черное пятно на светло-синем сукне.

Взглянув рассеянно на первые строчки, Супраматти заинтересовался этим листом. Это был черновик письма Нарайяны.

«Учитель! Я убил ее, а это доказывает, что несмотря на неисчерпаемую жизненную силу, текущую в моих жилах, я такой же презренный раб плоти, как и остальные люди. Я был взбешен! Как смела она предпочесть мне другого! Я – не первый встречный. К тому же не сделал ли я все, чтобы она была счастлива? Со

временем она несомненно должна была состариться и умереть, а тогда всякие узы само собой разбились бы. Но я не думал об этом. Это – не Нара, которая такова же, как и я; с той мы всегда можем любить друг друга.

Но не об этом я хотел поговорить с тобой, учитель.

Я хотел спасти Лилиану и побежал за флаконом, но когда я принес его, она была уже недвижима. Я слышал, что раны закрываются, если полить их этой жидкостью, и я сделал это, но результат получился совсем другой.

Я не знаю, жива она или мертва? Но в неподвижности смерти она кажется живой, хотя никакое средство не может рассеять это состояние. Тело мягко и гибко; от него не веет ледяным холодом смерти, а между тем нет ни малейшего признака жизни!

Что мне делать, учитель, пока ты не явишься помочь и объяснить все это? Я чувствую ужасное беспокойство. Я загрязнил свои руки нечистой кровью этой женщины. До твоего прихода, учитель, я испытал еще средство, употребляемое для сохранения цветам жизненного сока и предохранения их от увядания. Я не раз уже пользовался этим средством, и, раздарив несколько таких бессмертных цветов, стяжал себе славу мага.

Итак, я погрузил в это вещество Лилиану, – живую или мертвую, не знаю, – так как где

же дыхание жизни, чтобы его можно было заметить?

О, великий и могущественный учитель! Ты скажешь мне это, иначе...»

На этом обрывалось письмо. Написал ли он другое письмо или какой-нибудь неожиданный случай помешал ему закончить это? Затем он уехал, чтобы больше уже не возвращаться – и все эти вопросы остались без ответа.

– Великий Боже! В какой лабиринт тайн попал я! – пробормотал Супрамати, пряча письмо в карман халата.

Погасив свечи в канделябрах, он вернулся к себе и тщательно закрыл панно. Тем не менее, он не мог решиться спать в таком близком соседстве с мертвой и, перейдя в кабинет, лег на диван.

Мысли вихрем кружились в его голове. Прежде всего он вспомнил о своем намерении известить власти о совершенном преступлении. Но имел ли он право сделать это?

Здесь играла роль таинственная эссенция. Поэтому не поступит ли он против статута братства, членом которого состоит, если хоть малейшую частицу опасной тайны передаст в руки профанов? После зрелого размышления он решил молчать о своей находке, пока этот вопрос не будет выяснен ему одним из компетентных членов братства.

Затем он задумался над следующим странным обстоятельством: как мог Нарайяна до такой степени не знать свойства и способы употребления ужасного вещества, которым владел? Почему он не научился употреблять его? Кто этот таинственный учитель, к которому он обращался? Дахир или Агасфер?

В эту минуту им овладело страстное желание видеть близ себя кого-нибудь из *посвященных*, и его мысль напряженно понеслась к храму Грааль, к тому старцу, которого он видел совершающим *таинство*.

И вдруг его обдала волна теплого, ароматного воздуха и чей-то голос, доносившийся неизвестно откуда, произнес отчетливо, хотя и несколько глухо:

– Нарайяна был повеса и лентяй, пользовавшийся своею жизненностью лишь для наслаждения и удовлетворения своих страстей. Он едва касался тайн, не проникая в них. У него не было ни терпения, ни доброй воли углубиться в области высшего знания. Он прошел только первые ступени посвящения и остался рабом низменных инстинктов. Он окружил себя духами мрака, которые управляли им, но он не сумел подчинить их себе. Конец его был достоин его жизни. Нельзя безнаказанно владеть величайшей тайной космических законов, а именно – тайной сохранения жизни, чтобы, подобно школьнику, употреблять ее для удовлетворения своих прихотей. Тот, кто обладает этой первоначальной материей, должен без усталости изучать ее, чтобы знать все ее свойства и все способы ее действия...

При последних словах голос начал мало-помалу слабеть, а затем совершенно затих в отдалении. Супрамати точно оцепенел. Немедленно исполнившееся сношение с невидимым существом и ответ на его умственный вопрос вызвали в нем дрожь суеверного ужаса.

Мало-помалу он успокоился и убедил себя, что должен привыкать к фактам подобного рода, раз уж он вынужден в силу обстоятельств проникнуть в оккультный мир, скрывавшийся от обыкновенных смертных в прозрачном эфире.

И он желал как можно скорее проникнуть туда и стремился всеми силами изучать его, чтобы не остаться таким невеждою, как Нарайяна.

Сон окончательно прошел, и он, сев за письменный стол, открыл тетрадь, найденную им в тайной комнате Нарайяны.

На первой странице было написано:

«Предисловие. Извлечение из великой книги, переведенное для вновь посвященных.

Великие тайны арканов оккультной науки не могут быть открыты во всей своей полноте на языке профанов.

Истинный ученик, изучающий сущность их, должен знать эзотерический язык – тот язык, который объясняет формулы и истинный смысл таинственных знаков. Настоящая книга написана для начинающего, неспособного еще разбирать знаки священного языка, но который нуждается в первом *посвящении*, дабы быть в состоянии ориентироваться и не заблудиться

окончательно; иначе для него никогда не спадают семь печатей.

Для того, кто получил эссенцию жизни, которая, подобно неиссякаемому источнику, беспрестанно возобновляет его жизненные силы, первая и величайшая обязанность – изучать этот таинственный и могущественный сок, оживляющий все, что дышит.

Этот сок есть изначальная материя, кровь необъятного организма, который называется – Вселенная, текущая по ее артериям подобно потоку жизни.

Сок этот находится в космических и органических смешениях. Этот царь газов, соприкасаясь с материей, подобно пламени согревает ее и заставляет жить; подобно сердцу он трепещет в центре планет. В течение миллиардов лет он создает, питает и одевает миры. Когда же, в силу работы обмена с другими космическими силами, сок жизни поглощается и отлетает его последнее веяние, все рушится, рассеивается и превращается в иные виды.

Для людей и существ, постоянно рождающихся и изменяющихся на великом обитаемом ими космическом теле, лампа жизни горит быстро, так как чистая эссенция не введена в их тела, а лишь незначительно передается зарождением. Но этот таинственный сок жизни может быть извлечен из хаоса в виде чистой эссенции и в таком состоянии применен к людям.

Эта первоначальная творящая сила, самый могущественный из газов, имеет тысячи чудесных свойств, которые человечество не знает и которыми не умеет пользоваться. Тот, кто сумеет применить все свойства первоначальной материи, достигнет великого аркана света несотворенного и сделается господином семи добродетелей призмы.

Последовательных жизней на планетах во всей их иерархии едва ли хватит для изучения законов, первоначальной материи. Велик тот, кто обладает умением извлекать ее в чистом виде из космического хаоса; в то же время он будет невеждой, если, обладая ею, не сумеет употреблять бесчисленные силы и свойства этого Протея пространства, который то появляется, то исчезает. Изменчивый, неуловимый, но ужасный по своему созидающему и разрушающему могуществу, он остается тайной странных и разнообразных законов, которой не постиг еще ни один смертный.

И мимо такого-то великого жизненного дыхания Предвечного человек проходит слепым и тщеславным невеждой!

Раньше уже было сказано, что первоначальная материя, будучи введена в организм, одаряет его неиссякаемым источником жизни, длительной, как планетная жизнь.

Зато всякий, вкусивший этот первоначальный сок, вышедший из вечного нерукотворного движения, должен смотреть на себя как на ученика великой тайны, текущей в его жилах, которую он обязан изучать по мере своих сил, а не стоять на одном месте, пользуясь своим исключительным положением лишь для удовлетворения своих животных инстинктов.

Ты сам, о человек, представляешь микроскопический мир и твой ум способен созерцать вселенную. Итак, трудись – и перестанешь быть слепым! Ты будешь видеть сквозь окружающую тебя тьму и ухом души услышишь голос сфер.

Страшный двигатель, таящийся в тебе, будет или твоим союзником, или тираном. Он даст тебе крылья знания и зажжет на твоем челе семь огней, либо низведет тебя до животного состояния, и ты будешь мучиться вечно неудовлетворенными желаниями. Неиссякаемый источник жизни либо будет гореть чистым огнем, давая тебе блаженство мага, либо он сделает из тебя демона и отдаст во власть демонов. Светлые полчища добра, как и легионы мрака, будут стремиться привлечь тебя к себе; не забывай, что ты живешь в хаотическом мире, где господствует зло!

Итак, учись понимать великие магические символы, заклинать толпу, окружающую тебя, и владеть магическим мечом, ибо горе тебе, если будешь побежден!

Итак, научись управлять звуками, применять свет и распознавать ароматы; научись управлять магнитическими токами, исходящими из существ и вещей, и побеждать мрак светом. Тогда ты будешь силен и непобедим; так как слабым бывает только невежда и лентяй.

Великая книга законов открыта каждому, кто хочет изучать ее. Кто виноват, если слепые и невежественные люди проходят мимо, глумясь над знаками, покрывающими ее светлые

страницы, потому только, что их не понимают. Они похожи на неразумных детей, не желающих учиться азбуке, которая, однако, может открыть им целый мир знаний; они не понимают, что не умеющий читать на всю жизнь обречен на невежество...»

Супрамати остановился, прочтя последнюю строчку этого краткого введения. Того, что он прочел, было достаточно, чтобы поглотить все его мысли.

Хватит ли у него силы достойно выполнить громадную программу, открывшуюся перед ним? Нарайяна, очевидно, не выдержал своей задачи, забыв, что опасно играть с силами, действие которых известно только наполовину. Он пал жертвой роковой случайности, которую вызвал сам и которую не сумел осилить. И вот неизвестный закон привел его к разрушению, несмотря на вложенные в него силы.

Не то вздох, не то стон сорвался с уст Супрамати. У него кружилась голова ввиду жизни, продолжительной, как планетная жизнь. Он боялся самого себя, боялся тайны, со всех сторон окружающей и давившей его.

С мучительной ясностью восстал в его памяти вечер, когда к нему явился таинственный незнакомец; вспомнились страх и отвращение, которые внушала тогда ему смерть, и смутная горечь, какую он чувствовал при виде здоровых и счастливых людей, наслаждающихся всеми благами жизни.

Теперь он обладал всем. Все наслаждения жизни лежали у его ног, но они удивительно потеряли для него свою цену.

Впрочем, такое угнетенное состояние продолжалось недолго: ясный и энергичный ум молодого ученого мужественно стряхнул его. Путь был намечен – следовало идти по нему, так как он хотел быть господином положения и зрячим. Только пройдя «посвящение», появится он на арене жизни; но не как Нарайяна, чтобы наслаждаться пошлыми материальными удовольствиями, а для того чтобы помогать завоеванным знанием своим несчастным братьям. Золото свое он будет раздавать не каким-нибудь Пьереттам, которые и без того всегда найдут щедрых обожателей, а обездоленным, которыми никто не интересуется и которых богатый обходит мимо, боясь запачкать свои руки.

Целой вереницей восстали в его памяти тягостные картины нищеты, на которые он наталкивался во время своей врачебной карьеры: чердаки и подвалы, где в холоде и голоде прозябали целые семейства и маленькие дети, невинные глазки которых точно спрашивали, почему жестокая судьба заставила их родиться только для страдания?

Страстное желание знать, лечить и помогать наполнило сердце Супрамати. Чистый огонь милосердия пылал в нем, и он уже больше не боялся трудиться, хотя бы целую планетную жизнь, на громадном поле битвы горя людского.

На следующий день к завтраку приехал виконт, и как всегда, привез с собой самую интересную, с его точки зрения, программу дня. На этот раз дело шло о знакомстве с очаровательной испанкой – Розитой.

– Это чисто жемчужина! Это настоящая колибри! Предупреждаю вас, принц, что вы будете без ума от нее, – прибавил Лормейль, с увлечением целуя кончики своих пальцев.

Но в душе Супрамати звучал еще восторг минувшей ночи, и он с едва скрываемым презрением смотрел на этого эгоистичного развратника, сбросившего с себя долг супруга и отца, чтобы вести позорную и праздную жизнь за кулисами и в будуарах кокоток.

Перебив поток похвал, которыми виконт осыпал прекрасную Розиту, Супрамати спросил:

– Не можете ли вы указать мне несколько истинно нуждающихся семей, которые не протягивают руку за милостыней, но

которые, будучи жертвами незаслуженного несчастья, умирают молча? Несколько визитов подобного рода, по моему мнению, будут гораздо интереснее общества дам полусвета, похожих более или менее одна на другую и которые всегда найдут сочувствующие им души, готовые угощать и развлекать их.

С минуту виконт стоял, разинув рот. Подобные идеи набоба, которого он хотел эксплуатировать, крайне не понравились ему. Но он был слишком хитер и слишком ловок,

чтобы открыто выказать свое неудовольствие. Он ограничился тем, что громко расхохотался.

– Вы можете похвалиться, принц, что положительно изумили меня. Я никак не ожидал, что вы ударитесь в филантропию. Впрочем, это такая же фантазия, как и всякая другая. Раз она явилась у вас, ее легко удовлетворить, не отказывая себе ради этого в маленьких радостях жизни. Благодаря Богу, в Париже нет недостатка в нищих! Моя дружба к вам так велика, что я готов познакомить вас с одной особой, живущей в этом мире. Это одна полоумная, бегающая с утра до вечера по подвалам и чердакам с мешком на руке, наполненным подаяниями, которые она вымогает у всякого, кто имел несчастье ее встретить. Госпожа Розали введет вас в настоящую кунсткамеру. Эти лентяи, которые вместо того чтобы работать, желают жить на счет общественной благотворительности, смотрят на нее, как на ангела. Они рассчитывают на великодушные наивных людей, которые, жалея их нищету, не видят их тунеядства.

Виконт умолк, слегка смущенный мрачным и строгим взглядом своего собеседника.

– Вы очень строги к бедным, друг мой! Но скажите откровенно: если взглядеться поближе, не окажемся ли мы тоже лентяями, желающими хорошо жить и ничего не делать? На какой полезный труд употребляем мы наше время? Мы катаемся в каретах, едим великолепные обеды, обильно политые шампанским, развлекаемся с кокотками, проводим вечер в театре и заканчиваем день каким-нибудь изысканным кутежом. Вся разница между нами и бедняками-лентяями, – если только еще они лентяи, – состоит в том, что мы имеем чем платить за все эти развлечения, а они нуждаются в необходимом.

– Вы сравниваете себя с подобною дрянью!

– Но они ведь тоже люди и имеют такие же нужды и желания, как и мы, – ответил Супраматти. – Но вернемся к делу! Вы очень обяжете меня, виконт, если познакомите с дамой, о которой говорили; или, что будет еще проще, свезете меня к ней. Я человек не занятой и не имею права отнимать время у этой почтенной женщины, каждый час которой занят добрыми делами.

Виконт сделал было гримасу, но тотчас же снова рассмеялся. Хлопнув Супраматти по плечу, он сказал шутливым тоном:

– О! эти набобы! У них всегда какие-нибудь эксцентричные фантазии. Впрочем, благотворительность такое же развлечение, как и всякое другое, и я охотно исполню ваше желание.

Час спустя ландо принца остановилось в предместье перед скромным домиком. Они вошли в маленькую комнату, бедно меблированную, где Розали кончала свой скромный завтрак. Удивленная посещением изящных молодых людей, она встала им навстречу.

Это была высокая женщина лет тридцати пяти, худая и бледная, с нежными голубыми глазами, выражавшими бесконечную доброту. Она слегка покраснела, когда виконт представил ей принца Супраматти и прибавил, что он желает принять участие в ее добрых делах. Розали и не подозревала, что перед ней стоит миллионер; понятно, всякий благодетель был для нее желанным гостем, что она и выразила в простых и сердечных словах.

– Бедных так много! Но, благодаря Богу, нет недостатка и в великодушных сердцах, готовых прийти на помощь своим братьям, – прибавила она с легким вздохом.

– Я именно, сударыня, жажду помочь моим несчастным братьям, но не пустяками, а самым радикальным образом. Поэтому я и приехал к вам с просьбой указать мне нуждающиеся семейства, достойные поддержки.

– О, принц! Да благословит Господь за ваше великодушное намерение! Что же касается семей, достойных вашей доброты, то вам остается только выбирать, – радостно сказала Розали. – Есть, например, одна вдова с шестью детьми, муж которой был убит при несчастном случае на железной дороге. Несчастная только что перенесла тиф, и теперь все семейство умирает от голода; затем одна молодая девушка, круглая сиротка, которая своей работой поддерживает и воспитывает брата и двух малолетних

сестер. Она гравировала по дереву и артистически вышивала; но вследствие утомительной ночной работы у нее сделалось воспаление глаз, и она может ослепнуть. О! Повторяю, что вам стоит только выбирать! Громаден список несчастных и обездоленных

существ, наболевшее сердце которых столько же нуждается в утешении, сколько их тело в пище и одежде. Но самое грустное – это пришедшие в отчаяние, возроптавшие на Божие правосудие и сомневающиеся в Его милосердии. И именно самые честные и лучшие люди впадают в такой нравственный мрак, когда разорение врывается в их жилища и они вынуждены бывают продавать вещи, одежду и мелкие безделушки, дорогие для них, как воспоминание о каком-нибудь далеком счастье.

В голосе Розали звучало такое глубокое и истинное сострадание, что Супраматти был растроган и сказал с доброй улыбкой:

– Вы правы, сударыня! Итак, поспешим же внести хоть немного света и надежды в этот мрак отчаяния. Если вы позволите, я буду сопровождать вас, а в моем экипаже мы можем гораздо больше объехать.

Смущенная Розали надела шляпу и перчатки, уже лежавшие на столе. Когда же она хотела взять корзину с провизией и пакет со старьем, Супраматти остановил ее.

– Оставьте это, сударыня! Я дам денег для покупки новой одежды.

Затем он повернулся к виконту, который слушал, кусая усы, но не вмешивался в разговор, и объявил ему, что приедет ужинать, как было условлено, но что остальным днем он распорядится иначе.

Сидя в великолепном экипаже, рядом с молодым и красивым мужчиной, который подавлял ее своим богатством и титулом, простая и скромная Розали сначала чувствовала себя очень неловко; но разговор Супраматти скоро рассеял эту неловкость. Когда же Розали увидела, что молодой человек верно следует за ней по нищенским квартирам, без отвращения дышит тяжелым и влажным воздухом темных коридоров и неумоимо взбирается по крутым и узким лестницам, она стала считать его добрым гением.

И действительно, всюду, где ни появлялся Супраматти, он приносил с собой надежду, радость и силы жить. Чек за чеком переходил в дрожащие руки несчастных, уже давно отвыкших от вся-

кой радости. И помощь, оказываемая Супраматти, не была случайной, временной; нет, он приносил целое состояние, обеспечивавшее семейству приличное существование, дававшее возможность подняться на ноги и начать новую жизнь.

Никогда еще Супраматти не видел столько слез радости и не слышал столько благословений. Видя, как вера и надежда загорались в сердцах обездоленных и роптавших, Супраматти казалось, что громадное богатство, которым он располагал, есть действительно неоценимый дар.

Когда он прощался с Розали, они уже подружились.

– Если вам понадобится о чем-нибудь попросить у меня для ваших бедных, то смело приезжайте ко мне – для вас я всегда дома, или, еще лучше, напишите мне, чтобы я приехал к вам, когда понадобится. Кроме того, я назначу ежемесячную сумму, которую вы будете получать от моего нотариуса и тратить по своему усмотрению, – сказал он.

– Как мне благодарить вас за вашу доброту! – сказала Розали со слезами на глазах.

– Есть за что! – со смехом ответил Супраматти. – Я даю только немного золота, которого у меня больше, чем я могу издержать. Истинное же милосердие – это с вашей стороны, так как вы отдаете свое время и труды, и несете нравственную поддержку, которая часто спасает человека от какого-нибудь отчаянного поступка.

Он вернулся домой счастливым, веселым и довольным, каким уже давно не был. Обедая он один; затем лег на свой любимый диван и задумался о том, что видел и перечувствовал за сегодняшний день. Ему казалось, что он действовал согласно с законом гармонии, дающим человеку счастье, так как он знал по опыту, что сделанное добро дает внутреннее довольство и радость, с которыми ничто не может сравниться.

Итак, существует, значит, флюидический закон, вознаграждающий за добродетель и милосердие неоцененным благом удовлетворенной совести.

– Да, – пробормотал он, – я должен изучить эти законы и понять, почему добро создает гармонию, а зло – смуту.

Дальнейшие дни текли в обычных развлечениях, которыми руководил виконт. Пьеретта ловила Супрамати всюду, где могла, и пускала в ход самое отчаянное кокетство, чтобы окончательно завладеть им. Она была бы крайне удивлена, если бы знала, что он не раз думал, смотря на нее:

– Бедная игрушка роскоши и порока! Неужели ты никогда не думаешь о том, что тебя ждет нищета или смерть в больнице, когда увянет твоя красота, которой ты теперь торгуешь?

Однажды вечером виконт со своей возлюбленной и Супрамати с Пьереттой весело заканчивали день в одном модном ресторане. Пьеретта, уже смотревшая на себя как на главную любовницу молодого богача, становилась все смелей и требовательней. В конце ужина выпитое в большом количестве шампанское бросилось ей в голову и довело ее бесстыдство до последних границ. Пропев бравурную шансонетку, которой виконт бешено аплодировал, Пьеретта, не замечая, что Супрамати не выказывал восхищения, начала у него просить награды. Затем она прибавила, что пора бы ему купить ей отель, тем более, что еще сегодня утром она видела в газете объявление о продаже по дешевой цене великолепного дома.

– Что составляют для тебя какие-нибудь пятьсот или шестьсот тысяч франков, а для меня это целое состояние. Ведь должен же ты обеспечить мое будущее! – закончила она, глядя его по щеке.

Загадочная улыбка скользнула по губам Супрамати.

– Ты права: я должен обеспечить твое будущее и уже позаботился об этом. Только вместо того, чтобы купить тебе отель, я положил в банк капитал. Проценты с этого капитала составят солидный пансион, который будет выплачиваться, когда тебе исполнится сорок пять лет. Когда ты будешь стара, чтобы работать, а твои поклонники тебя бросят, ты действительно будешь нуждаться в убежище, чтобы отдохнуть и раскаяться в грехах юности.

Пьеретта страшно побледнела и не сводила с него глаз.

– Ты, конечно, насмехаешься надо мной? – спросила она нерешительно.

– Ничуть. Напротив, я очень серьезно повторяю, что если бы ваши обожатели вместо того, чтобы наряжать вас, думали о том, чтобы обеспечить вам покойную старость, то не столько умирало бы жриц наслаждения от нищеты в углу на чердаке или в больнице. Пока ты молода и красива, Пьеретта, у тебя не будет недостатка в людях, которые будут любить и наряжать тебя, но когда ты состаришься, когда никто больше тебя не пожелает, ты оценишь пенсию, которую я тебе оставляю.

Бледность Пьеретты сразу сменилась ярким румянцем и она со сверкающим взором вскочила со своего места. Став перед Супрамати и уперев кулаки в бока, она вскричала:

– Знаете ли, господин дикарь, что вы очень дерзки! Я не прошу, чтобы вы обеспечивали мою старость: кто знает, доживу ли я до таких лет? После такой обиды я вас больше не люблю, скряга, индийский людоед!

Голос ее дрожал от гнева.

Виконт и его красавица покатывались со смеху. Супрамати же, казалось, нисколько не был оскорблен такими обидными эпитетами. С любезной улыбкой он вынул из бумажника сложенный лист бумаги и подал его молодой женщине.

– Не будь неблагодарной, мой друг! Настанет день, когда мой сегодняшний дар очень и очень пригодится. Возьми и спрячь этот документ или, по крайней мере, запомни место, откуда со временем тебе можно будет черпать средства для честной и спокойной жизни.

Пьеретта не владела собой от бешенства и стояла, как окаменелая.

После минуты ожидания Супрамати снова открыл бумажник и собирался уже вложить туда дарственную запись, как вдруг актриса, подобно пантере, бросилась на него, вырвала документ и спрятала его за корсаж.

– Скряга! Трижды скряга! – с презрением сказала она. – Твой покойный брат Нарайяна – рыцарь, никогда не задался бы такими мелочными идеями. Он осыпал золотом и бриллиантами женщин, которых любил, молодостью и красотой которых упивался, причем не кричал им, как трапист: «помни о смерти», и не вызывал перед ними отвратительного

призрака старости.

– Но ведь я не мешаю тебе, дорогая Пьеретта, обменять меня на более рыцарского и щедрого обожателя, – спокойно заметил Супрамати.

Стройная и грациозная, как котенок, Пьеретта бросилась к нему и обняла его за шею, целуя в обе щеки.

– Чудовище! Если бы я не любила тебя, конечно, я указала бы тебе на дверь. Когда заговорит мое сердце, то деньги для меня безделица. Что же касается обиды, то разве истинная любовь не терпит и не прощает всего?!...

Мир был заключен при гомерическом смехе всех присутствующих, не исключая и самой Пьеретты.

Глава седьмая

Супрамати вернулся домой поздно, как это вошло у него в обыкновение с тех пор, как близость мертвой женщины заставила его отказаться от своей спальни. Он не был утомлен, но душа его тосковала. Несмотря на свое решение испытать все удовольствия жизни и выпить до дна кубок наслаждения прежде, чем взяться за кубок знания, как говорил ему старик первосвященник дворца Грааля, он никак не мог войти во вкус грубых удовольствий окружавшего его подозрительного общества. Все эти шалопаи без принципов, аристократы, размотавшие свое благородство, аферисты, ожидающие подачки и, наконец, развратные и жадные женщины внушали ему временами настоящее отвращение и у него все чаще и чаще стало являться желание бежать от всей этой компании пьяниц, игроков и кутил.

С удивлением спрашивал себя Супрамати, каким образом Нарайяна мог целые месяцы проводить в подобной среде и до такой степени пропитаться ею, что сделался способным на убийство? Убийство Лилианы оставалось для него непроницаемой тайной. Неужели Нарайяна мог ревновать женщину, которая торговала собой, что ему было известно, и на добродетель или верность которой было бы безумием полагаться? Человек, имеющий за собой опытность многих веков, не мог увлекаться, как школьник. Очевидно, здесь была какая-то загадка; но только удастся ли ему когда-нибудь разгадать ее?

В эту ночь Супрамати особенно живо чувствовал все неприятные впечатления. Воспоминание о Пьеретте и о пустых, пошлых разговорах, пропитанных циничными выражениями и сальными анекдотами, было невыразимо противно ему, и внезапно вспыхнуло страстное стремление к гармонии, царившей во дворце Грааля. Он чувствовал, что душа его настоятельно нуждается в спокойствии, тишине и уединении, чтобы сосредоточиться, подумать на свободе о великих проблемах, разрешить которые он призван, и, наконец, изучить две тетради, оставленные ему Нарайяной.

Ральф Морган по природе своей был труженик. Несмотря на свое болезненное состояние и многочисленные занятия по службе, он всегда был занят умственной работой: писал ученые диссертации и читал все, что выходило нового по его специальности.

Сделавшись принцем Супрамати и чувствуя себя сильным и здоровым как никогда, он сделался праздным ленивцем, и такое состояние становилось для него невыносимым. Нет, он должен бежать из этого шумного Парижа, бежать от этой шайки пошлых негодяев и перенестись в иную среду...

Да, он уедет, и уедет завтра же! Мысль о разочаровании виконта и всех прелестных людей, пировавших за его счет, доставляла ему злорадное наслаждение. Прикинув, во что обошлись бы ему подарки и прощальный пир, он вложил такую же сумму в конверт, который адресовал на имя госпожи Розали.

Покончив с этим, он позвонил и, приказав принести свой маленький чемодан, велел при себе уложить туда самые необходимые вещи. Он не только хотел уехать из Парижа поездом, отходящим в шесть часов утра, но желал уехать один, без любопытной и недоброжелательной прислуги. Ему хотелось превратиться в такого же независимого, свободного и незаметного пассажира, как прежде.

Объявив управляющему, что уезжает на две недели и не берет с собой никого, он приказал отвезти себя на вокзал.

С невыразимым чувством благосостояния сел он в занятое им купе первого класса. Слава Богу! Сегодня виконт не будет приставать к нему со своей нелепой программой и не потащит его во все тяжкие; он не увидит больше бледные и истощенные лица всех этих рабов порока, присосавшихся к нему, как пиявки.

Оставалось выяснить вопрос: куда ехать? Выбор был огромный, так как в оставленном Нарайяной списке было перечислено более пятидесяти имений, замков, вилл, которыми он владел во всех странах света.

Супраматти развернул этот список и стал изучать его, восхищаясь методическим порядком перечня. Подле названия каждой собственности были помечены: время ее приобретения, какой капитал она из себя представляет, цифра приносимого дохода и время последнего посещения Нарайяной виллы, замка или имения. В специальной заметке говорилось, где спрятан инвентарь и результаты последней ревизии, а также указывался тайник, где были спрятаны капиталы в золоте и драгоценных камнях: «на случай, если нельзя будет достать денег из банка».

«Право, Нарайяна был отличный администратор. Он много тратил, но не любил, чтобы его обкрадывали, – с улыбкой подумал Супраматти. – Надо будет следовать его примеру. Его предусмотрительность достойна подражания и показывает, сколько финансовых затруднений он пережил. Мне необходимо, пока я свободен, осмотреть хоть часть моих имений. Но с чего начать при таком громадном выборе?»

Супраматти еще раз прочел список европейских имений. Там упомянут был один старый замок, расположенный на берегу Рейна. На нем-то он и остановил свой выбор.

«Это, должно быть, очень интересно, – подумал он. – Я очень люблю эти старые феодальные гнезда, лепящиеся на скалах подобно соколам. От них веет стариной, а легенды окружают их поэтическим ореолом. Замок принадлежит Нарайяне уже три века, и это достаточная гарантия, что в нем не сделано больших переделок в современном духе. Решено: еду туда!»

По приезде в Кельн он на пароходе отправился дальше к цели своей поездки. Сходить надо было в мало посещаемой местности, где пароход останавливался только по особой просьбе пассажиров.

Высадившись на берег, Супраматти оказался вблизи небольшой деревушки, красивые домики которой виднелись сквозь пожелтевшую листву полуобнаженных деревьев. Дальше, на крутой скале, казавшейся совершенно недоступной, высился небольшой замок с толстыми башенками и окруженный зубчатой стеной с подъемным мостом.

В деревне Супраматти спросил, не может ли кто-нибудь проводить его в замок и отнести чемодан. Один старый крестьянин, чинивший бочку, согласился исполнить просьбу чужеземца.

Был чудный ноябрьский день: свежий воздух был чист и ароматен и Супраматти в самом лучшем расположении духа поднимался по узкой и крутой дороге к замку. Крестьянину скоро наскучило молчание иностранца и он завел с ним разговор с целью узнать, не приходится ли путешественник родственником управляющему. Супраматти, со своей стороны, воспользовался этим разговором, чтобы собрать сведения об обитателях замка.

– Там есть управляющий, повар, два лакея, экономка и моя племянница Анхен, судомойка. Через нее-то я и знаю отлично

все, что происходит в этом старом гнезде привидений, – рассказывал крестьянин.

– А! Там есть привидения? Это очень любопытно! – сказал Супраматти.

– Понятно! В каждой старой лачуге есть привидения, а здесь и хозяин, и управляющий стакнулись с дьяволом.

– Черт возьми! Откуда же вы это знаете?

– О! Это ясно для всякого. Во-первых, хозяин носит такое дьявольское имя, что его невозможно выговорить. Лет десять тому назад он уехал и никто не знает, где он теперь. Тогда

же он прожил здесь три года; а между тем, его никто не видал. Одни говорят, что он молод и красив, другие – что стар. Уезжая, он увез с собой лакеев и теперь, за исключением управляющего, весь штат прислуги новый. Управляющий тоже личность очень странная. Он – угрюм и молчалив так, что почти никогда не говорит, и все время, если не занят осмотром замка, сидит запершись в своей комнате. Стар он должен быть очень и лет ему, по меньшей мере, девяносто, так как приехал он сюда еще при жизни моего дедушки; а вид имеет еще такой бодрый, что ему нельзя дать более пятидесяти лет. Он и в настоящее время выглядит все равно как в день своего приезда, а вы сами понимаете, что не стареть можно только при помощи сатаны.

– Признаюсь, эта причина не убедительна для меня, и я вовсе не считаю бодрую старость даром сатаны.

– Э! Сейчас видно, сударь, что вы не здешний и потому такой неверующий; а мы отлично понимаем, в чем дело. Не так давно черт выкинул такую штуку, что про то все знают. Я-то узнал от Анхен, которая очень правдива и никогда не врет.

– Ну, что же такое случилось?

– Видите ли, в замке есть старая капелла, откуда через запертую постоянно дверь можно попасть в башенку, где, по-видимому, висит колокол. И вдруг месяца три тому назад, среди глубокой ночи, колокол этот стал звонить. Все переполошились и бросились к капелле. Она как всегда была заперта на ключ, а колокол между тем все громко трезвонил. Анхен клялась мне, что никогда в жизни не слыхивала такого раздирающего душу звона; можно было подумать, что хором стонут раненые и умирающие. Тоже прибежал и управляющий. Он был страшно бледен и принес с собой связку ключей. Дрожащими руками открыл он капеллу и, представьте себе, – все свечи на алтаре оказались зажженными! Старик бросился на колени и стал молиться, но все остальные разбежались и хотели отказаться от места. Однако потом одумались и сдались на убеждения управляющего, назвавшего их дураками, и остались, потому жалованье уж очень прекрасное, а дела почти никакого.

Супрамати с живейшим любопытством слушал этот рассказ. Ночное событие, о котором говорил проводник, должно было возвестить смерть Нарайяны – факт сам по себе странный; но Супрамати ничему уж больше не удивлялся с тех пор как попал в этот причудливый мир.

Они дошли наконец до площадки, на которой стоял замок. С этой стороны его окружал широкий ров и подъемный мост был опущен, но ворота заперты.

– Надо позвонить в колокол, и тогда отворят, – сказал крестьянин.

Когда же Супрамати щедро заплатил ему и хотел отпустить, крестьянин объявил, что раз уж он взобрался сюда, так хочет повидаться с племянницей.

Они позвонили. Несколько минут спустя отворилось окошечко и суровый голос старого слуги сказал не особенно приветливо:

– Кто вы? Что нужно? Туристам не показывают замка.

– Позовите управляющего и скажите ему, что я являюсь от имени его господина, – как-то особенно повелительно ответил Супрамати.

Несколько минут спустя большие ворота с шумом открылись и к прибывшим быстро вышел человек в черном.

– Вы от имени господина, сударь? Добро пожаловать! – с почтительным поклоном сказал он.

– Проводите меня в кабинет принца! Мне нужно поговорить с вами, – ответил Супрамати, пытливо оглядывая управляющего.

Это был высокий и сильный мужчина лет пятидесяти. В волосах и бороде его пробивалась седина; но свежий цвет лица, блеск небольших серых глаз, легкость походки и движений придавали ему более моложавый вид.

Управляющий почтительно пошел вперед, указывая дорогу посетителю. Они прошли небольшой мощеный двор, которому высокие окружающие его стены придавали мрачный вид, а затем большую прихожую, очевидно, некогда служившую оружейной залой.

Судя по архитектуре, замок должен был относиться к двенадцатому или тринадцатому

веку. Стены отличались необыкновенной толщиной, потолки были низки, а узкие окна в глубоких нишах производили впечатление бойниц.

Обстановка вполне соответствовала общему виду. Резьба из почерневшего дуба покрывала стены; мебель была тяжелая и массивная. В большой зале, стены которой были украшены древними портретами и оружием, Супрамати остановился и, положив руку на плечо управляющего, сказал:

– Я явился сюда не от имени вашего бывшего господина, а от своего собственного. Я – Нарайяна Супрамати, младший брат и единственный наследник покойного принца. Вы должны знать, что он умер, так как колокол капеллы звонил в ночь его кончины.

Старик управляющий растерянно посмотрел на него.

– Да, я знаю! Но возможно ли действительно, чтобы он умер – он, который *никогда* не должен был умереть? – пробормотал он.

Затем, быстро овладев собой, он схватил руку Супрамати и почтительно поцеловал ее.

– Добро пожаловать, господин, и да благословит Господь ваше вступление под эту кровлю! Все готово для вашего приема, как все всегда бывало готово для него, когда он приезжал неожиданно.

Супрамати изумленно смотрел на стоявшего перед ним человека, в глазах которого он подметил то, нечто неуловимое, что светилось в глазах членов их таинственного братства.

– Почему вы знали, что Нарайяна не умрет, как другие? – спросил он.

– Как мне этого не знать, я служил при нем еще во времена крестовых походов. Господь позабыл меня, как и его, среди людей, – со вздохом ответил управляющий. – Теперь же, когда он умер наконец, я надеюсь, что настанет и мой черед. Но когда?...

– Мы поговорим об этом подробнее, и вы расскажете мне свою историю, мой старый друг. Теперь же проводите меня в комнату, которую занимал мой покойный брат, и прикажите подать, если это можно, завтрак.

Апартаменты, занимаемые обыкновенно Нарайяной, состояли из трех комнат, из которых одна служила библиотекой и выходила в одну из башен. Это была большая круглая зала, освещаемая окнами с цветными стеклами. Стены были отделаны черным дубом, а двери и амбразуры окон были закрыты тяжелыми портьерами, что придавало всей комнате мрачный и строгий вид.

На полках были и современные книги, и древние фолианты в кожаных переплетах; в одном из углов стояли древние часы в почерневшем резном футляре, а посреди комнаты был большой стол, окруженный стульями с высокими резными спинками.

Вторая комната представляла что-то вроде гостиной и была обтянута гобеленами, изображавшими сцены из Библии. В одной из ниш стоял шкаф в готическом стиле с колонками, замечательная резьба которого изображала двенадцать апостолов. Стулья в виде скамеек и широкие кресла были снабжены голубыми вышитыми серебром подушками. На стене висел портрет Нарайяны во весь рост, в роскошном костюме времен Франциска I.

В спальне, на возвышении, под балдахином с гербом стояла громадная кровать с драпировками. Стулья были обтянуты такой же, как и драпировки, материей.

Все это была древность, слегка выцветшая и поблекшая от времени, но находившаяся в хорошем состоянии и производившая приятное впечатление комфорта. Кроме того, так как наступило начало ноября и в древних стенах было холодно и сыро, то во всех громадных каминах пылал огонь, распространяя приятную теплоту и придавая более веселый вид мрачным комнатам.

– Через четверть часа, принц, я подам вам завтрак, а в семь часов вечера будет готов и обед, – сказал управляющий, с поклоном выходя из комнаты.

Едва только Супрамати успел сделать поверхностный осмотр комнаты, как явился управляющий с большим серебряным подносом в руках, который, по указанию своего нового господина, поставил на стол в библиотеке.

– Как вас зовут, мой старый друг, и с какого времени вы служили моему брату? – спросил Супрамати, разрезая холодную дичь.

– Меня зовут Жан Тортоз, а покойному принцу я служил уже во времена крестовых походов. О! Повидал я свет и испытал немало приключений, – со вздохом ответил управляющий.

– Сегодня вечером и завтра, Тортоз, вы расскажете мне все подробно. Теперь же, после завтрака, я хотел бы осмотреть замок, – заметил Супрамати, наливая в древний, украшенный гербом кубок густое, как сироп, вино. – Какое у вас странное вино, чудное и необыкновенно густое, – прибавил он, отпивая глоток.

– Этому вину триста лет. Запасец его хранится в наших подвалах, которые снабжены не хуже, чем в любом монастыре, – ответил, самодовольно подмигивая, управляющий. – С ключом от подвала я никогда не расстаюсь и забочусь возобновлять бочки, как только они начинают иссыхать.

– И вы не скучаете здесь, в этом одиночестве, мой бедный Тортоз?

– Я не всегда жил здесь, ваша светлость. Я жил и в Тироле, где у покойного принца также был замок, который теперь уже не существует, а потом и в Бретани. Здесь я всего только триста лет, а кроме того, еще и отлучался нередко. Ох, иногда я забываю счет годам! Чтобы не привлекать на себя внимание и чтобы меня не приняли за дьявола, – в прежние времена это было опасно и могло костром кончиться, – я принимаю свои меры и прибегаю к хитрости. Так, я отсылаю прислугу и нанимаю другую; затем отпускаю бороду или брею ее; а не то перекрашиваю волосы. Иногда я уезжаю и возвращаюсь под видом нового управляющего. Кроме того, вокруг меня все умирают; а так как я стараюсь иметь как можно меньше сношений с деревней, то меня забывают, и никому не приходит в голову, что я все тот же. Жаловаться я не могу; чувствую себя, как в двадцать лет, и никогда не болел. Мой господин всегда был очень добр ко мне и часто жил здесь по два и по три года подряд, когда у него являлось желание покоя и уединения. Но, Великий Боже, как он мог умереть – *он*, который никогда не должен был умирать? Этого понять я никак не могу, – сам себя перебил Тортоз и схватился обеими руками за голову.

– Он устал жить и жаждал могильного покоя, – грустно заметил Супрамати. – Бессмертие во плоти имеет свои неудобства.

– О, да! В этом вы глубоко правы. Меня самого вечно терзает горе – горе переживать все, что любишь. Сколько раз я был женат, сколько имел я детей – и всех пришлось похоронить одного за другим. Даже род их угас, – а я остался...

– Это очень тяжело, так как при такой уединенной жизни особенно привязываешься к близким существам.

Управляющий вытер набежавшую слезу. Супрамати тоже опустил голову. Грусть и тоска, временами мучившие его, снова овладели им. Но, быстро подавив это чувство, он оттолкнул тарелку и встал.

– Теперь, мой друг, покажите мне замок. Я очень люблю эти старые феодальные гнезда. Они всегда полны стариной, а этот замок к тому же хорошо сохранился.

– Лет сто тому назад он был немного разрушен, но ваш покойный брат все тщательно исправил, не допуская никаких перемен. Теперь он снова простоит век или два.

С живейшим интересом осмотрел Супрамати внутренность замка, где каждый зал, башенка и сводчатая галерея имели свою легенду, которую Тортоз вкратце рассказывал ему. Но как ни кратки были эти рассказы, Супрамати вывел из них то заключение, что как у древних владетелей замка, так и у Нарайяны женщины всегда играли выдающуюся роль.

В нижнем этаже Супрамати осмотрел коллекцию оружия, не очень многочисленную, но составленную исключительно из редких и дорогих вещей. Затем они спустились в подземелье, где Тортоз показал ему одиночные камеры и темницы, высеченные в скале. Двери двух из этих ужасных мест заключения были заперты. Осеня себя крестным знаменем, управляющий заметил, что темницы эти имеют свою трагическую историю.

У Супрамати явилось было желание заглянуть в одну из этих камер, таивших в себе какую-нибудь кровавую драму прошлого, но заметив беспокойный и озабоченный вид управляющего, он воздержался от этого. Тортоз же, видимо, желая дать разговору другое

направление, поспешно повел его осматривать погреб.

Погреб представлял обширное подземелье. Два массивных столба поддерживали сводчатый потолок и во всю длину стен были выстроены бочки вышиной в человеческий рост. Они почернели от времени, и на каждой из них вместо этикетки была прикреплена медная дощечка, на которой было написано название и возраст содержавшегося в бочке вина. Кроме того, по углам, в гряде песка, были зарыты замшелые бутылки.

Посредине стоял круглый стол и несколько скамеек; с потолка, на железных цепях, свешивалась зажженная масляная лампа, красный дрожащий свет которой отражался на стоявшем на столе большом серебряном подносе и золотых кубках.

– А! Вы уже осветили погреб в честь меня, – с улыбкой заметил Супрамати.

– Нет, ваша светлость! Этот погреб я никогда не оставляю в темноте. Но не угодно ли вам присесть, отдохнуть и выпить несколько кубков самого старого вина, какое только хранится в погребе? Покойный принц всегда так делал, чтобы отпраздновать свой приезд. Он спускался сюда, я подавал ему лучшее вино, и мы выпивали за его здоровье; хотя, благодаря Богу, оно всегда находилось в цветущем состоянии.

– Но, дорогой Тортоз, если после того, что выпито мною за завтраком, я угощусь еще здесь, то буду мертвецки пьян, – со смехом сказал Супрамати.

– Сейчас видно, принц, что вы еще недавно сделали *бессмертным*, иначе вы знали бы, что никогда не будете пьяны, – с лукавой улыбкой ответил Тортоз.

– В таком случае, давайте; но только налейте и себе кубок, – весело сказал Супрамати.

Выпив кубок старого ароматного вина, которое огнем пробежало по жилам, он самодовольно заметил:

– Превосходно! Настоящий нектар! Итак, вы говорите, Тортоз, что Нарайяна любил это вино?

– Я думаю. Когда он бывал в замке, то часто спускался сюда; когда же он приехал сюда последний раз, чтобы жениться, он...

– Как? Нарайяна женился десять лет тому назад? – покричал пораженный Супрамати. – Но на ком же? На принцессе Наре?

– Нет, ее звали Элеонора. Он привез ее сюда, и один старый священник тайком обвенчал их в капелле замка. Затем они уехали, а года через полтора оба вернулись назад; только принцесса была при смерти, больна, и в одно прекрасное утро ее нашли в постели мертвой. Она похоронена здесь в фамильном склепе. Графиня Гизелла тоже умерла здесь.

– А кто была эта графиня Гизелла?

– Она была дочерью одного баварского графа. Это было во время Тридцатилетней войны. Покойный принц находился тогда в армии Валленштейна, только под ложным именем. Графиня Гизелла безумно в него влюбилась и, узнав, что он в лагере Валленштейна, а что ее отец с братьями убиты, она переделалась пажем и присоединилась к нему. Покойный принц был очень тронут, казалось, такой преданностью; а так как ему уже надоела война, то он приехал сюда с графиней и женился на ней. Я еще и сейчас как живую вижу ее, когда она приехала сюда. Она была в глубоком трауре, но прекрасна, как королева, со своим белоснежным цветом лица и блестящими, как бриллианты, глазами. Пять или шесть лет прожили они очень счастливо, а затем графиня Гизелла тоже заболела и умерла, произведя на свет мальчика... Ребенок всего только несколькими месяцами пережил мать. Оба они тоже похоронены в склепе.

– Нет ли еще других близких Нарайяне женщин, похороненных здесь, кроме упомянутых вами? – спросил Супрамати, все более и более удивляясь.

– Несомненно есть. Красавица сарацинка, Изолина и еще одна. Всех этих он привез сюда из Тироля, когда молния ударила в замок и сожгла его.

– Эту сарацинку он, вероятно, привез после крестового похода?

– Именно. Это было во время третьего похода, когда я поступил к нему на службу. Принц тогда принял крест, только носил он другое имя, а именно рыцарь Родек. Он собрал и вооружил отряд конных стрелков, в числе которых был и я, мастер по стрельбе из арбалета.

Сначала мы шли с императором Барбаруссой; а затем, не знаю почему, мой господин перешел в лагерь английского короля Ричарда. Я отличился при осаде Сен-Жан д'Акр, и думал, что два раза спас жизнь своему господину; понимаете, что я еще не знал тогда, что он бессмертен. Один раз, в горячей стычке с неверными, когда сарацинский всадник чуть не размозжил ему голову секирой, я отбил его руку эфесом меча. Второй раз одна сарацинка, которую он взял в плен и держал в своей палатке, хотела отравить его; но мне удалось помешать этой гадости. Он только посмеялся над этим; но тем не менее выразил свою благодарность. Когда я был опасно ранен в битве при Азоре, рыцарь, то есть принц, самоотверженно ухаживал за мной. Тем не менее мне становилось все хуже да хуже, и вот однажды ночью я уже думал, что настал мой конец, до такой степени мне сделалось плохо. Пришел принц, осмотрел меня с озабоченным видом и долго думал. Затем он опустился на колени около моей кровати и прошептал:

– Хочешь ли ты выздороветь и жить – жить долго, так долго, что потеряешь счет годам? Не будешь ты потом проклинать меня за это?

Я, конечно, не понял весь смысл его слов, но жить я хотел, а потому и ответил:

– О, господин рыцарь. Вылечите меня и я всегда буду благословлять вас, как бы долга ни была моя жизнь!

Тогда он дал мне такого вина, какого я до тех пор никогда не пробовал. Все во мне, казалось, горело и разрывалось; а затем я впал в забытие. Когда же я очнулся, то был таким же здоровым и сильным, каким вы меня видите сейчас.

Возвращаясь в Европу, мой господин увез с собой красавицу сарацинку, которая скоро умерла. Тогда он женился на Изолине, с которой познакомился при дворе герцога австрийского.

Я же, как видите, живу да живу; хотя по временам чувствую себя страшно утомленным жизнью. Впрочем, жаловаться я не могу; принц всегда щедро меня одаривал, я всегда имел право жить в любом из его владений и он почтил меня своим доверием. Но иногда меня грызла страшная тоска, и в одну из таких черных минут я сделался даже монахом. Тридцать лет провел я в монастыре, но под конец эта жизнь мне надоела. Я бежал и нашел своего господина. Тот посмеялся надо мной и тотчас же женил меня: «Чтобы очистить тебя от рясы и тонзуры», – сказал он.

Управляющий умолк и погрузился в свои воспоминания. Супрамати тоже задумался; затем, быстро выпрямившись, он сказал:

– Тортоз! Не знавали ли вы также принцессу Нару, вдову Нарайяны?

Тортоз вздрогнул, а затем ответил тихим голосом:

– Если вы говорите про баядерку из Бенареса, то – да. Она была блондинка с черными глазами. Только не знаю, та ли это?

– Блондинка с черными глазами? – повторил слегка взволнованный Супрамати.

Затем, указав на одну из скамеек, он прибавил:

– Садитесь, Тортоз, и расскажите подробно все, что вы знаете про баядерку из Бенареса.

– Это случилось не так давно, не более ста восьмидесяти лет назад, – начал управляющий, собравшись с мыслями. – Тогда я жил не здесь, а в Бретани, в другом старом замке принца, и женился на моей доброй Целестине. Мы были очень счастливы. Нашему первому ребенку только что исполнился год, как вдруг неожиданно приехал принц. Должен прибавить, что он был в отсутствии более двух лет, но где пропадал – неизвестно.

Приехал он ночью, в почтовом экипаже, из которого вышел, неся на руках что-то завернутое в плащ, похожее на большого ребенка. Затем позвали мою жену. После она рассказала мне, что принц привез с собой очень молоденькую девушку, прекрасную, как ангел, но, видимо, очень больную, так как она была в обмороке, и потребовалось более часа усилий, чтобы привести ее в чувство. Несколько недель девушка эта была опасно больна. Принц же был очень влюблен в нее, по-видимому, и вместе с моей женой самоотверженно ухаживал за ней.

Позже я тоже видел эту странную женщину. Она действительно была дьявольски хороша

собой; притом так добра и нежна, что мы с женой искренне привязались к ней, особенно когда мы стали понимать друг друга. Тогда-то мы узнали, что она баядерка, уроженка Бенареса.

Сначала она говорила только на каком-то неизвестном языке, который понимал один принц. Когда она стала выздоравливать, то наотрез отказалась надеть одежды, принесенные моей женой, и продолжала лежать в постели. Тогда принц приказал открыть привезенный им с собой сундук, который был полон одежд, каких мы никогда не видали, но которые я счел за восточные. Там были газовые юбки, вышитые золотом и серебром, разноцветные шарфы и странные драгоценности, связанные длинными нитками жемчуга.

Маленькая незнакомка, начинавшая уже ходить, была в восхищении. Она тотчас же нарядилась, надела на руки и ноги широкие браслеты и решила потанцевать, как только будет в состоянии крепко держаться на ногах. Позже она часто танцевала, а иногда и пела под аккомпанемент чего-то вроде гитары. Ах, как она играла и пела! Как настоящий ангел! Когда же она танцевала, то ее можно было принять за райское видение.

Принц явно боготворил ее, а она, — странная вещь, — не терпела его и открыто показывала это. Сначала он смеялся над этим и силком целовал ее, когда она отталкивала его; но затем отношения обострились и начались ссоры. Они говорили на непонятном нам языке, но по тону и жестам видно было, что это были горькие, обидные слова.

Однажды ночью она убежала из спальни и укрылась у нас. Она дрожала, как в лихорадке. Наполовину жестами, наполовину словами на своем ужасном языке она дала понять нам, что не хочет его, что он внушает ей ужас. Несколько дней спустя после этого случая мы снова были разбужены — на этот раз призывными криками самого принца, и все бросились в сад, так как крики доносились оттуда.

Я должен сказать, что в саду находился большой пруд. В него-то бедная баядерка и бросилась, убегая от преследования.

Принц сам уже бросался, должно быть, в воду, так как он был весь мокрый, но не мог найти ее. Очевидно, он не знал, в каком именно месте она бросилась. Принц приказал зажечь факелы и баграми обыскать весь пруд; тому же, кто найдет утопленницу, он обещал целое состояние. Никогда еще не видал я принца в такой ярости. Он был смертельно бледен, топал ногами и произносил ужасные богохульства.

Прошло более часа в тщательных поисках: ни сети, ни багры не достали ничего. Наконец, помощник садовника Теофил нашел тело и вытащил *его* на берег.

Бедная баядерка казалась мертвою. Да и могло ли быть иначе, когда она пробыла под водой более часа. Лицо ее посинело, члены похолодели, легкие одежды облепили тело, а с длинных волос струилась вода.

Как безумный, бросился к ней принц. Руки его дрожали, зубы стучали; но он никому не позволил прикоснуться к ней и сам отнес ее в лабораторию.

— У него была там лаборатория? Какая? — перебил Супраматти, у которого кружилась голова от всего, что он услышал о своем предшественнике.

— Лаборатория алхимика. Так как он запирался там иногда на два или на три дня, запрещая кому бы то ни было беспокоить себя, то все мы предполагали, что он делает там золото при помощи дьявола. Все боялись того места и избегали подходить к нему.

И вот туда-то он отнес баядерку и заперся с ней. Что он там с ней делал, каким колдовством воскресил ее? — этого никто, даже я, никогда не узнал. Только через три дня он вышел с баядеркой. Она была жива, но казалось, у нее не было ни капли крови в жилах, до такой степени она была прозрачна, а выражение ее глаз просто оледенило меня.

Немного спустя мы вернулись сюда. Принц с индуской тоже приехали, и он рассказывал, что женился на ней. Она больше не сопротивлялась и сделалась его женой, но только была грустна и апатична, точно приговоренная к смерти. Месяца через три принц уехал и увез молодую жену, а с тех пор я ничего о ней не слышал и не знаю, что с ней случилось.

Я предполагаю, что она умерла, так как после того он еще раз женился здесь. Я не помню хорошо имени баядерки, но оно похоже на имя принцессы, которую вы называли его вдовой. Если бы я увидел ее, я наверное сказал бы вам, она ли это. А, может быть, она жива,

если он дал ей то же вещество, что и мне. Эта вещь возможна!

Возможно также, что он женился здесь потихоньку от той. Последняя жена его, войдя в этот замок, вышла из него только для того, чтобы спуститься в склеп.

Супрамати вернулся в свои апартаменты совершенно поглощенный всем услышанным и отпустил Тортоза, отложив до следующего дня дальнейший осмотр замка. Он хотел остаться один.

Чем больше думал он о Нарайяне, тем загадочнее становился тот для него. Каким образом, будучи посвящен в такие важные и интересные тайны, мог он наполнять свою жизнь нескончаемым рядом трагических любовных приключений, всегда кончавшихся смертью несчастных женщин, которых он привлекал в свои объятия из всех уголков вселенной?

Найденная им в Венеции коллекция портретов служила, по всей вероятности, воспоминанием об этих мимолетных женах, так быстро скошенных смертью.

Но отчего умирали эти юные жизни? Не сжигало ли их, вместо того чтобы сохранять, могучее веяние жизненности этого человека? Возможно ли, чтобы за свою долгую жизнь он не имел детей, не имел прямого наследника? Между тем, он завещал все чужому человеку?

Если он дал жизненный эликсир слуге, то почему отказал в нем своему ребенку?

Все эти вопросы оставались без ответа. В данную минуту его больше всего занимало, одно ли и то же лицо Нара и баядерка? Во всяком случае, он это узнает, когда она сделается его женой. Ему казалось маловероятным, чтобы эта умная и развитая женщина с демоническим взглядом могла быть тихой и невежественной танцовщицей Бенареса. Впрочем, и она ведь могла измениться.

Не без страха спрашивал он себя, как-то сложится их интимная жизнь, будет ли Нара способна к искренней глубокой любви и удовлетворится ли она тихой честной семейной жизнью, которую Супрамати считал идеалом счастья?

Заснул он очень поздно. На следующее утро вчерашние впечатления отчасти побледнели, и он со свежим интересом принялся за осмотр своих новых владений.

Прежде всего они осмотрели окруженный стеной небольшой сад замка с вековыми деревьями, а затем поднялись на самую высокую башню, откуда открывался чудный вид.

Когда Супрамати выразил свое восхищение, Тортоз заметил:

– Да, здесь хорошо! Но принц владел, то есть хотел сказать, вы владеете в Шотландии старым замком, который я предпочитаю этому. Тот выстроен на берегу океана, на громадной скале. Там между небом и водой чувствуешь себя уединенно и спокойно. Когда погода хороша, лучи солнца искрами рассыпаются по гребням волн, а морские птицы реют вокруг балкона. Принц очень любил это место, особенно когда на него находили черные часы и он не знал куда деться. Но тогда он больше всего любил бурю. Когда ревел ураган, а высокие волны, точно водяные горы, с грохотом разбивались о скалы, он чувствовал себя хорошо и не покидал висевшего над бездной балкона.

– Да, его душа страдала, и он нигде не мог найти себе покоя, – с сожалением заметил Супрамати.

Управляющий вздохнул.

– Знаете, что он мне однажды сказал? – «Мое несчастье, – говорит, – заключается в том, что у меня нет терпения работать. Если бы я трудился, изучал, я забыл бы время и был бы счастливее».

Под конец они осмотрели капеллу и склеп, где странный Синяя Борода сложил гробы своих многочисленных жен.

Склеп представлял из себя большую подземную залу, высеченную в скале. В глубине виднелся каменный алтарь с большим распятием из белого мрамора, перед которым горела лампада. Далее в два ряда тянулись длинные ящики, форма и украшение которых относились ко всем векам.

– Если хотите посмотреть на бедных покойниц, то вон в том ящике хранятся ключи от гробов, – заметил Тортоз, указывая на большой ящик черного дерева с серебряными уголками, стоявший на ступенях алтаря.

Супрамати с минуту колебался. Любопытство побуждало его взглянуть на жертв своего предшественника и в то же время ему неловко было смущать нескромным любопытством покой бедных усопших.

– Вероятно, в этих гробах большей частью остались одни кости, – с нерешительным видом ответил он.

– Не думаю! Сам я не смел смотреть их, но я знаю, что принц всякий раз, как приезжал в замок, спускался сюда и открывал все гробы. Понятно, он хотел видеть любимых жен, а не тлеющие могильные кости.

Побежденный этим доводом, Супрамати приказал подать себе ящик, содержащий ключи всякой формы и величины.

– Прежде чем открывать гробы, надо зажечь канделябры, стоящие в той нише. Покойный принц всегда делал это.

– Зажгите, друг Тортоз, – ответил Супрамати, выбирая ключ от самого древнего гроба.

Скоро двадцать четыре свечи горели в древних канделябрах, ярко освещая внутренность гроба, только что открытого Супрамати. Слегка дрожащей рукой снял он шелковое покрывало – и в ту же минуту крик удивленного восхищения сорвался с его губ.

Перед ним лежала и точно спала молодая женщина чудной красоты. Она была нарядно одета и до половины засыпана цветами, такими свежими, как будто они только что были сорваны. Станный и удушливый аромат, такой же, как и в комнате, где лежала Лилиана, волнами вырывался из гроба.

То же самое было и во всех остальных гробах. В последнем гробе покоилась Элеонора, на которой Нарайяна женился во время своего последнего пребывания в замке. Она также была очаровательна.

Супрамати с удивлением спрашивал себя, почему его предшественник, имевший такое могущественное средство в руках, не воспользовался им ни для одной из любимых женщин?

– Как не хотелось умирать этой бедной Элеоноре. Она так любила принца, что с ума сходила при мысли о разлуке с ним. Он тоже горько плакал и целовал ее, не переставая повторять: «Какая милость неба была бы, о Элеонора, если бы я мог умереть с тобой!» – рассказывал Тортоз, последовательно называвший имена всех красавиц-покойниц.

Затем, взяв один из свежих цветов, он прибавил, осеняя себя крестным знамением:

– Да умилосердится Господь над душой моего бедного господина! Я никогда не хотел верить, что он имел сношения с дьяволом, но этот цветок заставляет сильно задуматься. Без помощи Бога или демона цветок не может оставаться свежим в течение четырех или пяти столетий.

– Успокойтесь, Тортоз! Дьявол не принимал никакого участия в этом деле. Сохранение цветов, как и этих тел, есть результат знания; только это знание Нарайяна мог бы употребить лучше.

Окончив осмотр и пообедав, Супрамати в беседе с Тортозом выразил удивление, что здесь нет, как в Бретани, лаборатории, хотя Нарайяна часто и подолгу жил в этом замке.

– Здесь есть лаборатория. Вход в нее из библиотеки, только дверь скрыта обшивкой, – ответил управляющий.

Когда крайне заинтересованный Супрамати выразил желание, чтобы Тортоз немедленно же показал ему эту дверь, последний объявил, что ему неизвестен секрет, как открыть дверь лаборатории, потому что покойный раз навсегда запретил ему входить туда. Он согласился только приблизительно указать место, где она находится.

Они тотчас же прошли в библиотеку, и Супрамати с жаром принялся за поиски этой двери.

Место, указанное управляющим, было закрыто полками с книгами, и Супрамати пришлось снять их, чтобы осмотреть стену.

Тем не менее ему потребовалось более двух часов, чтобы найти пружину, искусно скрытую в резьбе полок.

Наконец, дверь открылась, и Супрамати вошел в большую залу без окон. В

свешивавшейся с потолка лампе горел синеватый огонек, как у гроба Лилианы, распространяя слабый свет. Но огонек этот почти тотчас же погас. Супрамати принес зажженный канделябр и с любопытством стал осматривать странное помещение.

В глубине залы находился громадный очаг, снабженный мехами и заставленный ретортами и другими принадлежностями алхимии. Около стены был стол, имевший форму аналая, к которому железною цепью был прикован толстый фолиант в кожаном переплете. Немного дальше стоял шкаф, переполненный кожаными меточками различных цветов, флаконами всевозможных форм, ящичками и свитками пергамента.

Вдоль стены стояли треножники и какие-то странные инструменты, совершенно незнакомые Супрамати. Но его более всего заинтересовали две вещи, стоявшие по концам залы.

Одна из них была треугольной деревянной подставкой, в которой был укреплен широкий меч, обращенный лезвием к потолку. Сверкающий клинок этого меча был покрыт надписями, непонятными для Супрамати.

Вторая вещь представляла из себя большой металлический лист в виде щита, тоже утвержденного на подставке, и рядом с ним на табурете лежал молоток. Все это было обведено нарисованным на полу красным кругом, имевшим с трех сторон каббалистические знаки.

Никогда еще Супрамати не видел такого металла, из какого был сделан этот щит. Он казался то прозрачным, то нет, отливая в то же время всеми цветами радуги.

Желая поближе осмотреть этот странный предмет, он переступил черту круга и наклонился над щитом. Он ощупывал и внимательно осматривал его, но этот осмотр ничего не объяснил ему. Поверхность была полированная. Если на нее смотреть вблизи, то она казалась однообразной, молочного оттенка; но стоило только отойти на некоторое расстояние, и она начинала отливать всеми цветами призм.

Вдруг у Супрамати явилось желание попробовать, какой звук издает этот странный металл, если ударить по нему сверху. Недолго думая, он поднял молоток и нанес легкий удар. Раздался дрожащий, звонкий и продолжительный, как стон, звук; затем послышался легкий шум, скоро перешедший в свист, точно свистел ветер, метавший сухую листву дерев; свист этот сменился ревом разбивавшегося о камни водопада и, наконец, послышался сухой треск, как будто поднятый вихрем песок ударял в стекла.

Все эти разнообразные звуки были так странны и так быстро чередовались, что Супрамати не мог уловить всех оттенков. Желая лучше сориентироваться в этих хаотических звуках, он ударил еще раз.

Но этот удар вызвал как бы раскат отдаленного грома; затем раздался гул голосов, звон оружия, ржание и топот сотен лошадей. Все эти звуки быстро приближались и раздавались, казалось, так близко, что Супрамати обернулся – и чуть не упал от ужаса и удивления.

Красный круг, в котором он стоял, пылал теперь зеленоватым пламенем, но за ним все изменило свой вид. Все вещи в зале и даже стены исчезли. Вокруг него расстилалась теперь гористая долина, в глубине которой высилась крепость, обнесенная высокой зубчатой стеной.

Все было освещено синеватым фосфорическим светом, и в этом полусвете ясно видны были колонны воинов, шедших на приступ крепости и приставлявших к ее стенам лестницы. По дороге двигался большой отряд, видимо, спешивший на помощь товарищам. В двух шагах от Супрамати, почти касаясь его, шли ускоренным шагом воины, вооруженные копьями, стрелки и закованные в железо всадники. На всех сверх лат и кольчуг были надеты белые полотняные рубахи с красными крестами на груди или на плече.

Фосфорический свет играл на оружии и на стальных шлемах, освещая бородатые лица и глаза, горевший дикой энергией и непоколебимой волей.

В некотором расстоянии от этой толпы крупною рысью двигался отряд рыцарей. Во главе их ехал человек высокого роста, с энергичным и надменным лицом; сверкающие глаза его выражали жестокую суровость и в то же время дышали смелостью и удалью. Его шлем с развевающимися перьями был украшен не-

большой королевской короной; за ним рыцарь вез знамя с гербом Англии.

За этим гордым рыцарем скакала свита; богатые одежды, дорогое оружие и геральдические короны всадников указывали на их высокий ранг.

Земля дрожала под копытами коней, проходивших так близко мимо Супрамати, что он мог бы достать их рукой. Он слышал отрывистое и шумное дыхание животных и людей и вдыхал специфический аромат этой толпы, рыцарей, пажей и оруженосцев, которая дефилировала перед ним с распущенными знаменами, пестрея разнообразными и живописными средневековыми костюмами. Глухой гул голосов и отдельные фразы на староанглийском языке звучали в его ушах.

Вдруг дрожь пробежала по телу Супрамати. Там, на великолепном черном скакуне, ехал рыцарь, лицо которого было ему знакомо. Вместо тяжелых лат на нем была надета тонкая сарацинская кольчуга, гибкая и легкая, как шелковая одежда; легкий шлем без забрала прикрывал его густые, черные кудри. Большие темные глаза рыцаря с непередаваемым выражением глядели на Супрамати. Это был Нарайяна. Когда он поравнялся с молодым доктором, лошадь его сделала скачок и обдала Супрамати массой песка, так, что тот зажмурился и зашатался.

Когда он открыл глаза, видение уже исчезло. Он был в лаборатории, но был не один. По другую сторону огненного круга стоял высокий и худой монах с аскетическим лицом. Мрачные, глубоко впавшие глаза его грозно смотрели на Супрамати. Затем, подняв костлявую руку, монах произнес глухим голосом:

– Безумный невежда? Ты осмелился коснуться дерзкой рукой тайн, которых не понимаешь. Если бы твое тело не было бы неуязвимо для действий стихий, – этот час был бы последним в твоей жизни. Горе тому, кто вызывает невидимый мир, не будучи вооружен! Взгляни – и никогда, пока не получишь посвящения, не касайся этих неизвестных тебе знаков, которые ведут по темным путям оккультного мира.

И он с ужасом увидел отвратительную толпу, теснившуюся за монахом. Стоя, полусидя и ползая двигались отвратительные существа, полулюди, полужвери, со скотскими лицами, выражавшими адскую злобу.

В руке монах держал колокол, в который начал звонить. Этот звон был так пронзителен, что у Супрамати сделалось головокружение и в глазах потемнело; ему казалось, что его поднял вихрь и что он кружится в воздухе. Затем он потерял сознание.

Когда он открыл глаза, то увидел, что лежит вне красного круга. Голова его была тяжела, все тело болело, а комната, где он находился, внушала ему такой сверхъестественный ужас, что он поспешно вышел и запер дверь. Он решил не раньше открыть ее, чем тогда, когда будет достаточно вооружен, чтобы безопасно противостоять ужасному оккультному миру, куда он так неожиданно заглянул.

Глава восьмая

Несколько дней прошли спокойно. Супрамати отдыхал от перенесенных им волнений, размышляя о прошлом и будущем. Впервые с тех пор как приняв эссенцию жизни, он чувствовал такое физическое недомогание, свинцовую тяжесть, невыразимую слабость, головокружение и ощущение, точно весь был разбит. Эти необычные, болезненные ощущения дали ему понять, какой ужасной опасности он подвергался, и еще более утвердили его решение серьезно заняться изучением таинственного мира, окружающего человека. Его преследовало воспоминание о странном видении, и он дрожал, вспоминая это коснувшееся его живое веяние прошлого. В течение нескольких минут он дышал атмосферой Святой Земли; мимо него во всей жизненной действительности проходили легендарные герои крестовых походов. Но какой неизвестный закон привел он в движение, чтобы таким чудесным образом вызвать эту страницу далекого прошлого?

Не менее интересовали его и тайны, которыми кишела жизнь Нарайяны. Он никак не мог понять этого странного человека: случай привел его к самому источнику тайн, а он безумно расточал свою жизнь и время на пошлые приключения.

По мере того как к нему возвращалось его обычное здоровое состояние, Супрамати начинал чувствовать отвращение к старому замку, очевидно, населенному целой армией демонов. Его мучило желание уехать, повидать другие места и испытать иные впечатления, и он с тоской спрашивал себя: уж не является ли роковой принадлежностью этой долгой жизни постоянное беспокойство, не дающее покоя и без отдыха гоняющее несчастного бессмертного из одного уголка света в другой?

Агасфер без усталости и покоя обходит вселенную; Дахир блуждает по волнам; Нарайяна, как новый Вечный Жид, всюду ищет и нигде не находит покоя; он сам – красивый, здоровый и могущественный со своим богатством, которого не терзает никакая физическая или нравственная боль, и он, едва вступив в эту долгую жизнь, уже чувствует внутреннюю пустоту и смутное желание чего-то неведомого. В Париже ему было невыносимо легко мысленное общество кутил и куртизанок; здесь его давят тишина и одиночество.

Через несколько дней он решил уехать в замок, находившийся в Бретани, где разыгралась драма с баядеркой. Ему хотелось поискать следы молодой индуски и убедиться, не была ли это Нара. Его преследовало желание установить это тождество, если только оно существовало.

Покидая замок, он намеревался взять с собой Тортоза. Ему необходим был верный и преданный слуга, который, зная его тайну, не выдал бы ее; а кто мог быть в этой роли способнее Тортоза, который кроме того будет драгоценным проводником по его новым владениям.

Тортоз должен был быть умен, предан и скромен, иначе Нарайяна не облек бы его своим доверием. Но почему он не посвятил его? Был ли его ум недостаточно гибок, чтобы понять туманные тайны, или какой-нибудь, закон братства запрещал ему ввести этого низшего брата в храм Грааля? Одно было несомненно, – Тортоз будучи одаренным способностью долго жить, не знал всех оккультных тайн, связанных с этим бессмертием.

Решив уехать, Супрамати призвал управляющего и дружески объявил ему, что желая посетить замок в Бретани и другие свои владения, берет его с собой.

– Я полагаю, что вы достаточно насладились одиночеством в этом замке и обществом покойных жен моего брата, – со смехом заметил он. – Итак, подыщите кого-нибудь, кто бы мог занять место управляющего, а когда это будет сделано, мы с вами уедем.

Известие, что он будет сопровождать своего господина, видимо, обрадовало Тортоза и он радостно вскричал:

– Я уже имею в виду верного, честного, развитого и трудолюбивого человека, который будет очень счастлив занять мое место, если вы его дадите ему.

– Почему же нет? А кто это такой?

– Племянник школьного учителя, славный малый, помогающий своему дяде в ожидании, когда сам получит место, которое позволило бы ему жениться на моей крестнице, с которой он обручен.

– У вас есть крестница, Тортоз?

– Да! Дочь одной из наших экономок вышла замуж в деревне и пригласила меня крестить свою единственную дочь. Она уже овдовела, больна и я помогаю ей. Если Франц Буш сделается управляющим, и ваша светлость позволит ему занять три комнаты в нижнем этаже, выходящие на маленький двор, вся семья будет устроена.

– Охотно соглашаюсь и даже дам вашей крестнице приличное приданое, но только с тем, чтобы свадьба была отпразднована в течение недели. Затем мы с вами уедем.

Все совершилось по желанию Супрамати. Приданое, которое он дал невесте, устранило все препятствия, а неделю спустя в деревне отпразднована была веселая и блестящая свадьба, на которой присутствовали старый управляющий и его господин. Владетеля замка все радостно приветствовали, так как, пренебрегая тайной, которой окружал себя Нарайяна, Ральф Морган всюду показывался, сам делал закупки для приданого и оказал всем нуждающимся широкую и щедрую помощь.

Затем Супрамати вместе с Тортозом уехали и направились прямо в Бретань, оставив по

себе только радостную признательность.

Эта поездка не доставила ему ожидаемого удовольствия. Замок сильно пострадал во время революции и павильон, где помещалась лаборатория, был разрушен, а большая часть комнат разграблена. Кроме того, несмотря на все поиски, он не мог найти ни малейшего следа баядерки и ни одного ее портрета.

Единственно, что ему понравилось – это громадный тенистый парк с вековыми деревьями, который летом должен был быть прекрасен.

Супрамати быстро соскучился. Уже через неделю он снова взялся за список имен и стал искать новую цель для путешествия.

Сначала он решил ехать в Шотландию; но когда прочел названия двух дворцов – одного в Бенаресе, а другого в Гималайских горах, – у него появилось желание посетить Индию, эту древнюю землю чудес, колыбель человечества. Он всегда желал побывать там, но его занятия, болезненное состояние и другие неблагоприятные обстоятельства мешали ему исполнить это желание. Тем не менее, решив совершить когда-нибудь это путешествие, он в течение нескольких лет даже изучал санскритский язык, под руководством одного своего товарища-ориенталиста. Это обстоятельство могло оказать ему теперь значительную услугу, так как если он и не говорил как туземец, то все-таки мог достаточно бегло объясняться на этом языке, что придавало некоторую вероятность имени, которое он носил.

Да, он поедет в Бенарес и посвятит там свое время основательному изучению санскритского языка, необходимого при занятиях оккультными науками, которые ему предстояло предпринять. До дня встречи с Нарой оставалось еще около восьми месяцев, и он считал, что этого времени будет вполне достаточно. Тортос тоже был на седьмом небе. Он никогда не сопровождал Нарайяну в Индию и очень желал посмотреть эту далекую страну.

Чтобы подготовиться к этому путешествию, Супрамати отправился в Лондон, устроил своего старого лакея Патрика, которому назначил пенсию, и объявил, что, получив большое наследство, он намерен пропутешествовать несколько лет.

Покончив окончательно со всем, что касалось прошлой жизни, он сел вместе с Тортозом на пароход, отправлявшийся в Индию. Чтобы не стеснять себя своим титулом, он записался под именем Ральфа Моргана и в течение всего переезда с жаром изучал санскритский язык.

Беседуя в свободные часы с Тортозом, Супрамати узнавал новые подробности про Нарайяну, выставлявшие в не особенно благоприятном свете изменчивый, жестокий и в то же время ленивый характер его предшественника.

Супрамати никак не мог понять, каким образом, переступив первые ступени посвящения и сделавшись таким могущественным властителем оккультных сил, вызывавших прошлое, Нарайяна мог остановиться и не иметь желания достигнуть вершины заманчивых знаний.

Сначала Супрамати намеревался прямо ехать в Бенарес, но когда высадился на берег, все, что он увидел, до такой степени заинтересовало его, что пришлось остаться, посещая то одно, то другое интересное место. Красота страны, своеобразность древней цивилизации и нравы этого оригинального народа совершенно поглотили его внимание; а так как ему не было надобности экономить ни время, ни деньги, то он путешествовал, руководствуясь исключительно своей фантазией, причем делал поразительные успехи в изучении местного языка.

Только через два месяца после своего приезда в Индию прибыл Супрамати в Бенарес и остановился в отеле. На следующее же утро он стал наводить справки и узнал, что дворец принца Нарайяны Супрамати находится в двух часах пути от города. Мы забыли упомянуть, что между документами, удостоверяющими его личность, он нашел, к глубокому своему удивлению, также свидетельство о погребении Нарайяны, подписанное властями швейцарского городка. Свидетельство это было приложено к завещанию и адресу нотариуса в Бенаресе, который должен был помочь выполнить все формальности, необходимые для ввода во владение всем имуществом покойного. Так как нотариус уехал из города на несколько дней, то Супрамати решил не дожидаться его возвращения, а на свой страх явиться во дворец.

Наняв двух верховых лошадей, для себя и для Тортоза, он отправился в путь в

сопровождении проводника-индуса.

После двухчасовой езды они свернули в сторону и направились к высокому холму, где высился обширный, окруженный громадными садами дворец, кружевные купола которого утопали в густой зелени, сверкая своей белоснежной белизной.

Супрамати сдержал лошадь и стал любоваться этим дивным сооружением, как бы заснувшим в своем величавом покое. И вдруг ему сделалось стыдно явиться туда при такой мизерной обстановке. Впрочем, английская гордость помогла ему победить эту маленькую слабость, и он, пришпорив лошадь, быстро взлетел на холм.

Он очутился перед входом на большой мощеный двор, в центре которого в мраморном бассейне, обсаженном пальмами, бил фонтан.

Несколько слонов свободно прогуливались по двору, а у фонтана две индуски с большими амфорами разговаривали с женщиной, нагруженной корзиной с фруктами и овощами.

Супрамати и его спутник сошли с лошадей и вошли во двор. Подозвав человека с корзиной, они спросили у него, где управляющий.

Индус окинул их враждебным взглядом и, не отвечая ни слова, убежал на второй двор, отделенный от первого высокой золоченой решеткой, и скрылся.

– Очевидно, мы мало внушаем симпатии здесь, – со смехом заметил Морган.

Через несколько минут из-за решетки появился высокий мужчина с бронзовым цветом лица. Он был в длинной белой одежде, с тюрбаном на голове, браслетами и большими золотыми кольцами в ушах. Его сопровождали человек с корзиной и еще один слуга.

Окинув прибывших враждебным и подозрительным взглядом, человек в тюрбане, не открывая решетки, крикнул на плохом английском языке:

– Что вам надо здесь? Дворец закрыт для любопытных, его не показывают чужеземцам.

– Я не чужеземец, а ваш господин, младший браг принца Нарайяны Супрамати, – ответил Морган. – Пока не выполнены все законные формальности, вот кольцо моего покойного брата. Оно удостоверит мою личность.

С этими словами он снял с пальца кольцо Нарайяны и показал его индусу.

Лицо управляющего мгновенно преобразилось. Очевидно, кольцо было ему знакомо. Ворота золоченой решетки широко распахнулись, и управляющий с глубоким поклоном приветствовал нового владельца.

– Прости меня, господин, что я не тотчас принял тебя с подобающим почетом! Но мы не знали еще о смерти господина; тебя же я не имел счастья видеть, хотя мне и было известно, что младший брат господина воспитывался в Англии.

– О! Все это естественно. Теперь проводи меня в дом, хочу отдохнуть.

Управляющий вынул из-за пояса маленький рожок слоновой кости и свистнул. Не успел Супрамати перейти через двор и подняться по лестнице, как со всех сторон, подобно взбудораженному муравейнику, сбегались слуги. Узнав великую новость, они приветствовали своего нового господина со всеми знаками восточного почитания.

Уверив их в своей благосклонности и приказав управляющему раздать всем подарки, взволнованный Супрамати вошел во дворец и ему показалось, что он внезапно перенесся в сказочную страну.

Никогда еще не видел он таких драгоценных материй, да еще в таком изобилии. Мрамор, малахит и ляпис-лазурь были здесь таким же обыкновенным, казалось, материалом, как дерево и камень в других местах. Полы были мозаичные; фонтаны с тихим рокотом плескались в бассейнах из оникса, а золоченые двери были закрыты портьерами из дорогих тканей, расшитых золотом, серебром или разноцветными шелками. Всюду в дорогих вазах стояли редкие цветы, а на треножниках курились чудные благоухания. Попугаи всех цветов качались в золотых обручах; колибри порхали в громадной филигранной клетке.

Точно во сне, прошел Супрамати через залы и галереи с аркадами и вышел на обширную террасу, перед которой был громадный сад с тенистыми аллеями, фонтанами, кустами роз и другими цветами, над которыми стройные пальмы величаво раскинули свою густую листву.

Супрамати остановился как очарованный, и упоенный взгляд его восторженно блуждал по всей этой роскоши природы и искусства. Как мог Нарайяна бросить все это, если бы даже владел хотя только одним этим райским уголком? Здесь, отдавшись науке и любви, можно было счастливо жить несколько тысяч лет, не чувствуя пресыщения или скуки.

– Великий Боже! И существуют же на земле такие благословенные места! – пробормотал за ним Тортоз, взволнованный и восхищенный не менее своего господина.

Супрамати с трудом оторвался от созерцания всех этих красот. Когда он вернулся в залу, Амудон, управляющий, стоя на коленях, подал ему кубок вина на золотом подносе, а несколько слуг поставили на стол фрукты, сласти и освежительное питье. Двое юношей с опахалами из павлиньих перьев стали за креслом, предназначенным для их господина.

Освежившись и задав Амудону целый ряд вопросов, касавшихся управления дворцом, Супрамати приказал проводить себя в апартаменты, которые занимал Нарайяна. Апартаменты эти состояли из спальни с уборной и рабочего кабинета. Комнаты эти покойный отделал по своему личному вкусу.

Смесь европейского с восточным, царившая в этих комнатах, не понравилась Супрамати. Ему казалось, что в этом дворце из сказок «Тысячи и одной ночи» ничто не должно напоминать Европу и ее жалкую роскошь.

Кроме того, большое бюро сандалового дерева и шкаф с бесконечным числом дверей и ящичков неприятно напомнили ему кабинеты в Париже и в Венеции. И здесь тоже эти шкафы – неразлучные, казалось, с личностью Нарайяны – были набиты, по всей вероятности, сувенирами о женщинах, а, может быть, служили свидетелями какого-нибудь нового преступления.

Супрамати прошел в смежную небольшую гостиную и лег на мягкий диван у окна, выходившего на внутренний двор. Двор этот был окружен галереей, которую поддерживали эмалированные колонки, в центре двора бил фонтан.

– И это царское жилище принадлежит мне! Просто как во сне, – бормотал он, прижимая руку ко лбу. – Да и я чувствую себя точно временным путником. Все здесь незнакомо, ново; ни с чем меня не связывают ни привычки, ни воспоминания, которые одни дают истинное чувство собственности. Впрочем, будем надеяться, это придет со временем. Скорее надо опасаться, что дворец погибнет раньше меня!

Эта забавная мысль вернула ему его хорошее расположение духа. Он удобно вытянулся на шелковых подушках и, так как был утомлен всеми перенесенными волнениями, то скоро заснул крепким, спокойным сном. Спустилась уже ночь, когда один из слуг разбудил его докладом, что ужин подан. Так как сон возбудил у него аппетит, а кухня была изысканная, то он отдал должную честь ужину.

Закурив затем сигару, он вышел на большую террасу, куда к нему скоро пришел Тортоз поблагодарить за комнаты, отведенные ему по его приказанию. Амудону Супрамати сказал, что Тортоз его секретарь.

Продолжая разговаривать, оба они спустились в сад с целью сделать небольшую прогулку. Ночь была лунная и сад теперь имел еще более волшебный вид, чем днем.

Увидев на лужайке большую, оригинальной формы вазу, стоявшую на цоколе, Супрамати захотел поближе рассмотреть ее; но едва сделав шаг по лужайке, наступил на что-то круглое и мягкое. В ту же минуту из травы со свистом поднялась гремучая змея, одна из самых опасных.

Супрамати страшно побледнел и отскочил назад, не упуская из вида змеи, которая поднялась на хвост и, не переставая свистеть, устремила на него свои зеленоватые, фосфоресцирующие глаза.

Тортоз тоже вскрикнул от ужаса; но к нему почти тотчас же вернулось его хладнокровие.

– Господи, как я глуп! Я и забыл, что для нас не опасно никакое животное, – самодовольным тоном сказал он. – Успокойтесь, принц! Не только змея на вас не бросится, но ни тигр, ни гиена, ни лев. Покойный господин говорил мне, что животные чувствуют эманацию нашего бессмертия, и ни одно из них не тронет нас.

– Такая неуязвимость, конечно, была бы очень приятна, если бы можно было вполне положиться на слова Нарайяны, – с улыбкой заметил Супраматти.

– Нет, это правда! Покойный принц рассказывал мне, что однажды змея пробралась в его комнату и свернулась в ногах постели. Проснувшись, он очень испугался, но пресмыкающееся не тронуло его. Посмотрите! Змея отворачивается от вас и спешит скрыться в траве. Однажды на меня самого напали на охоте четыре голодных волка, но едва эти противные животные обнюхали меня, как с рычанием убежали, точно сам дьявол щипнул их за хвост. Нет, ясно, что мы имеем какой-то особенный запах, которого звери не выносят.

– Если это так, то я позволю себе поохотиться на тигра в джунглях; как ни прелестен этот дворец, нельзя же вечно сидеть в нем.

– Я никогда и не воображал, что может существовать что-нибудь столь прекрасное, как этот дворец, – заметил Тортоз. – Его единственный недостаток заключается в том, что он слишком велик. Просто теряешься в этих громадных залах, полных торжественной тишины.

– Тебе придется примириться с этим, друг мой, так как я решил пока поселиться здесь, – ответил Супраматти.

После продолжительной прогулки Супраматти вернулся в спальню, но с удивлением остановился на пороге.

На подушке, лежавшей на ступени кровати, сидела женщина в белой одежде. Длинные, белокурые волосы ее были распущены и перехвачены жемчужными нитями. Голова незнакомки была опущена, а на лице ее застыло выражение ненависти и дикого упрямства. Конвульсивно сжатые руки ее покоились на коленях.

Супраматти с любопытством смотрел на нее. Составляла ли она часть обычного комфорта Нарайяны или ее посадил здесь управляющий? Он видел много странных примеров индусской вежливости, даже по отношению к чужеземцам; в отношении же господина она, без сомнения, была обязательна.

Подойдя к незнакомке, которая не шевельнулась и не подняла головы, он спросил:

– Кто ты? Кто привел тебя сюда?

При звуке его голоса женщина быстро выпрямилась, вскинула на него свои большие черные глаза и дрожащим голосом пробормотала:

– Это не он!

– Ты говоришь о принце Нарайяне?

– Да, о нем, ненавистном! Амудон сказал мне только: приехал господин, ступай в его комнату!

– Принц Нарайяна умер, а я его брат и наследник.

– Умер? Он умер?! И так, значит, он *мог* умереть, – вскричала молодая женщина.

В порыве безумной радости она вскочила с подушки и, подняв руки, стала кружиться по комнате, легкая и грациозная, как воздушное видение. Затем, овладев собой, она подошла к Супраматти и, скрестив руки на груди, смиренно поклонилась ему в пояс.

– Прости меня, господин, что я до такой степени забылась в твоём присутствии! Твоя раба приветствует тебя и ждет твоих приказаний.

Супраматти смотрел на нее с жалостью и восхищением. За исключением, может быть. Нары, он никогда еще не видел такого прекрасного создания. И она тоже пала жертвой Нарайяны, что доказывала ее дикая ненависть к покойному.

– Бедное дитя! – сказал он, ласково проводя рукой по ее опущенной голове. – Не бойся ничего! Я хочу, чтобы ты была свободна и устроила свою жизнь по своему желанию. Как зовут тебя?

– Нурвади, – ответила та, с удивлением и благодарностью глядя на него.

– Тебе я охотно буду повиноваться и, если прикажешь, буду любить тебя, – прибавила она затем, после минутного колебания. – Ты добр! В твоих глазах не светится взгляд свирепого тигра, как у *того*.

Супраматти улыбнулся.

– Я предпочитаю, чтобы ты полюбила меня без приказа. Но садись сюда, рядом со

мною на диван, и расскажи свою историю.

Слегка взволнованная, но, видимо, счастливая, молодая женщина села на указанное место.

– Я не знаю точно, кто были мои родители, – начала она после минутного молчания. – Моя мать была чужеземка. От нее-то я и получила белокурые волосы и светлый цвет лица. Не помню я, что нас разлучило; но мне говорили, что, найдя меня в гостинице, надо мною сжалился старый брамин и увез в храм, где я воспитывалась в качестве баядерки.

Когда я выросла и начала показываться на публичных празднествах пагоды, моя красота обратила на себя внимание. Меня полюбил один молодой человек из касты купцов и решил на мне жениться.

Я тоже полюбила его всеми силами души и все было устроено. Пагоде была уже уплачена солидная сумма в возмещение того, что я ей стоила, как вдруг на моей дороге стал демон, разрушивший мою жизнь.

Где и когда меня видел принц Нарайяна? Я не знаю. Только он обезумел и хотел во что бы то ни стало обладать мною.

Не знаю также, как он договорился с браминами, чтобы уничтожить мой брак; только в один прекрасный день меня отдали ему, и мы тотчас же уехали из Бенареса.

Что я тогда выстрадала, знает один Брама! Я боялась этого человека, похитившего мое счастье, и не находила слов, чтобы выразить отвращение и ненависть, какие он внушал мне...

На минуту она умолкла, потрясаемая нервною дрожью, но затем, оправившись, продолжала:

– Я заболела и смутно лишь помню это ужасное время. Он увез меня за море, в ужасную страну, холодную и туманную, где ничто не напоминало мне синего неба, благоуханного воздуха и красивых мест моей родины. Я мерзла в старом доме с толстыми стенами, задыхалась в сырых и темных комнатах и чувствовала себя потерянной среди людей, не понимающих меня. Но самое ужасное, это была любовь, которой он преследовал меня!

Однажды ночью отвращение и отчаяние с такой силой овладели мною, что смерть показалась мне предпочтительней подобного существования. Вырвавшись из его объятий, я убежала в сад и бросилась в находившийся там пруд; но окунувшись в холодную воду, тотчас же лишилась чувств. Моя последняя мысль была, что наступает смерть. Увы! Я ошиблась.

Когда я пришла в себя, я лежала на столе в комнате, где он хранил всякого рода магические инструменты.

Он, Нарайяна, стоял около стола и держал в руках два шара. Рядом с ним был какой-то аппарат, осыпавший меня снопом искр, которые производили во всем теле колотье. Эта-то невыносимая боль и пробудила, вероятно, меня.

Я вскрикнула и хотела бежать, но была как бы парализованная и не могла шевельнуться. Я думала, что умираю во второй раз. Что-то непередаваемое происходило в моем теле. Затем мне показалось, что я лишилась веса и витаю в воздухе. Тогда он взял ложку и влил мне в рот что-то похожее на жидкий огонь и я потеряла сознание... Когда я пришла в себя, я была сильна и здорова, как никогда прежде.

Мы жили потом в различных городах, и я должна была изучить его язык. Он никому не показывал меня, и я жила одна, печальная и несчастная. Сопrotивляться ему я уже больше не осмеливалась. Я считала его великим чародеем, но мое отвращение и ненависть к нему еще больше увеличились, если только это было возможно.

Наконец он привез меня сюда, а сам уехал. Я почувствовала себя счастливее, так как все-таки это была моя родина. Я не видела его и не имела ни в чем недостатка, потому что была окружена роскошью и почтением; но меня мучило одно желание: я хотела видеть своего бывшего жениха. При помощи хитрости это, наконец, мне удалось. Но что со мною было, когда я увидела восьмидесятилетнего старика, который с ужасом смотрел на меня и кричал, что злой дух овладел моим телом, так как я была так же красива и молода, как и шестьдесят лет тому назад.

Я была страшно поражена и пыталась объяснить, ему, что не произошло ничего

особенного и что я даже не знала, что прошло так много времени со дня нашей разлуки.

Но он не хотел ничего слышать. Его волнение было так велико, что он упал, и я предположила, что он умер. Я убежала, и с тех пор живу здесь, все такая же молодая и красивая – жертва адского колдовства. Более чем когда-нибудь боялась я демона, овладевшего мной, так как только демон мог остановить течение времени и сохранить вечную молодость.

Время от времени приезжал Нарайяна и увозил меня. Когда же я возвращалась, я всегда находила здесь новых и незнакомых слуг. Очевидно, Нарайяна не хотел, чтобы выплыла наружу тайна нашей долгой жизни. Тем не менее, что касается меня лично, я думаю, что кое о чем догадывались, так как, несмотря на окружавший меня почет и уважение, я чувствовала, что меня боятся, избегают и даже, может быть, ненавидят, считая меня духом тьмы.

Теперь, когда он умер, не умру ли я? Ах, как я устала жить...

Супраматти почувствовал жалость к бедному созданию, так легкомысленно оторванному от обыкновенных законов жизни, и добродушно уверил ее в своей дружбе и покровительстве.

С этого дня он ежедневно видел Нурвади, которая, видимо, все больше и больше начинала любить его. Он с удивлением убедился, что она довольно развита, говорит на нескольких языках и перечитала почти всю библиотеку, собранную Нарайяной.

Супраматти скоро понравились беседы с ней. Красота молодой женщины очаровывала его, а то обстоятельство, что она ненавидела красавца Нарайяну, а любила его, не скрывая даже этого, не осталось без влияния на его самолюбие.

Поэтому нет ничего удивительного, что однажды вечером он привлек Нурвади в свои объятия и стал уверять ее в своей любви.

Нурвади обняла его за шею и со слезами радости на глазах пробормотала, прижимаясь головой к его груди:

– Люби меня хоть немного, Супраматти! Я так одинока! Я прозябаю, а не живу. Твой же взгляд покорила меня с той минуты, как ты взглянул на меня.

Позабыв и Нару, и дворец Грааля, Супраматти страстно обнял молодую женщину и обещал то, чего не мог и не хотел дать – *вечную* любовь. Несмотря на честные принципы, бывший Ральф Морган не был свободен от мужского эгоизма – жестокого и неблагодарного, – который эксплуатирует все чувства женщины, начиная с чистой преданности и кончая животной страстью...

Конечно, он не был развращен, как тысячи его братьев, которых не волнует мысль об ответственности и которые, не признавая никаких обязанностей, с одинаковым легкомыслием прижимают к своей груди развратную публичную женщину, невинную наивную девушку или честную чистую супругу, отдавшую им свое сердце на всю жизнь. Морган, повторяем, был честен и добр, но не чужд увлечений. И почему бы он стал избегать этой очаровательной женщины, которая обожала его и в которой он открывал с каждым днем все новые чары? Нурвади не только была красавица в полном смысле этого слова, но, кроме того, это было наивное, прямое и гордое создание. Подобно очарованному цветку, жила она в этом дворце, незапятнанная, принадлежала только одному, который присвоил себе право обладать ею и которого она ненавидела, открыто презирая его гнев и не давая подкупать себя.

Зато к избранному ею человеку, красота которого поразила ее чувства, а доброта – сердце, она почувствовала безграничную любовь, такую же горячую, как и солнце ее родины. Влияние огненного климата, волшебной обстановки и покоя было так велико, что даже кровь сына холодного Альбиона воспламенилась, и во дворце Нарайяны воцарилась чисто тропическая идиллия...

Позабыв прошлое и будущее, забыв свое бессмертие, новый принц Супраматти жил только настоящим. Свой европейский костюм он переменял на богатый индусский, который чудно шел ему. Он катался в паланкине или на слоне и совсем погрузился в восточную дремоту. Окружающие его, казалось, угадывали все его желания, и ни малейшая тень заботы не смущала очарованного сна его жизни.

Так прошло несколько месяцев. Но вот в один прекрасный день счастливая Нурвади объявила ему, краснея, что чувствует себя матерью. Это известие как раз пришлось в

критическую минуту счастья молодой женщины, хотя она еще ничего и не подозревала. Мы говорим о той минуте, когда одновременно с тем, как начали угасать первые вспышки любовного увлечения, стал появляться неблагодарный и забывчивый мужской эгоизм.

Супрамати все чаще и чаще начал вспоминать, что ему необходимо вернуться в Европу, где предстоит исполнить неизбежные обязанности, и где его ждет жена, связанная с ним грозным братством, к которому он принадлежал. Несмотря на красоту Нурвади и ее безграничную любовь к нему, он должен был рано или поздно расстаться с ней, и эта разлука была неизбежна.

Известие, что он готовился быть отцом, отвлекло его мысли. Он не хотел уезжать, не повидав и не поцеловав своего ребенка. Однако проснувшаяся в нем потребность в перемене напомнила об имении, которым он владел в Гималаях. Неужели он уедет, не побывав там? Место это должно было бы быть очень интересно, а заметка, упоминавшая о нем, заключала в себе что-то таинственное и давала понять, что надо ехать туда без излишней свиты.

Супрамати чувствовал какую-то новую тайну, так как наследство Нарайяны избаловало его в этом отношении. Чем больше думал он о гималайском дворце, тем больше росло его любопытство и желание удовлетворить его.

Он решил ехать туда в сопровождении только Тортоса и одного слуги индуса, серьезного, молчаливого и испытанной скромности, который внушал ему доверие.

Тортос не особенно был восхищен перспективой нового путешествия. Следуя доброму примеру своего господина, он увеселял свое вдовство с молодой красивой индуской и чувствовал себя, как в раю, в этой роскоши.

Нурвади же известие об отъезде возлюбленного причинило глубокое горе и она умоляла взять ее с собой. Но Супрамати объяснил, что ее положение требует покоя и не позволяет предпринять путешествие. Кроме того, он объявил, что пробудет в отсутствии не более того времени, какое понадобится на проезд и на осмотр имения. Молодая женщина должна была подчиниться этому решению.

После нежного прощания Супрамати уехал. Он взял с собой верховых лошадей и слона, который нес багаж и небольшой павильон, где он отдыхал, утомившись верховой ездой.

Путешествие оказалось продолжительней и тяжелей, чем предполагал Супрамати. Пришлось довольно далеко подняться в горы по трудным и малодоступным дорогам. Наконец, они достигли обширного плато, где высилось строение небольших размеров, формой и орнаментами напоминавшее скорей храм, чем дворец. Густой сад окружал здание, которое, подобно гигантскому цветку, выделялось своей белоснежной белизной на фоне темной зелени.

Здесь ожидали, казалось, Супрамати, хотя он и не посылал гонца предупредить о своем прибытии. Ворота первого двора были широко открыты, а у входа выстроилось несколько слуг и во главе стоял старик, одетый, как одевались жрецы низшей степени. Старик этот почтительно поклонился молодому человеку.

– Добро пожаловать, принц Супрамати, новый господин этого жилища! Да будет час твоего прибытия часом счастья, и да дарует Брами душе твоего предшественника покой блаженных!

Удивленный и почти недовольный такой неожиданной встречей, Супрамати поблагодарил за приветствие и в сопровождении старика, назвавшегося управляющим Авритой, вошел в дом.

Здесь, при всей роскоши, все было строго и просто. Таинственный полумрак царил во всех комнатах. Как и снаружи, Супрамати чувствовал себя здесь, будто находился в храме, а не в жилище простого смертного.

Когда он немного подкрепился и переоделся, Аврита почтительно спросил его, не пожелает ли он пройти к своему отцу.

Супрамати с удивлением посмотрел на него, не понимая, о ком он говорит. Впрочем, он привык ко всевозможным сюрпризам и тотчас же, овладев собой, объявил, что готов следовать за управляющим.

Они прошли длинную галерею, разделявшую, по-видимому, дом на две половины, миновали залу с какими-то странными и неизвестными инструментами и остановились перед опущенной портьерой из материи, отливавшей золотом и серебром. Аврита поднял портьеру и знаком пригласил Супраматит войти.

Супраматит очутился в большой комнате, выходившей на террасу и служившей, очевидно, библиотекой; на полках и этажерках стояли астрономические инструменты. Посредине, у стола, в плетеном тростниковом кресле, сидел мужчина с циркулем и компасом в руках и чертил какие-то знаки и фигуры на большом белом листе.

При легком шуме, произведенном Супраматит, незнакомец положил инструменты на стол и встал.

Супраматит невольно отступил назад.

Никогда еще ни один человек не внушал ему с первого же взгляда такого уважения и убеждения, что он находится перед каким-то особенным и необыкновенным существом.

Незнакомец был очень высок ростом и необыкновенно худощав. Одет он был исключительно в белую кисею, с белым тюрбаном на голове. Бронзовое лицо его, отличавшееся строгой красотой, могло принадлежать молодому человеку его лет; синевато-черная борода обрамляла лицо. А между тем у Супраматит ни на минуту не явилась мысль счесть его за товарища или равного себе. Величавое спокойствие и всепокоряющее могущество, которыми дышало все его существо, оправдывали титул «отца», данный ему Авритой. Но что окончательно покорило Супраматит, – это глаза незнакомца, большие, темные и непроницаемые, с почти невыносимым блеском. В глазах этих светилось нечто необъяснимо могущественное, что пронизывало насквозь и читало в глубине души того, на кого был устремлен взор.

Супраматит невольно отвесил глубокий поклон и произнес нерешительно:

– Приветствую тебя, учитель, и прошу оказать мне гостеприимство!

Легкая улыбка скользнула по губам незнакомца. Положив руку на плечо Супраматит, он дружески сказал

– Добро пожаловать, сын мой! Только, прося у меня гостеприимства, ты ошибаешься: в этом дворце хозяин – ты, а я гость.

Морган вздрогнул. Этот голос, с металлическим и глубоким тембром, был ему знаком. Но где он слышал его?...

Вихрем пронеслись в его уме смутные воспоминания, неясные картины и хаотические чувства, результатом чего явились обожание и безграничное доверие к этому незнакомому человеку.

А тот смотрел на него блестящим взором и вдруг привлек его к себе. Затем, посадив его рядом с собой, он с любовью сказал:

– В эту минуту, сын мой, ты борешься с плетью, которая, подобно горе, давит тебя, скрывая от тебя прошлое и будущее. Теперь в тебе говорит один только неподкупный инстинкт, но ты не можешь понять его. Не ищи же и не мучай напрасно свой ум, чтобы найти мое имя в летописях твоего сердца. Настанет час, и, благодаря посвящению, спадут завесы тайны и ты узнаешь своих близких и друзей под скрывающей их плотью.

– О, учитель! Когда же настанет счастливый час моего посвящения? – пробормотал Супраматит. Мудрец улыбнулся.

– Время начала твоего посвящения зависит от тебя самого. Когда ты изучишь низшие проблемы окружающей тебя материи, когда ты победишь дракона, охраняющего порог, и духи стихий будут повиноваться тебе, – тогда ты вернешься сюда, и я посвящу тебя в высшее знание.

– А не могу ли я до тех пор пользоваться твоими уроками, учитель?

– Пока ты не поймешь меня, у тебя не хватит силы проникнуть в сферы вечного света. К свету надо идти через тьму, а сфера мрака гораздо страшнее области света; когда уже «зверь» в человеке обуздан, а инстинкт крови и желаний подавлен, тогда *свет* питает, озаряет, руководит и вознаграждает борца, с честью вынесшего тяжелую борьбу. Надеюсь, сын мой,

что ты будешь именно таким борцом и что вернешься сюда действительно моим учеником, чтобы изучать законы первоначальной материи. Впрочем, у нас будет еще время поговорить об этих важных вопросах. Ведь ты, конечно, пробудешь здесь некоторое время и поделишь мое одиночество?

– Я пробуду столько времени, сколько ты позволишь, – ответил Супраматти со сверкающим взором. – Но скажи мне, учитель: Нарайяна знал тебя? Пользовался он твоими уроками? Если да, то как мог он вести такую постыдную жизнь?

Облако грусти и сожаления омрачило на миг ясный взор мудреца.

– Нарайяна был моим учеником, да. В минуту порыва и стремления к свету он избрал меня учителем, но, увы, это был жалкий ученик, и все мои усилия направить его на дело остались тщетными. Ленивый и непостоянный, Нарайяна не был способен вознестись к чистому знанию; он погряз в жажде материальных ощущений. Не будучи в состоянии одолеть даже первую фазу посвящения, он остался престижитатором, игравшим малыми мистериями, ключ которых он только и мог усвоить. Поэтому и жизнь его осталась бесцельной.

Несомненно, нелегко подняться по лестнице высшей науки; герметическое знание – сурово и строго и прежде всего требует от своего последователя развития пяти эзотерических чувств. Он должен видеть духовными глазами, слышать унтами души, оккультным обонянием чувствовать эманации существ и вещей, вкушать чистую сущность и, наконец, флюидические вибрации должны ясно выделяться без его прикосновения. По мере того как развиваются и совершенствуются эти эзотерические чувства, стремящийся к высшему знанию освобождается от власти грубой материи. Астральный огонь его дисциплинированной воли уничтожает все, что преграждает ему путь к пониманию великих тайн. Пройти все эти ступени, повторяю, нелегко, но *посвященный* не должен расточать свое знание на то, чтобы наслаждаться или удивлять «фокусами» невежественную толпу. Горе тому, кто проникнув в магический круг, вызывает силы, которые не может подчинить себе! Эти самые силы, которые он привел в действие, но управлять которыми не умеет, станут терзать его, увлекут в бездну и погубят насильственной, постыдной смертью. Бледный и взволнованный, Супраматти молча слушал его.

– Твои слова, учитель, внушают мне страх к тому ужасному миру, куда я должен проникнуть. Не счастливее ли те, которые ничего не знают об его существовании? – нерешительным тоном заметил он.

Мудрец добродушно улыбнулся.

– Несомненно. Тот, Кто сказал: *«блаженны нищие духом»*, – был великий знаток человеческого сердца. Невежды именно по своему невежеству избегают двух областей знания; тот же, кто прикоснется хоть к одному кольцу цепи, заставляет звучать все остальные и должен нести последствия своего поступка.

Закон таков: надо научиться разрушать прежде, чем созидать. Зато после труда бывает прекрасная награда. Она предоставляет обширное поле для работы, открывает неведомые горизонты и дает в руки исследователя колоссальные силы, освещая ослепительным светом путь его будущего.

По мере того как он говорил, к Супраматти возвращалось спокойствие, доверие и надежда на будущее. Чего ему было бояться с таким руководителем, светлые речи которого в нескольких словах дали понять туманную задачу спиритуализации чувств? Мог ли он смущаться, находясь под эгидой этого высшего человека, все существо которого дышало гармонией, добротой и в то же время удивительным могуществом?

Но кто он? Каким образом Нарайяна, пользуясь его уроками, мог вести такую распушенную жизнь? Как бы услышав его мысль, мудрец сказал:

– Меня зовут Эбрамар. Я уже говорил тебе, что Нарайяна давно призвал меня, и с тех пор я живу здесь, изучая проблемы, которые мне не удалось еще разрешить. Что же касается моего жалкого ученика, то ему не хватало терпения, а главное, воздержания, необходимого для преодоления препятствий. Плоть, с ее нечистыми желаниями, и пожирающие страсти не

оставляли его. Как гонимый собаками олень, возвращался он сюда, всегда неудовлетворенный, покрытый духовными ранами, являясь добычей элементарных Духов, которых он вызывал и не был в состоянии покорить. Он искал убежища здесь, куда его преследователи не смели проникнуть, и снова принимался за ритуал испытаний. Но это длилось недолго. Он скоро слабел, увлекаемый своими страстями, и снова исчезал. После своей последней попытки он больше уж не возвращался сюда и, побуждаемый элементарными духами, разбил цепь, связывавшую его с телом. Он был настолько слеп, что поверил демонам, внушавшим, будто силы добра желают его освобождения и примут его, как «блудного сына». Да избавит Бог всякого от подобного конца! Теперь этот несчастный дух блуждает, терзаемый глумливыми демонами, рыдая, вздыхая и грустя о невозвратном прошлом.

Эбрамар опустил голову и погрузился в мрачную задумчивость.

Супрамати не смел беспокоить его. Кроме того, он чувствовал легкое недомогание и по временам головокружение.

Наконец, Эбрамар выпрямился. Как только его взгляд упал на побледневшее лицо своего собеседника, он тотчас же встал.

– Пойдем, мой сын! Пора ужинать. Кроме того, свежий воздух облегчит тебя. Здесь же атмосфера насыщена совершенно непривычными для тебя ароматами и взволнована вибрациями, что и действует на тебя болезненно. Впоследствии, когда ты примешь *посвящение*, тебя будут наоборот смущать и беспокоить хаотические и дисгармоничные эманации толпы...

Продолжая говорить, Эбрамар приподнял портьеру и вместе со своим спутником вышел на длинную галерею с аркадами, резными и блестящими, словно золотые, вышитые драгоценными камнями кружева.

Галерея заканчивалась террасой, откуда они спустились в сад и прошли в стоявший на холмике павильон, где был накрыт стол для ужина. Вид из павильона был чудесный.

Между двух скал, точно через какое-то исполинское окно, на горизонте виднелись высокие горы и крутая дорога, спускавшаяся в долину. С ревом низвергавшийся со скалы поток, переливавшийся разноцветными огнями в лучах заходящего солнца, еще более увеличивал строгую и грандиозную картину пейзажа. Вид с другой стороны павильона представлял полный контраст своим идиллическим спокойствием.

Здесь, на изумрудно-зеленой лужайке среди групп деревьев, разбросанных артистической рукой, расстилалось, озеро, по серебристой глади которого, как по громадному хрустальному диску, бесшумно скользили белые и черные лебеди. В воде отражались пальмы, росшие на берегу.

В течение нескольких минут Супрамати не мог оторвать глаз от чудной картины. Наконец, вспомнив, что Эбрамар ждет его, он поспешил сесть за роскошно сервированный стол. Двое юношей в белых одеждах стояли за стульями. Эбрамар первый пододвинул к себе блюдо с овощами и с улыбкой сказал:

– Наш стол, может быть, и не удовлетворит тебя, так как здесь ты не найдешь ни мяса, ни дичи, ни рыбы. В пределах этого жилища всякая жизнь священна. Здесь не проливается ни одной капли крови, и никто из местных обывателей не пожелает осквернить себя нечистой, уже разлагающейся пищей.

Только низшая часть человечества, близкая еще к животному, может приспособляться к такому чудовищному способу питания, как уничтожение существ, населяющих землю, и пожирание трупов.

В этой-то отвратительной пище, да еще в запахе крови и разложения, отравляющих атмосферу, хотя наши притупленные чувства этого и не замечают, следует искать истинную причину слабости, нечистых болезней и смертоносных эпидемий, которые терзают человечество.

В этой же причине таятся зародыши грубых и кровавых инстинктов и разнузданных страстей, низводящих человека до животного...

Супрамати с интересом слушал его, и теперь ему с отвращением вспоминался кровавый

ростбиф и другие блюда в таком же роде, которые, в качестве истинного англичанина, он особенно любил. На столе стояли различные овощи, яйца, масло, молоко, мед, и так все отлично было приготовлено, что Супрамати насытился, не заметив даже отсутствия мяса; он даже объявил свое решение совершенно отказаться на будущее время от нечистой пищи.

– Было бы превосходно и даже необходимо для твоего очищения, сын мой, если бы ты мог исполнить свое решение, – ответил Эбрамар.- Животная пища, видишь ли, поглощает астральный флюид; растительная же пища развивает его, так как растения содержат много минеральных частиц и электричества, насыщающего кровь и служащего проводником для духовных сил.

Только не думай, что так легко победить старые привычки. Здесь это кажется тебе легким потому, что окружающий тебя воздух не возбуждает грубого аппетита. Но в том мире, где живете вы, атмосфера до такой степени насыщена этими эманациями, что она проникает в кровь,- и вам так же трудно отказаться от животной пищи, как пьянице от вина.

Они еще продолжали говорить на эту тему, как вдруг раздалось чудное пение. Ясные, гармоничные и бархатные голоса пели приятный и величественный гимн, которому вторили могучие звуки какого-то инструмента, напоминавшего орган.

– Господи! Что за чудная музыка! Но кто же это поет и играет так? – вскричал Супрамати, слушавший, как очарованный.

– Это ученики поют вечерний гимн, – ответил Эбрамар. – Должен сказать тебе, что музыкальные вибрации – это необходимая пища для духа. Они освежают ум, облегчают мышление и умственный труд, успокаивают и исцеляют утомленные нервы и, наконец, возвышают душу, увлекая ее от земных забот. Слушай, мой сын, это пение – и ты испытаешь благотворное действие этого небесного лекарства, освежающего утомленный ум и исцеляющего тело.

Супрамати откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, стал наслаждаться чудной звучащей вокруг него гармонией. Им овладело невыразимое чувство покоя и благосостояния, которое затем перешло в какую-то странную дремоту. Ему казалось, что он тихо колышется, убаюканный волнами. Весь пейзаж вокруг него, включая и атмосферу, все, казалось, фосфоресцировало. По лужайке, залитой голубоватым светом, плыли прозрачные существа, одетые в белые, развевающиеся туники. Лица их с неясными контурами были нежны и спокойны, а каждое движение их оставляло светлый след и производило приятный аромат.

Сколько времени длилось такое странное состояние, Супрамати не мог отдать себе отчета. Его оцепенение рассеял ударивший ему в лицо порыв свежего воздуха.

Он быстро выпрямился и встретил улыбающийся взгляд Эбрамара. Тот сидел теперь у балюстрады павильона и был окружен многочисленным обществом.

Целая туча птиц порхала вокруг или сидела у него на плечах и на спинке его стула. С радостными криками они клевали зерна из его рук и из тарелки, стоявшей на перилах. У ног мудреца в добром согласии стояли собаки, газель, леопард и другие животные – все мирно и доверчиво получали по очереди из его рук хлеб, рис и пирожки.

Пораженный Супрамати с минуту смотрел на это странное зрелище, а затем спросил:

– Каким образом, учитель, ты приручил всех этих животных? Теперь они находятся в мире между собой, но разве ты не боишься, что какой-нибудь из твоих гостей, вроде леопарда или тигра, когда-нибудь ранят тебя?

Эбрамар улыбнулся, поласкал леопарда и прекрасную сидевшую рядом с ним собаку, а затем спокойно ответил:

– Мне нечего бояться этих низших, но все же братьев. Я люблю их, и они, в свою очередь, любят меня истинным и бескорыстным чувством, так как еще не способны к человеческому лицемерию и лживости.

Они безбоязненно приближаются ко мне, ибо знают, что здесь им нечего бояться ни пули, ни сети, ни хитрости людской, злоупотребляющей их слабостью. И всюду, где людская жестокость не оставила еще по себе кровавого следа, происходит то же самое, и животное доверчиво приближается к человеку.

Только люди не хотят понять, что право *жить* и пользоваться дарами природы одинаково принадлежат как низшим, так и высшим существам. Нет закона, который бы оставил человека безусловным господином над этими беззащитными существами и давал ему право яростно уничтожать их под тем предлогом, что они будто бы наносят ему вред. Тот, *Кто* создал поля с обильной жатвой, *Кто* создал плоды и все, что может питать людей и животных, не говорил: «Человек! Все это я создал для тебя одного». Нет! Его закон любви гласит: *«Все живое Я создал из моего дыхания, и каждое из Моих творений имеет право жить и питаться»*.

Но человек, в своей ненасытной жадности, алчности и прожорливости не довольствуется всеми богатствами, которые дает ему земля; нет, ему надо крови, трепещущего мяса – и вот он режет все, что к нему приближается, и даже убивает себе подобных. Смерть, крики агонии и разрушение отмечают путь, по которому идет род людской.

Но настанет час, когда возмущенная природа жестоко отомстит преступному человечеству. Истощенная земля откажет ему в своих плодах, реки обезрыбеют, а уничтоженные и пустые леса не дадут ни тени, ни свежести. Охлажденный воздух будет лишен теплоты и кислорода. Возмущенные стихии приведут в ужас весь мир неслыханными катаклизмами. Бури, землетрясения и град невиданной величины уничтожат поля и деревья. Вода или выступит из берегов, или высохнет. Земля превратится в ледяную пустыню и, в заключение, воспламенятся газы.

Но до этого конца сколько бед, страданий и ужаса придется вынести людям. Голод-мститель обрушится на безбожную, кровожадную людскую толпу – и то золото, ради которого она все уничтожала и которому все приносила в жертву, жестоко насмеется над ней. Тогда люди будут ползать вокруг него, лишенные хлеба и кислорода, дрожа от холода в своих дворцах и умирая от голода на горах золотых слитков.

И этот час *Гнева Божия* ты увидишь, сын мой! Нечестивое, невежественное человечество жестоко ошибается, полагая, что можно безнаказанно попираť все божеские и человеческие законы. Как для отдельного индивидуума существует наказание, так существует оно и для народов, и для целого человечества...

Эбрамар выпрямился. Взгляд его пылал, а голос гремел, как глухой гром. Дрожь пробежала по телу Супрамат. Ему казалось, что в могучем тембре этого голоса он слышит Самого Предвечного, справедливо осуждающего Свои непокорные создания и человечество, истощившее Его милосердие, покрытое кровью и грязью.

С болезненной ясностью восставала в памяти грустная картина физических и социальных бедствий, приводящих в отчаяние мир и терзающих общество. Ненасытное тщеславие правительств, давящих налогами народ ради вооружения, превратило весь мир в военный лагерь и держит вселенную под вечной угрозой ужасной братоубийственной войны; отчаянные спекуляции, грабящие людскую массу в пользу немногих, создают этим пролетариат, терзаемый алкоголизмом, всеми болезнями порока, пылающий ненавистью и завистью и являющийся бичом человечества под видом анархизма, который разрушение и убийство возвел в закон.

И слова Эбрамара находили словно себе подтверждение в тысячи зловещих симптомов, в разрушении всех принципов, поддерживавших некогда человечество, как-то религия, долг, благородство, добродетель, любовь к семье и родине. Возмущенная природа напоминала как будто о себе повторяющимся все чаще и чаще голодом, атмосферными катаклизмами, явной переменной климата, смертоносными эпидемиями, возвратом проказы и массой других вещей, перечислять которые было бы слишком долго...

Гнетущая тоска сдавила сердце Супрамат и он схватил руку Эбрамара.

– Нельзя ли просветить человечество и открыть ему глаза на те бедствия, какие оно вызывает по своей слепоте? Нельзя ли, наконец, спасти его помимо его желания, как взрослый спасает ребенка от опасности, которой тот не постигает? Неужели вы, ученые, мудрые, повелевающие стихиями, не имеете власти, и на вас не лежат обязанности спасти ваших братьев?

Эбрамар покачал головой.

– Мы не властны спасти помимо его воли это тщеславное, нечестивое и неверующее человечество, одинаково насмехающееся как над загробными голосами, так и над призывом своих ученых, которые твердят, ему: не уничтожай растительность, не истощай землю и не избивай ее население. Настоящее человечество – это палач будущих поколений, которые проклянут его за оставленное им адское наследие. Обезумев от эгоизма и жажды наслаждений, оно летит в бездну, с идиотским благодушием отплясывая на вулкане и на трупах своих братьев, уже убитых зараженной атмосферой. Катастрофа, сын мой, неизбежна, так как непоколебимый закон мстит за всякое злоупотребление, будь то физическое, политическое или планетарное. Итак, повторяю, не в нашей власти отвлечь катастрофу, вызванную скоплением злоупотреблений. Тем не менее, настанет и наш час – и к этой-то тяжелой минуте мы должны готовиться безустанным трудом, так как, несмотря на все, мы будем слабыми насекомыми, сметаемыми бурей. Когда умирающее человечество, лишенное хлеба и воздуха, наполнит мир своими криками отчаяния, тогда из пещер, гротов и других тайных, недоступных убежищ появится целая армия магов для заклятия бушующих стихий и для спасения того, что еще может быть спасено. Тогда настанет минута выдержать экзамен и доказать приобретенное нами знание, волю и могущество. Итак, работай, сын мой, чтобы ты мог встать в наши ряды в эту торжественную минуту и занять почетное место.

– Учитель! Оставь меня здесь работать под твоим руководством! Избавь меня от соприкосновения с нечистым миром, откуда я пришел! – со страстной мольбой вскричал Супрамат.

– Ты просишь невозможного, дитя мое! Твоя душа еще полна плотских чувств и слишком слаба, чтобы приступить к великому, преподающемуся здесь знанию. Когда ты победишь желания и слабости плоти, дисциплинируешь волю и изучишь тайны черной магии, а твоя смелая душа будет повелевать стихиями и грубыми, низшими существами, ты вернешься ко мне. А пока моя душа будет бодрствовать над тобой. Я поддержу тебя в тяжелые минуты и явлюсь, когда сочту это нужным, так как для меня не существует расстояния. Будь мужествен и спокоен! На твоём челе я вижу пламя, которое говорит мне, что настанет день, когда ты вместе с нами будешь работать над великим делом...

Глава девятая

Дальнейшее время было для Супрамат временем счастья и невыразимого покоя. С согласия Эбрамара он решил провести у него два месяца, чтобы подготовиться в этом уединении к тяжелому испытанию первого посвящения, к которому решил приступить, как только позволят обстоятельства. И действительно, не было более удобного места для сосредоточения, размышления и умственной работы, чем этот маленький затерянный в глуши дворец, где царил чистый горный воздух и где только шум водопада и пение птиц нарушали глубокую тишину.

До этого убежища труда и знания не доходил ни малейший шум снаружи, здесь не было ни одной красивой женщины-искусительницы, чтобы отвлекать от серьезных мыслей. Глубокие проблемы *бесконечного* и разговоры с Эбрамаром до такой степени интересовали Супрамат и открывали ему такие обширные и неожиданные горизонты, что его восхищение своим учителем увеличивалось день ото дня, принимая размеры страстного обожания.

До обеда индус был невидим, и Супрамат читал или прогуливался по окрестностям; все же время после полудня и вечера было посвящено беседам. В эти-то часы, которых Супрамат так нетерпеливо ждал, Эбрамар с неистощимым терпением отвечал на все вопросы и объяснял все проблемы, понять которые жаждал его слушатель.

Однажды они снова беседовали о готовящейся катастрофе, которую сулит в будущем людская непредусмотрительность, и Супрамат был положительно поражен глубокими познаниями Эбрамара в социальных, религиозных, политических и даже промышленных вопросах, волновавших современное общество.

– Учитель! Не сочти меня нескромным, если я спрошу, каким образом можешь ты знать то, что происходит так далеко от тебя, и чему ты остаешься совершенно чуждым в этом уединении? – спросил он, не будучи в состоянии сдержать свое любопытство.

Эбрамар улыбнулся.

– То, что тебе кажется таким чудесным, в сущности очень просто и основывается на том, что я говорил тебе о спиритуализации чувств. Результатом этой спиритуализации является сила восприятия и способность мнимого, так сказать, духовного перемещения; а тот, кто приобрел эту способность, может быть сознательным зрителем всюду, куда перенесет его мысль. Поэтому я могу видеть на всяком расстоянии, не телесными глазами, а духовным взором, слышать рассуждения людей и понимать мотивы, заставляющие их действовать. Чтобы собрать эти материальные, так сказать, сведения, я изучаю течение звезд и анализирую космические влияния. Ты должен понимать, что беспорядочные эманации планеты и миазмы, которые она отбрасывает, не могут остаться незамеченными для глаза *посвященного*. И я, и братья мои, маги, мы видим язвы, терзающие человечество и готовящиеся бедствия; но мы бессильны отклонить их. Иначе неужели же мы оставались бы бездейственными! Нас парализует закон отталкивания, вызванный неверием, нечистыми страстями и всевозможными преступлениями. Попробуй заставить ходить каменную статую; а двигать гранит могучим веянием волн гораздо легче, чем строптивое сердце человека, ослепленного тщеславием и пороками. Как мрак и свет не могут являться одновременно, так мы не можем ни остановить течение событий, ни жить в разлагающейся атмосфере населенных центров, которые вы считаете верхом вашей цивилизации. Поэтому мы избежим их, ищем уединения и учимся в ожидании будущего.

Впрочем, то, что происходит на нашей земле – вещь вовсе не исключительная. На других планетах, подобных нашей, жили такие же жадные и неразумные поколения людей, как и наше человечество. Они тоже злоупотребляли всем, высасывали и истощали свою мать-кормилицу до тех пор, пока возмущенные стихии не производили большой финальный катаклизм и окончательное выделение воспламенившихся газов, улетучившихся в пространство; материальные же распавшиеся на атомы частицы превращались в горсточку пепла в руке Всемогущего, всевластное дыхание Которого создает и разрушает.

Подобные пожары в пространстве часто наблюдались вашими астрономами. Созерцая, как рассеивается горсть пепла, которая заключала в себе столько любви и ненависти, тщеславия и преступлений, жестокости и гордости, и с которой бесследно исчезли столько имен, почитавшихся «бессмертными», и столько

«неувядаемой» славы, становится понятным бессилие пигмея, именующего себя человеком. Если бы люди лучше понимали грозные управляющие ими законы, они не смотрели бы на жизнь, как на сатурналию, единственная цель которой – наслаждение, и не гибли бы так глупо и пошло, поглощенные тьмой.

Подобные разговоры производили глубокое впечатление на Супраматри. Он долго размышлял о них, и эти размышления порождали в его уме массу новых вопросов.

Однажды вечером они сидели на террасе, прилегающей к рабочему кабинету Эбрамара. Супраматри рассказывал о своей прошлой жизни врача и вспоминал свои изыскания по животрепещущим вопросам о сумасшествии.

– Лечение душевных болезней потому представляет столько затруднений, что доктора не хотят обратить внимание на оккультные причины, вызывающие извращение мозговых функций, и ограничиваются лечением одного только тела, – заметил Эбрамар. – Только тогда ты сделаешься истинным доктором-психиатром, когда пройдешь первое *посвящение*, так ты будешь видеть то, что происходит за завесой, скрывающей невидимый мир профанов.

Не скрою, что тебя ждет тяжелое испытание, что дракон, охраняющий порог, стережет неофита и старается напугать его и прогнать от входа в невидимый мир. Понятно, что легче ходить при свете и гармонии, чем проникать во тьму и побеждать яростных врагов, появляющихся во всех видах и на каждом шагу.

Тем не менее, сын мой, тебе необходимо изучить то, что происходит в первом поясе,

окружающем вашу планету, – этом приемнике всех разлагающихся миазмов, которые заражают землю и пространство, отбросами которых питается настоящее адское население. В этой атмосфере, кажущейся твоему неразвитому глазу такой прозрачной и чистой, кишат существа, обуреваемые всеми человеческими страстями, присущими плоти.

Эманации нечистых желаний, пороков, преступлений и излишеств привлекают их и производят в них настоящую бурю. Они всеми силами стараются овладеть человеческим организмом, чтобы при посредстве его органов наслаждаться плотскими чувствами.

Эти нечистые духи очень дурные советники. Они пылают всеми человеческими страстями и высасывают из своих жертв жизненность, как пчелы сок из цветка. Все, что я сказал, приводит нас к вопросу о сумасшествии, живо интересующему тебя, так как большая часть помешательств происходит от такого *овладения*, или от «бесноватости», как справедливо называет это народ.

Различные причины вызывают такую *одержимость*: совершенные живым излишества, физическое предрасположение, связи прошлого или невидимое соприкосновение в каком-нибудь удобном для этого месте (как, например, игорная зала в Монте-Карло) с такими отвратительными существами, уже умершими, то есть освободившимися от плотского тела, но которые, пылая плотскими вожделениями, стараются войти в организм живого человека, чтобы возродиться, если можно так выразиться, для материальных наслаждений.

Одержимость организмом живого человека вызывает борьбу между двумя разумами, из которых каждый хочет покорить другого. Законный владелец тела сильнее и должен был бы остаться победителем; но, к несчастью, надо иметь большую нравственную силу, чтобы бороться с лукавым, настойчивым врагом, подстерегающим каждую слабость, каждое излишество и каждую болезнь, чтобы овладеть своей жертвой, пробудить в ней животные инстинкты, натолкнуть ее на всякие излишества и, в конце концов, сделать неспособною к нормальной жизни.

Иногда, когда одержимость совершается внезапно, одним порывом, она разрушительно действует на мозг живого, производит физическое расстройство и, переставая быть чистою одержимостью, переходит в хроническое состояние. В таких случаях исцеление бывает очень редко, так как при лечении совершенно пренебрегается именно эта сторона вопроса.

Расстроенный внезапным вторжением чужого разума, мозг подвергается физическим изменениям, теряет способность управлять, медленно разлагается под влиянием флюида разложения, которым тот насыщен, – и человек умирает от прогрессивного паралича.

В настоящее время, когда деморализация достигла такой высокой степени, когда никакая узда не сдерживает уже человека, терзаемого всеми нравственными и физическими болезнями, порождаемыми пороком, уже является поколение болезненное, хилое, пропитанное пороками своих родителей, а иногда и одержимое с самого дня своего рождения.

Одной из причин одержания последней категории являются столь частые в настоящее время насильные выкидыши. Женщины пользуются всеми средствами, чтобы отделаться от материнства, не понимая, как опасны такие приемы. Если посредством выкидыша можно удалить образующееся тело ребенка, то трудно бывает отделаться от *духа*, который становится одержателем матери, а не то следующего ребенка и, таким образом, в одном теле заключено бывает два духа-близнеца.

Люди воображают, что можно безнаказанно пренебрегать законами природы, так как человеческое правосудие молчит, а небесное мщение не обрушивается тотчас же па головы виновных; но они быстро изменили бы свое мнение, если бы могли видеть отвратительную и ужасную картину невидимого мира, объемлющего их со всех сторон, и если бы понимали причину стольких бедствий, которыми попранная природа молча, но жестоко мстит им.

– Ты прав, учитель! Грозные законы управляют нами, и велико несчастье, что мы их так мало знаем! Скажи, учитель, какого ты мнения о самоубийстве? В нашем ослепленном и материальном мире говорят, что жизнь есть единственное неоспоримое благо человека, и что человек имеет право делать с ней, что ему угодно, а прежде всего может избавиться от нее, если она становится невыносимой. Что же касается запрещения церкви, то на ото смотрят, как

на отсталый предрассудок.

– С точки зрения материалистов, такое объяснение просто и логично, – с улыбкой ответил Эбрамар. – Человек, не допускающий никаких духовных основ, смотрит на разрушение материи, как на простую и дозволительную вещь, так как это никому не приносит вреда.

Но оставим в стороне убеждения таких слепых невежд; их суждения похожи на суждения людей, полагающих, что мир покоится на трех китах или на плечах гиганта, и не могущих понять, что он витает в пространстве. Поговорим о самоубийстве с точки зрения физических и моральных последствий, какие оно влечет за собой.

С нравственной точки зрения это – трусость, бегство с поля сражения, причина горьких поздних сожалений и тяжелых страданий впоследствии; так как человек может избавиться от материального тела, но не от жизненного флюида, сосредоточенного в его астральном теле, и не от той капли первоначальной материи, которая оживляет его и должна гореть в нем во все продолжение его земной жизни. Эта жизненная эссенция, не находящая больше условий нормальной жизни, все-таки продолжает пылать в флюидическом организме, причиняя ему невыносимые страдания и возбуждая в духе все плотские желания, которые он уже не может удовлетворять.

В этом отношении самоубийство даже ужаснее беспутной жизни, разрушающей излишествами тело и истощающей пламя жизни. Хотя подобный способ сокращения своих дней позорен и унизителен для человеческого достоинства, но это все-таки операция, аналогичная работе нормального разложения.

Совершенные злоупотребления оставляют малоприятные последствия, так как каждое нарушение закона неизбежно отомщается; жизнь является на основании закона и должна продолжаться, пока другой закон, *смерть*, не положит ей конец. Этот конец бывает спокойный и без страданий, если человек уважал законы природы и вел правильную, деятельную жизнь; так как труд – необходимый руководитель жизни человека, тихо доводящий его через здоровую и почетную старость до предела его земного существования.

Позволь прибавить, что *религия* – это представительница божественности, как государство есть представитель гражданственности. Одно запрещает воровство, убийство и разные преступления, другая – самоубийство, прелюбодеяние и прочее, и оба правы.

Религии установлены людьми вдохновенными, посланниками Отца Небесного, великими разумами, основательно знавшими оккультные законы. Самоубийство они запретили по причинам, о которых я уже говорил; блудодеяние и оргии они запретили тоже отнюдь не из педантизма и не по узости мышления, а потому что беспорядочная смесь полов производит флюидическое расстройство, разрушительно действующее на здоровье и, кроме того, приводит к преступному результату – рождению существ, имеющих право на жизнь и на любовь, но которых часто бросают, а не то даже уничтожают как бремя позора.

Поэтому недостаточно заставить исчезнуть из видимого мира стесняющие и надоедливые существа, чтобы совершенно от них избавиться. Напротив, атмосфера кишит тучами несчастных духов, которые, будучи полны жизненного сока для долгой жизни, вырваны из нормальных условий и принуждены выносить последствия подобного состояния и причиняют серьезные флюидические беспорядки.

Ох, если бы человек хотел понять, что он не имеет права по своему капризу нарушать великие Божеские законы, установленные для управления Вселенной и поддержания в ней совершенного порядка; если бы он хотел понять, что высшая мудрость не создала ничего бесполезного, и что каждая вещь имеет причины своего существования, свое определенное место и свой указанный путь.

Каждому творению Господь назначил место и необходимую пищу. Во всех бедствиях, космических беспорядках и личных несчастиях человек виноват сам, стараясь исправлять природу, вместо того чтобы повиноваться и поклоняться Всемогущему Существу, сущность и величие Которого он не в состоянии понять.

Не поражает ли ум человеческий эта премудрость, создавшая все окружающее нас из

одной и той же субстанции, оживившее одним и тем же дыханием и атом, и растение, соединив их неразрушимой цепью. Эта же премудрость с изумительной точностью определила происходящие в бесконечности химические комбинации, причем каждый атом словно был взвешен и к нему нельзя ничего прибавить или отнять от него, не нарушая общей гармонии.

Если бы человек, отбросив в сторону свою гордость и свое тщеславие, посмотрел бы на собственные дела и сравнил бы их с деяниями природы, то понял бы, что он – только неблагодарный лентяй. Рука Господа щедро дала ему все нужное, чтобы жить, питаться, одеваться и совершенствоваться; а между тем он все недоволен, все хочет улучшить, извратить и подчинить своей жадности, и, в результате, его путь отмечается смутой, резней и грабежом.

– Твои слова, учитель, заставляют меня предполагать, что ты не разделяешь того восхищения, какое мы питаем к победителям, великим полководцам и политическим гениям, – с улыбкой заметил Супраматти.

На губах Эбрамара появилось суровое и презрительное выражение, какого молодой доктор еще никогда не видал на ясном и спокойном лице мудреца.

– Если ты называешь *политическими гениями* интриганов без чести и совести, которые только тем и живут, что смущают порядок и подрывают благосостояние народов, возбуждая дурные их страсти, тогда ты прав; я не только не восхищаюсь ими, но презираю и считаю их существами вредными и опасными. Что же касается завоевателей, то это – просто наполненные тщеславием пустые тыквы, тунеядцы, ищущие бессмертия за чужой счет. Своему пустому и преступному тщеславию они приносят в жертву миллионы жизней и проливают потоки крови в братоубийственных войнах из-за какого-нибудь несчастного клочка земли, без которого легко могли бы обойтись обе воюющие стороны. В моих глазах, как и в глазах всех мудрых и честных людей, нет более отвратительной вещи, чем война. Война развращает нации возбуждаемыми страстями и инстинктами жестокости и грабежа, смертью, которую она сеет на своем пути, горем и проклятиями, которые вызывает, и, наконец, разорением, эпидемиями и личными несчастьями – неизбежными ее последствиями.

В невидимом мире эти бессовестные существа, вызывающие все эти несчастья, лишь бы увенчать себя кровавыми лаврами, называются палачами, а не героями. Грубая толпа ставит им памятники и поклоняется им; но в истории человечества они фигурируют, как пугало, а астральный закон влечет их на суд Всемогущего в качестве виновных, окруженных окровавленной толпой изувеченных трупов.

Да, печальное зрелище представляет ваш мир, отвратительнее даже римского цирка, где развлекались, глядя, как дикие звери терзали беззащитных людей; а теперь сами люди обратились в диких зверей, оспаривающих друг у друга золото и не знающих ни жалости, ни сострадания, раз затронуты их материальные интересы.

К счастью, круг миров, который, подобно черной ленте, занимает вторую планетную сферу, не единственное местопребывание душ; существуют земли, где царят гармония, милосердие, порядок, и где с жаром изучают истинное назначение духа и тщательно избегают всего, что могло бы вызвать бедствия, терзающие ваш мир...

Он умолк. Не смея его беспокоить, Супраматти тоже погрузился в глубокую задумчивость.

Во время этого разговора настала ночь, – ночь восточная, теплая и благоуханная. Над головами, подобно громадному куполу, расстиралось темно-синее небо, усеянное тысячами звезд, сверкавшими, как бриллианты. Беловатая полоса Млечного Пути, подобно светящемуся пару, опоясывала небо.

Вдруг Эбрамар поднял руку и указывая на синий небесный свод, восторженно сказал:

– Взгляни на безграничные владения наших душ, на бесчисленные обитатели Отца, как сказал Христос! Какое обширное поле для изучения представляют тайны этих мириад светящихся точек, из которых каждая представляет целый мир, населенный человечеством, подобным нашему. Не кажется ли тебе пустой гордость земного человека перед этой

безграничной Вселенной? И эта-то пылинка, сметаемая ветром, этот невежда, которому неизвестно ни прошедшее, ни настоящее, ни будущее, этот тщеславный пигмей, не знающий даже, увидит ли он завтрашний восход солнца, осмеливается возмущаться, сомневаться, критиковать и пренебрегать великими законами, которым он подчинен, но которые не понимает.

Нервная дрожь пробежала по телу Супрамати. В эту минуту он действительно чувствовал себя пылинкой и понимал свое ужасающее ничтожество в сравнении с грандиозной бесконечностью, со всех сторон охватывавшей его. Вдруг он вспомнил инстинктивный ужас, внушаемый ему смертью, – этой таинственной и ледящей гостьей, которая бесстрастно, но неумолимо проникает в убежища нищеты и поднимается на ступени трона, обрушиваясь без различия, как на самые смиренные, так и на самые гордые головы. Позабыв, что ему нечего бояться смерти, он с тоской думал:

«Как могут люди так жадно гоняться за наслаждениями, приносить в жертву удовлетворению своих страстей и долг, и честь, забывая, что ежеминутно может постигнуть крушение их материальной жизни и пробить час суда».

– Да, – заметил Эбрамар, отвечая на мысль Супрамати, – следовало бы побольше задумываться над следующим изречением. Ведь *«По смерти, за человеком не следуют ни жена его, ни дети, ни родители, ни друзья, ни его богатство, а только его добрые дела, чтобы свидетельствовать в его пользу перед судом вечного правосудия»*.

Два месяца, которые Супрамати должен был провести в Гималаях, пролетели с необыкновенной быстротой, и он с огорчением стал готовиться к отъезду.

В последний день, который Супрамати проводил в маленьком дворце, сделавшемся ему таким дорогим, Эбрамар с утра призвал его к себе и, покинув свои обычные работы, все свое время посвятил будущему ученику. Он дал ему последние советы и наставления на время его посвящения; а затем подарил ему очень толстый медальон с таинственными знаками с обеих сторон, сделанными из разноцветных драгоценных камней, прибавив, что этот медальон он должен открыть только в случае крайней нужды.

После обеда они сидели на террасе. При мысли, что это – последний вечер, проводимый с учителем, которого он любил и уважал от всей души, глубокая грусть овладела Супрамати. Сколько света и новых понятий влил в его душу этот необыкновенный человек, который, казалось, победил и подчинил себе все слабости и от которого, как от небесного посла, исходили добро, мудрость и любовь.

– Не огорчайся, сын мой, нашей разлукой! Повторяю тебе: моя душа останется близка тебе и явится, когда это будет необходимо, чтобы поддержать и утешить тебя, – сказал Эбрамар, пожимая ему руку.

– О! Если бы только я знал, что скоро сделаюсь достойным вернуться сюда. Никогда, учитель, и нигде не был я так спокоен и не чувствовал такой глубокой отрады; одним словом, я был здесь очень счастлив, и боюсь, что когда вернусь в вихрь света, страсти снова овладеют мной.

– Без всякого сомнения, сын мой, тебе предстоит победить не одну слабость, прежде чем ты приобретешь презрение ко всем земным наслаждениям, – с улыбкой заметил Эбрамар. – Что же касается покоя и гармонии чувств, которые делают дорогим для тебя мое мирное убежище труда, то ты найдешь их в церквях, тишина и спокойствие которых укрепят твою душу, а отчасти в монастырях, где жизнь действительно строга и полна отрешения от мира. Одним словом, всюду, где исключены человеческие страсти, ты будешь окружен таким же веянием счастливого покоя.

Затем разговор незаметно перешел на Нарайяну, и Эбрамар упомянул несколько фактов его неудачных попыток достигнуть высшего посвящения.

Супрамати вдруг вспомнил про Лилиану. Рассказав в кратких словах обстоятельства, открывшие это преступление, он спросил, что такое представляет ее странное состояние: смерть или скрытую жизнь?

– Если ее можно вернуть к нормальному состоянию, то будь добр, учитель, научи, как

надо действовать; если же она умерла, то я хотел бы похоронить несчастную по христианскому обряду, а не оставлять ее в стеклянном ящике, как любопытную редкость.

– Мне уже известно это последнее преступление Нарайяны, вдвойне отвратительное по тому легкомыслию, с каким он пользовался веществом, свойства которого недостаточно изучил, и тем причинил этой женщине ужасные мучения. Она не умерла, но погружена в состояние, похожее на летаргический сон, с тою разницей, что она все время находится в полном сознании, чувствуя при этом голод и жажду, боль раны и ужас вечно остаться в таком невыносимом состоянии.

Время положить конец этим страданиям. Я дам тебе одно вещество, которое хотя и не эликсир жизни, но его будет достаточно, чтобы вернуть ее к жизни. Подробная инструкция, как поступать, будет приложена к медикаментам. Теперь скажу только, что тебе надо будет посадить ее в теплую ванну, причем ты не должен пугаться, когда из раны ручьем польется кровь.

Затем ты положишь ее на кровать, перевяжешь рану, положив на нее мазь, которую я дам, и вольешь ей в рот немного теплого вина, так как она похолодеет и будет иметь вид мертвой. Когда летаргия совершенно рассеется, она откроет глаза, но почти тотчас же впадет в глубокий сон, который продлится не менее трех дней. Когда она проснется, ты дашь ей есть, но только не мясо, а молоко и овощи. После этого она совершенно оправится и может делать, что ей угодно, даже снова вернуться к своей веселой жизни, так как жить она будет очень долго.

– Она приняла эликсир жизни?

– Нет, Нарайяна влил его только в рану, а это производит совершенно иное действие, чем когда эликсир вводится в желудок, – ответил Эбрамар, вставая и отправляясь за медикаментами.

На рассвете следующего дня Супраматти простился с Эбрамаром и уехал в Бенарес, где Нурвади встретила его с искренней радостью, которая очень тронула его, и решение как можно скорей покинуть Индию сильно поколебалось.

Безграничная любовь молодой женщины, затем спокойная, полная роскоши жизнь в этом волшебном дворце и даже красота природы Индии – этого действительно райского уголка, – все способствовало тому, чтобы удержать его, несмотря на упреки совести, твердившие ему, что честь предписывает вернуться к Наре, а чувство человеколюбия обязывает освободить несчастную Лилиану от ужасных мук.

Несмотря на все эти серьезные доводы, Супраматти не двигался из Бенареса, а рождение сына заставило его даже на время забыть все остальное. Поток новых чувств наполнил его сердце и он страстно привязался к маленькому существу, большие и блестящие глазки которого ласково и доверчиво смотрели на него. Мысль о разлуке с сыном до такой степени была тяжела ему, что прошло еще шесть месяцев, прежде чем он смог решиться уехать.

Однажды, когда он подсчитал, что находится в Индии уже около полутора лет, им овладели стыд и смущение. Что подумает о нем Нара? От нее он не получал никакого известия. Обвиняли его также, – и обвиняли вполне справедливо, – страдания несчастной Лилианы. Да, надо покончить со всем этим и уезжать! Время от времени он будет навещать своего ребенка: этого никто не мог запретить ему.

Боясь своей собственной нерешительности, он в тот же день объявил Нурвади, что неотложные дела призывают его в Европу и что он уезжает через несколько дней.

Та побледнела и глаза ее наполнились слезами, но она не протестовала. Обвив руками шею своего возлюбленного, она пробормотала сквозь слезы:

– Ты мне дал столько счастья, что я не имею права жаловаться; ты мне отдал свою любовь, оставил ребенка – как живую о тебе память, – и воспитание его наполнит мою жизнь. Обещай мне только, что ты не совсем забудешь нас и будешь иногда навещать своего сына, чтобы он знал отца и хоть изредка мог бы насладиться твоей любовью и твоими ласками.

Глубоко взволнованный, Супраматти прижал молодую женщину к своей груди.

– Обещаю тебе, Нурвади, никогда не забывать вас и навещать тебя и ребенка так часто,

как только будет возможно. Я увожу с собой ваши портреты, а ты будешь писать мне по адресу, который я оставляю.

С тяжелым сердцем Супраматти стал готовиться к отъезду. Предстоящая разлука была невыразимо тягостна для него.

В эту минуту он был совершенно равнодушен к законной супруге, данной ему братством, и красота Нары как бы изгладилась и потонула, в чувстве отцовской любви, наполнявшей его сердце.

Вдруг в нем зародилась новая боязнь, что ребенок умрет, и он не увидит его больше, а бедная Нурвади останется совершенно одинокой, потеряв их обоих. Но спасение найдено: у него в руках верное средство не дать ребенку умереть... Кто может помешать ему или поставить упрек, если он обезопасит и сохранит жизнь самому близкому и дорогому существу?

На таком решении он успокоился. В ночь, предшествовавшую его отъезду, он тихо прошел в комнату, где в тростниковой колыбели мирно спал ребенок, покрытый легким шелковым одеялом. Рядом с колыбелью, на полу, крепко спала молодая нянька-индуска.

Супраматти опустился на колени и долго смотрел на очаровательного малютку. Да, он хотел видеть его вечно здоровым и красивым, он обезопасит его жизнь от всяких случайностей.

Приготовив четверть той порции эликсира жизни, какую дают взрослому человеку, он влил его при помощи ложки в розовый ротик ребенка. Эффект получился поразительный. Ребенок забился в судорогах, а затем вытянулся и похолодел.

Побледнев от ужаса, Супраматти взял его на руки и, не зная, что делать, вынес на террасу, думая, что свежий воздух поможет

ему; но малютка не двигался. Дыхание остановилось и биение сердца не было слышно.

– Господи! Неужели я убил его? Но нет, это невозможно! – пробормотал он растерянно, кладя ребенка обратно в колыбель.

Удивленная его отсутствием, Нурвади встала. Не найдя Супраматти в кабинете, она решила пройти в детскую и, тихо приподняв портьеру, увидела его склонившимся над колыбелью. Подумав, что горечь разлуки заставила его прийти в последний раз взглянуть на веселое личико сына, она счастливо улыбнулась и тихо, незаметно ушла.

Прошло более двух часов – часов невыразимо томительной для Супраматти тоски. Наконец, вздох облегчения вырвался у него из груди. На щеках ребенка выступил легкий румянец, а глубокое и правильное дыхание указывало, что он крепко спит.

На следующее утро, печальный, с тяжелым сердцем покидал он Бенарес, и несколько дней спустя отплыл в Европу.

Супраматти решил прямо поехать в Париж, чтобы поскорей разбудить несчастную Лилиану и запросить Нару, когда он может приехать к ней. Благополучно прибыв в Париж и войдя в свой отель, он строго запретил слугам распространять весть о своем приезде. Он знал, что виконт и вся театральная богема, подобно стае коршунов, немедленно же обрушатся на него; а он хотел быть свободным и спокойным, по крайней мере, несколько дней.

Он отдохнул, поужинал и заперся в своей комнате, запретив кому бы то ни было беспокоить себя.

Затем он достал из чемодана шкатулку из кедрового дерева, которую ему дал Эбрамар, и открыл ее. В ней находились большой флакон с бесцветной жидкостью, банка с мазью, похожей на воск, но мягкой и жирной на ощупь, и два пузырька: один зеленый, другой пурпурный. Кроме того, там же лежала бумага с подробным указанием мудреца, как употреблять эти средства.

Перечитав внимательно несколько раз наставление, он нажал пружину и вошел в таинственное помещение. Там все было по-прежнему.

Супраматти зажег все лампы и свечи, приготовил белье, повязки и постель – одним словом, все, что могло ему понадобиться. Затем он открыл краны и наполнил ванну. Нарайяна, очевидно, умел заставить хорошо служить себе, так как вода оказалась теплой, хотя

Супрамати не приказывал нагревать ее, чтобы не выдать тайны того, что собирался делать.

Смеясь в душе над утонченной прихотью своего предшественника, он подошел к стеклянному ящику и откинул закрывавшее его покрывало. Вид Лилианы несколько не изменился. Но каким образом вынуть тело из герметически закрытого ящика, наполненного жидкостью, которая могла и повредить ему?

После зрелого размышления он вернулся в свою комнату, надел высокие непромокаемые сапоги и кожаные перчатки, а затем вооружился молотком и щипцами. Потом он сложил близ ящика белье и поставил полную корзину песка, найденную в гардеробной. Окончив эти приготовления, Супрамати ударом молотка разбил стенку ящика в ногах и жидкость с шумом разлилась по паркету. Оторвав затем крышку, он поднял Лилиану, совершенно потерявшую тяжесть обыкновенного тела, перенес в соседнюю комнату на диван, где уже раньше были положены им подушки и одеяло. Разрезав ножницами рубашку и отбросив щипцами лоскутья, Супрамати быстро опустил Лилиану в теплую ванну, поддерживая полотняной тесьмой ей голову и корпус, чтобы она не ушла в воду.

Теперь он увидел на боку молодой женщины рану, имевшую вид широкого и глубокого кровавого разреза, затянутого тонкой кожей. Опытному взгляду врача было ясно, что подобная рана при обыкновенных условиях была безусловно смертельна.

Супрамати был человек и с нескрываемым восхищением смотрел на чудное молодое тело и идеальные формы, достойные резца скульптора.

– Решительно, Нарайяна был сибарит во всех отношениях, – думал Супрамати, выливая в ванну треть большого флакона.

Затем он сел с часами в руках, чтобы выждать четверть часа, как это было указано в инструкции Эбрамара.

Вода быстро приняла чудный голубой оттенок, и не прошло двух минут, как в неподвижном лице Лилианы начало проявляться легкое движение: задрожали ресницы, стал дергаться рот и нервная дрожь пробежала по всем членам. Затем рана приняла темно-багровый оттенок, открылась и из нее брызнула обильная струя материи, черной, как чернила.

Через четверть часа вода сделалась черной и стала издавать острый и удушливый запах. Супрамати выпустил ее, снова наполнил ванну и влил в нее вторую треть жидкости. Почти тотчас же из раны потекла алая кровь, и притом в таком изобилии, что при нормальных условиях смерть должна была последовать от истощения. Тем не менее в состоянии больной не произошло никакой неблагоприятной перемены; напротив, стало проявляться слабое и неправильное, но вполне заметное дыхание.

По истечении предписанного времени Супрамати выпустил окровавленную воду и влил в свежую остальное содержимое флакона. На этот раз вода не изменила вида и осталась бледно-голубой и прозрачной. Рана же приняла вид обыкновенной затягивающейся раны.

Тогда Супрамати перенес больную на диван, положив на рану кусок полотна с мазью и наложил повязку с искусством опытного врача. Тщательно вытерев тело и волосы, он завернул Лилиану в одеяло так, что она походила на мумию и не была в состоянии пошевелинуться, а потом перенес ее на кровать и влил ей в рот ложку красной жидкости одного из пузырьков.

Дрожь пробежала по телу молодой женщины. Затем из ее груди вырвался нечеловеческий крик, – и она открыла глаза. В этих больших, темных, бархатных глазах отразилось такое страдание, блеснула такая безмолвная жалоба, каких Супрамати никогда еще не видал в человеческом взгляде.

Он вздрогнул от жалости и сострадания. Да, Эбрамар прав: несчастная Лилиана должна была переносить адские муки. Впрочем, он не успел сказать и слова, как веки больной опустились, а она снова впала в неподвижность, но на этот раз неподвижность была вызвана глубоким и благодатным сном.

Супрамати опустил шторы на окнах и сообразно с инструкцией Эбрамара вылил в небольшой тазик содержимое зеленого флакона, благодаря чему комната наполнилась благоухающим ароматом. Но каково было его удивление, когда он увидел, что из таза

спиралью поднимается густой зеленоватый пар, который тянулся к кровати и как бы всасывался телом спящей.

В течение нескольких минут смотрел он на это странное зрелище, а потом вернулся в свою комнату. Так как совершенная им работа заняла более трех часов и возбудила в нем аппетит, то он вымылся, поужинал и лег спать, очень довольный.

Супраматти решил провести в уединении три дня, то есть до пробуждения Лилианы, ограничиваясь только прогулками по саду, тем более что стояла чудная весенняя погода. Кроме того, это свободное время он хотел посвятить приведению в порядок различных дел, пришедших в некоторое расстройство вследствие его долгого пребывания в Индии.

Супраматти был уверен, что его никто не беспокоит, так как он строго запретил говорить кому бы то ни было о своем приезде. Но на следующее же утро пришлось убедиться, что у его друзей была чудная полиция и что они чувствовали такую потребность и желание его видеть, что никаких препятствий для них не существовало.

И, действительно, гонимый кредиторами и лишенный всяких ресурсов виконт де Лормейль был в бешенстве от долгого отсутствия набоба. Он учредил за его домом самый строгий надзор, не доверяя людям Супраматти, которые могли скрыть приезд своего барина, если бы тот приказал им молчать; поэтому виконт заручился содействием привратника противоположного дома, а тот видел, как приехал миллионер, и немедленно же известил об этом де Лормейля.

Виконт почувствовал себя возрожденным. На следующий же день он с таким апломбом явился в дом Супраматти, что швейцар и слуги остолбенели, а он ворвался.

Узнав, что принц в саду, виконт немедленно же отправился туда. Дипломатично, не замечая нескрываемого неудовольствия Супраматти и не давая ему времени сказать ни слова, он горячо сжал его в объятиях, осыпая дружескими упреками за тайный отъезд, долгое отсутствие и умолчание о своем приезде.

В ярких красках виконт описал общее горе, вызванное его исчезновением, и отчаяние Пьеретты, покушавшейся даже на самоубийство. Затем он объявил, что если «друг» его – не самый неблагодарный и скупой из всех настоящих, бывших и будущих набобов, то должен вознаградить своих друзей за их преданность и задать в их честь великолепный и достойный его пир.

Неудовольствие, которое в первую минуту почувствовал Супраматти при таком бесцеремонном вторжении, скоро сменилось неудержимым желанием смеяться. Он не мог ответить ни слова – таково было красноречие визита; но он понимал, как нуждался в нем разорившийся забудыга, и это очень забавляло его.

Раз к Супраматти вернулось его хорошее расположение духа, он принял предложение виконта. Решено было отпраздновать возвращение набоба большим обедом, а для утешения Пьеретты в ее горестях принц поднесет ей ценный подарок и букет.

Супраматти согласился на все и вручил виконту солидную сумму на расходы, объявив, однако, что у него есть неотложные дела и что, кроме того, он чувствует себя нездоровым и потому только через три дня будет к услугам друзей. Супраматти спешил избавиться от преувеличенной нежности виконта. И действительно, как только тот почувствовал в руках туго набитый бумажник, он поспешил проститься под предлогом, что надо немедленно же приступить к приготовлениям к пиру. В действительности же он спешил объехать друзей и объявить им великое и приятное известие о возвращении набоба – набитого золотом дурака, не знающего цены деньгам.

Лормейлю хотелось также хвастнуть полученными подарками. Рассказав о своем пребывании в Индии, Супраматти предложил ему на память о своей поездке чудный кинжал с рукояткой, украшенной драгоценными камнями, кольцо с чудным рубином и шкатулку с восточными благовониями.

С головой, набитой всевозможными проектами, виконт прежде всего вернулся к себе, чтобы подсчитать полученную сумму и сообразить необходимые расходы. Результат получился самый благоприятный. Сумма, которую он мог удержать в свою пользу, была так

значительна, что позволяла ему покрыть самые настоятельные нужды. Это убеждение вернуло виконту его беспечность и окрылило его самыми смелыми надеждами. Еще несколько таких праздников – и дела его поправятся окончательно.

Виконт побывал у знакомого ювелира и купил бриллиантовый убор, очень красивый на вид, но в действительности гораздо более дешевый, чем купил бы Супраматти. Приобретя еще громадный букет, он направился к Пьеретте, заехав по дороге к двум друзьям, которых известил о великой новости и пригласил к себе на ужин.

Со времени отъезда Супраматти у красивой певицы Альказара бывали и ясные, и черные дни. Богатый любовник, заменивший

набоба, скоропостижно умер, и с тех пор она не могла завладеть никем «достойным ее», вследствие беспрестанного соперничества и неумолимой ненависти Камиллы Мушерон, которая не забыла и не простила ей ее победы над собой, то есть того, что она «подло украла» у нее Супраматти, по ее выражению.

В данную минуту оба врага были готовы разорвать друг друга из-за одного американца, который, к неопишуемой ярости Пьеретты, казалось, уже склонялся на сторону Камиллы. Поэтому, когда виконт объявил о возвращении Супраматти и передал ей подарки от него, ее охватил порыв такого счастья, что она чуть не лишилась чувств, а затем упала в истерическом припадке. Виконт всячески старался успокоить ее. В настоящую минуту она была нужна ему, и вообще они были старые знакомые, при случае помогавшие друг другу.

Лормейль не особенно стеснялся правдивостью своих рассказов. Поэтому то, что он болтал про свое свидание с Супраматти и про его страстное участие, выказанное будто бы к своей прежней любовнице, было так образно, пылко и поэтично, что в голове Пьеретты стали зарождаться самые смелые планы, и перед ее ослепленным взглядом уже носилась княжеская корона, водруженная на ее рыжем взбитом шиньоне. А почему бы и нет? Хуже ее выходили замуж за князей; а если Супраматти после двухлетнего отсутствия не забыл и посылает ей, как невесте, цветы и драгоценности, то это значит, что он влюблен гораздо серьезнее, чем она предполагала.

– Когда я буду женой принца, я вспомню о ваших услугах, виконт, и избавлю вас от всех затруднений, можете смело рассчитывать на это! – объявила она небрежным и покровительственным тоном.

Пораженный Лормейль недоумевающе и молча посмотрел на нее. Ему и в голову не приходило, что она выведет из его слов подобное заключение.

«Знай она, как я вторгся к набобу и почти насильно вырвал у него для нее подарки, она опустила бы свой нос», – подумал он, с трудом сдерживая смех. Затем он громко ответил любезным тоном:

– Не сомневаюсь, мой друг, что если на вашу долю выпадет подобное счастье, вы не забудете того, кому будете обязаны этим.

Только моя дружба к вам побудила меня представить вас Супраматти и обратить его внимание на вашу красоту и таланты. Честные люди подобных услуг не забывают.

Но Пьеретта рассеянно слушала его. Она вынула из футляра убор и тщательно рассматривала его, заставляя переливаться бриллианты.

– Хорошенькая вещица, в особенности если это настоящие бриллианты, – заметила она.

Виконт даже привскочил.

– В своем ли вы уме, Пьеретта, предполагая, что принц станет дарить вам поддельные камни!

– Он – нет: в этом не может быть никакого сомнения. А между тем я по грустному опыту знаю, что подобная вещь возможна. Помните великолепный браслет, который вы передали мне от имени принца как его прощальный подарок: громадный изумруд, окруженный бриллиантами. И что же? Когда, после неожиданной смерти бедного Жюля, я находилась в затруднительном положении, то решила заложить эту великолепную вещь. Представьте себе мое удивление, когда мне объявили, что камни – простые стразы. Тогда я была так огорчена и нездорова, что не поднимала этого дела и не разыскивала виновника этого бесстыдного

подлога, но теперь я решила сделать это: негодяй заплатит мне убытки или я посажу его в тюрьму. Мне даже уже говорили, что вора очень легко найти...

Пьеретта говорила небрежно, продолжая рассматривать бриллианты, а сама исподлобья насмешливо взглядывала на виконта, который полуотвернулся и был занят гашением сигареты в хрустальной пепельнице.

Лицо промотавшегося кутилы стало землисто-бледным, веки подергивались, еще резче выделяя преждевременные морщины на висках; а рука, державшая сигару, неприметно дрожала.

Тем не менее голос несколько ему не изменил, когда он сказал:

– Надеюсь, мой друг, что вы не приведете в исполнение такой неразумный проект. Принц вряд ли будет доволен быть свидетелем в таком скандальном процессе, да и вам нет расчета выставлять напоказ ваши любовные отношения с человеком, за которого вы рассчитываете выйти замуж. Право, игра не стоит свеч!

Что же касается до виновника мошенничества, то я и без полиции назову его вам. Это – Фаншетта, ваша предпоследняя камеристка. Уйдя от вас, она вышла замуж и открыла магазин. Конечно, не добродетели дали этой каналье средства так блестяще устроиться.

– Вы дали мне идею, виконт! Я не понимаю, зачем мне щадить Фаншетту. Ее магазин послужит для возмещения моих убытков, – заметила Пьеретта.

– Вы забываете, дорогая, что эта женщина может рассказать о вашем прошлом вещи, малоприятные для вашего будущего титулованного положения. Послушайтесь меня: успокойтесь и забудьте эту историю. Любовь принца щедрее вознаградит вас за эту потерю, чем конфискация лавки Фаншетты.

– Может быть, вы и правы. Только впредь я каждый месяц буду возить свои драгоценности к ювелиру для удостоверения, что камни не украдены.

– Начните, мой друг, с этого убора – и вы убедитесь, что от меня вы всегда получаете настоящие камни, – с любезной улыбкой ответил виконт.

Затем, поцеловав руку Пьеретты, он прибавил:

– Теперь – до свидания, мой друг! Займитесь собой до четверга. Вам необходимо поразить Супрамати и одним ударом овладеть его сердцем. Если же в добрую минуту вы расскажете ему про негодную проделку Фаншетты, – к вашему изумруду может вернуться его первоначальное достоинство.

Когда виконт ушел, Пьеретта тихо и насмешливо рассмеялась.

– Ах, негодяй! Разбойник! Небось я напугала тебя сегодня. Если бы ты знал, что у меня в руках все доказательства твоей мошеннической проделки и что я каждую минуту могу посадить тебя в тюрьму, ты дрожал бы еще больше. И я посажу тебя, посмей только когда-нибудь вредить мне или стать мне поперек дороги, – ворчала она. – Пока я молчу, чтобы ты не учинил мне какой-нибудь пакости у Супрамати. Но подожди! Когда я буду принцессой, то припомню, что ты у меня украл, и позабочусь, чтобы принц не давал тебе больше ни сантима. Держу пари, что сегодня индус дал ему денег на праздник и на подарки, и что этот нищий бродяга утаил себе половину того, что предназначалось мне.

Раздраженная Пьеретта закурила папироску и стала обдумывать, какой туалет изобрести себе к четвергу. Это должно было быть что-нибудь новое и оригинальное, что бы рельефно выделяло ее красоту.

Она позвонила горничной и хотела уже одеваться, чтобы ехать по магазинам, когда к ней приехала одна из ее подруг. Пьеретта должна была остаться и предложить посетительнице чашку шоколаду.

Гостья тоже была актрисой из Альказара. Она тотчас же заметила на столе букет и футляр.

– Ба! Кто это поднес тебе этот куст роз и орхидей, да еще с таким веским приложением? Уж не барон ли Меркандье? – со смехом спросила она.

Увидев презрительную гримасу Пьеретты, она прибавила:

– Не брезгуй щедрым обожателем, иначе Мушерон выхватит его у тебя из-под носа.

– Пусть берет себе этого чумазого жида. Для меня – почти невесты принца Супрамат – подобные лица не существуют.

– Ах, моя добрая Пьеретта! Твое обручение с принцем старая история. Вот уже скоро два года, как твой будущий супруг исчез, и за это время ты наставила ему немало рогов.

– Я плюю на подобную клевету, да и он тоже. Принц был в Индии для устройства дел по наследству, а ты должна бы понять, дорогая Лизетта, что это требует несколько больше времени, чем если бы ты или я вздумали ликвидировать наше имущество. Наконец вчера он вернулся, и первая мысль его была обо мне. Этот букет и футляр – его подарки.

– Право? В таком случае, это серьезно! Поздравляю и желаю тебе счастья! Только будешь ли ты счастлива? Знаешь, что недавно сказал барон Меркандье по поводу слухов о браке наездницы из цирка Ристоли с одним румынским князем: «Этот брак немного принесет пользы бедняжке! Нынешние княгини почти все – кабацкие героини, и светские дамы их избегают, потому что их выдает хохол кокотки, выглядывающий всегда из-за княжеской короны».

– Нахал! Во всяком случае, это сравнение не подходит ко мне. Я драматическая артистка, а не акробатка, как Ристоли. Я сумею так держать себя, что никто не усомнится в том, что я настоящая аристократка.

В продолжение всего завтрака дамы продолжали дружески пикироваться. Затем Лизетта уехала, а Пьеретта приказала подать себе пальто и перчатки. Поправляя перед зеркалом шляпу, она пытливым взглядом окинула себя и пробормотала:

– Мне надо обратить внимание на свою походку и жесты. Эта змея Меркандье сказал как-то, что по одной походке и по манере раскачивать бедрами, напоминающей пляску живота, можно узнать кокотку из сотни честных женщин. Я должна отвыкнуть от этого. Я хочу иметь вид честной женщины и проникнуться истинным достоинством.

Глава десятая

На следующее утро Супрамат прошел в тайную комнату посмотреть, в каком положении находится Лилиана.

Она все еще лежала неподвижно, но дыхание ее было правильное, а бледное лицо приняло жизненную окраску. Ему очень хотелось осмотреть рану, но он не посмел снять повязку, так как в инструкции Эбрамара было запрещено без уважительной причины беспокоить больную до ее пробуждения.

Из таза все еще выходил зеленоватый пар, распространявший пряный и живительный аромат, который, однако, производил на Супрамат раздражающее и неприятное впечатление.

Когда он пришел на следующий день, Лилиана спала глубоким и спокойным сном здорового человека. На щеках ее играл румянец, и она переменила положение. Супрамат осторожно развязал повязки, стеснявшие движения спящей, а потом задумался о необходимости одеть ее, когда она проснется.

Очевидно, Лилиана жила здесь, а потому должна была иметь какой-нибудь гардероб. И действительно, после непродолжительных поисков он нашел шкаф и шифоньерку с женским платьем.

Супрамат достал белье, розовый плюшевый пеньюар и положил все это на табурет у кровати. На стол он поставил вино, фрукты и пирожки на тот случай, если Лилиана проснется ночью и почувствует голод.

Вернувшись к себе, Супрамат лег на диван и закурил сигару. Он был рад, что еще до завтрашнего дня избавлен от виконта и всей его свиты, в том числе и Пьеретты.

«Боже мой! – подумал он. – Как отвратительны все эти бесстыдные, наглые кокотки и этот развращенный и бесчестный виконт, надоедающий мне своей угодливостью и жадностью! Держу пари, что он навязывает мне все эти пиры только для того, чтобы обирать меня. Если бы я был уверен, что этой ценой я избавлюсь от него, и он оставит меня в покое, то с радостью заплатил бы его долги».

Мало-помалу мысль Супраматти уклонилась в сторону и снова перешла на Лилиану. Следовало обдумать, каким образом лучше всего скрыть пребывание Лилианы в доме и избежать сплетен, которые возбудило бы ее внезапное появление. Наконец он решил вывести ее через маленький переулок и затем обеспечить ее будущее.

– Может быть, она выйдет замуж и начнет новую, честную жизнь, не будучи вынуждена больше торговать собой, получив такой ужасный урок, – заключил он. К тому же будет вполне справедливо, чтобы состояние Нарайяны вознаградило его жертву за ужасные страдания, которые он, без всякого повода, причинил ей.

Довольный своим решением, Супраматти лег спать.

Когда он проснулся довольно поздно, ему послышались шаги за стеной, а затем шум, как будто кто-то старался открыть потайную дверь. Супраматти, не зовя прислугу, поспешно оделся и открыл дверь. Гостиная была пуста, но из спальни неслась струя свежего воздуха, колебавшая спущенную портьеру.

Супраматти заглянул в комнату и увидел Лилиану у открытого окна. Она стояла к нему спиной, но он заметил, что она надела розовый пеньюар и что волосы ее были артистически причесаны. Он молча смотрел на нее с минуту, а потом откинул портьеру и вошел в спальню.

Услышав шум шагов, Лилиана быстро обернулась и глаза ее запылали такой дикой ненавистью, что Супраматти невольно остановился; она же, увидев незнакомого человека, отступила назад, побледнела и в нерешительности прислонилась к подоконнику.

Впрочем, эта нерешительность длилась не более минуты. Дрожа от волнения, Лилиана сделала несколько шагов и вскричала прерывающимся голосом:

– Где он? Он, палач, безжалостно терзавший меня? Или он прячется, боясь моего мщения? О! это просто невозможно, – вне себя прибавила она, сжимая голову обеими руками. – Существует ли казнь, равносильная тем адским мукам, которые он причинил мне?

– Успокойтесь, Лилиана! Того, кто причинил вам столько зла, вы больше не увидите: он предстал перед правосудием, более страшным, чем месть человеческая. Нарайяна умер. Благодаря случаю, я открыл совершенное им преступление, а знание, приобретенное мною в Индии, позволило мне вернуть вас к жизни.

Взволнованная Лилиана молча выслушала его.

– Но кто же вы, великодушный незнакомец? – пробормотала она.

– Я младший брат Нарайяны, и по мере сил своих, постараюсь исправить зло, причиненное вам.

В душе Лилианы происходила реакция. Ее ненависть и жажда мести вылились в конвульсивные рыдания. Упав на колени, она схватила руку Супраматти и прижала ее к губам. Но он поспешно поднял ее, посадил в кресло и дал ей напиток, стараясь успокоить нервный кризис, потрясавший тело молодой женщины.

– Успокойтесь, бедная! Ваши страдания кончились, а я позабочусь обеспечить ваше будущее, – сказал Супраматти.

Встретив благородный и добрый взгляд, с сожалением смотревший на нее, Лилиана мало-помалу успокоилась. Звучный и гармоничный голос Супраматти успокоительно действовал на нее.

– Как вы мало похожи на своего брата! В вашем взгляде нет того страстного и жестокого огня, который горел в глазах Нарайяны, – сказала она, отирая слезы. – Ах, Нарайяна был чудовище! Один Бог знает, что он заставил меня перестрадать.

– Позже, когда вы успокоитесь и поправитесь, я попрошу вас рассказать мне все, что вы чувствовали во время летаргии. Этот вопрос очень интересует меня.

– О! Я с удовольствием расскажу вам все, мой великодушный спаситель! Но скажите мне, как умер Нарайяна?

– С ним было несчастье в Альпах. Но довольно об этих грустных вещах! Вам необходимо подкрепиться. Сейчас я принесу вам завтрак, а затем мы поговорим о самом насущном вопросе: где вам пока устроиться?

Супраматти принес приготовленную им заранее провизию, состоящую из молока,

фруктов, овощей, яиц и пирожков; поставив все это на стол, он весело пригласил молодую женщину позавтракать.

Лилиана с нескрываемым любопытством следила за Супрамати.

Горячо поблагодарив его, она немедленно же принялась за еду. Истощенный организм ее настоятельно требовал пищи, и она ела со все возрастающим аппетитом.

– Вы сочтете меня за обжору, – заметила она краснея.

– Ну, после такого долгого поста ваш аппетит мог бы быть еще больше. Мне кажется, что на вашем месте я съел бы целого жареного быка, – со смехом ответил Супрамати. – Теперь, когда вы позавтракали, пойдемте в гостиную и поговорим.

И они перешли в гостиную.

– Прежде всего, мисс Лилиана, я должен сказать вам, что с того рокового часа, когда Нарайяна поразил вас, прошло около трех лет.

Молодая женщина вскрикнула и побледнела.

– Успокойтесь! Вы будете жить долго и наверстаете потерянное время. Я хотел только дать вам понять, что после такого таинственного и продолжительного исчезновения вы не можете появиться в моем доме, не возбудив подозрений и сплетен. Здесь же, окруженная такими тягостными воспоминаниями, вы тоже не можете оставаться. Поэтому я решил нанять для вас квартиру в городе. Вечером я приведу к переулку извозчика и вы переедете. Позже вы объясните, как сами сочтете за лучшее, ваше отсутствие и возвращение, если только не предпочтете избегать прежних друзей и жить в уединении. Скажите мне еще, есть ли здесь у вас какие-нибудь вещи, кроме тряпок, которые я нашел?

– Да, есть. Около лестницы находится комната, которую вы не могли заметить, а в этой комнате стоят шкаф и комод.

– Отлично! Потрудитесь собрать самые необходимые вещи и будьте готовы к восьми часам вечера. А пока – до свидания!

В предместье, где жила Розали, Супрамати скоро нашел комфортабельную и изящную квартиру, состоящую из пяти комнат. Квартира эта находилась в первом этаже довольно уединенного, окруженного садом домика. Нижний этаж занимал старик-домовладелец с женой. Супрамати заплатил за год за квартиру со столом, и объявил, что новая жилища переедет сегодня же вечером.

Вечером он снова вышел из дома, нанял извозчика и привел его к переулку.

Лилиана уже ждала его, совершенно готовая. Она была в изящном городском костюме, в перчатках и шляпе. К крайнему своему удивлению, молодой человек увидел на земле несколько объемистых узлов, различные картонки и довольно тяжелый кожаный сак, который она держала на коленях. Очевидно, молодая

женщина увозила все свое имущество, находившееся здесь. Подобная предусмотрительность после такого ужасного приключения вызвала у Супрамати желание рассмеяться.

Однако он сдержался и сказал, вручая молодой женщине бумажник с деньгами:

– Вот вам на первое обзаведение; завтра или послезавтра я навещу вас, и мы решим вашу судьбу. Но скажите мне, как вы себя чувствуете? Я даже не спросил, не причиняет ли вам боли ваша рана?

– Представьте себе, всякая боль исчезла, и рана совершенно затянулась! Только кровавое пятно, по всей вероятности, долго будет напоминать мне о последнем угощении Нарайяны.

– Идемте же! Я вынесу ваши вещи. Но что у вас в этом тяжелом мешке?

– Мои драгоценности.

Не без труда усадил Супрамати на извозчика Лилиану с ее пакетами, картонками и кожаным мешком. Затем он дал адрес кучеру.

– Не забывайте, что вам запрещено есть мясо, – крикнул он, кланяясь ей вслед.

Вечером, прежде чем лечь спать, Супрамати призвал управляющего и, указывая на потайную дверь, теперь открытую настежь, сказал:

– Там, очевидно, находилась лаборатория покойного принца. Прикажете вычистить и

привести в порядок все, что испорчено. Спальню свою я переносу по другую сторону библиотеки, в серую гостиную, здесь же все будет отделано заново. Я сам выберу мебель и материю. Я скоро женюсь, и здесь поместится принцесса.

На следующее же утро явились рабочие. С тою легкостью и быстротой, какую дает богатство, все сделалось по желанию хозяина. Как по волшебству, спальня была перенесена в указанное место, а затем приступили к чистке тайного помещения, которое управляющий нашел, в глубине души, очень не похожим на лабораторию.

Прибыв в свое новое помещение, Лилиана прежде всего пересчитала содержимое бумажника и, очень довольная результатом, приступила к осмотру квартиры. Квартирой она осталась менее довольна. Простое изящество и не совсем модная меблировка не понравились ей. Она любила шик и, слава Богу, могла ни в чем не отказывать себе.

Не теряя времени, она отправилась к домовладельцу и спросила его, позволит ли он ей за свой счет и по своему вкусу заново меблировать квартиру. Тот охотно согласился. И вот Лилиана с утра стала бегать по магазинам, проявляя лихорадочную деятельность.

Несколько часов спустя, обойщики принялись за дело и к вечеру следующего дня все было кончено. Квартира совершенно изменила свой вид. Начиная с розового атласного будуара, белой кашемировой спальни и кончая столовой в стиле ренессанс – все дышало утонченным изяществом и приняло особый отпечаток.

Кроме того, Лилиана наняла камеристку, купила себе новый гардероб и приобрела белого пинчера, так как очень любила животных. Маленькая собачка, расчесанная и надушенная, как комок снега, лежала на обитом атласом диване и довольным взглядом поглядывала на свою новую хозяйку.

Сама Лилиана оделась с особенной тщательностью и с нетерпением ждала своего благодетеля. Полученный ею бумажник значительно опустел, но это не беспокоило ее. Не сказал ли Супраматти, что он щедро обеспечит ее будущее? С довольной улыбкой вспоминала Лилиана высокую и стройную фигуру принца, его приятное лицо и блестящий, добрый взгляд.

– Он добр, красив – в тысячу раз лучше Нарайяны, и настолько же великодушен и добр, насколько тот был груб и зол, – пробормотала она, в двадцатый раз подходя к зеркалу, чтобы поправить прическу, бант или складку утреннего платья.

Не будучи больше в состоянии сдержать своего нетерпения, она подошла к окну и стала ждать приезда Супраматти. Сердце ее билось все сильнее и сильнее при мысли, что, может быть, молодой человек и влюбится в нее. Он не стал бы мучить ее капризами, ревностью и нескрываемым презрением, как покойный Нарайяна. Все с большею и большею ясностью рисовался перед ней улыбающийся взгляд Супраматти, а в ее сердце и ушах звучал его спокойный и гармоничный голос.

В это время Супраматти переживал все прелести большого пира. В честь его приезда собралась вся театральная шушера в полном составе, а бросившаяся в его объятия Пьеретта так взволновалась, что лишилась чувств.

Обморок однако был так артистичен, что несмотря на свое недоверие, Супраматти был обманут и тронут такой глубокой привязанностью.

Обед прошел шумно и весело. Затем часть актеров разъехалась по своим театрам, а Пьеретта отправилась в Альказар, где пела в этот вечер. По этому случаю виконт шепнул Супраматти, что ему необходимо быть на представлении и что следовало бы поднести любезной артистке букет и кое-какие безделушки.

– Хорошо, дорогой виконт! Купите, что найдете нужным, а счет пошлите к моему управляющему. Право, я не знаю даже, как вас благодарить за то, что вы избавляете меня от всяких хлопот, – ответил он, пожимая Лормейлю руку. – Займите мою ложу, а я присоединюсь к вам попозже. Теперь же я должен ехать, так как у меня назначено очень важное свидание с моим поверенным.

Радуюсь, как школьник, ускользнувший от своего учителя, Супраматти сел в экипаж и со вздохом облегчения откинулся на подушки.

– Надо обуздать любовь виконта ко мне и к роскошным пирам, которые он придумывает

для моего развлечения, – проворчал он. – Великий Боже! И есть же люди, добровольно осуждающие себя на подобную жизнь! Никогда не быть у себя, вечно мотаться по улицам и ресторанам, и всегда быть среди чужих людей, которым так же мало дела до него, как ему до них. Вечно метаться в этой сутолоке, переходить от обеда к ужину, из театра в притон – и все это в обществе пустых, порочных и глупых людей, весь интерес которых сосредоточивается на сальных анекдотах и еще более сальных похождениях с распутными женщинами. Нет, с меня довольно подобных удовольствий и я немедленно же уеду, как только получу ответ от Нары.

Недалеко от своего отеля он вышел из экипажа и приказал кучеру ехать домой, а сам взял извозчика и поехал к Лилиане.

Увидев метаморфозу в мебелировке и все перемены, превратившие скромную квартиру в кокетливый уголок жрицы любви, Супрамати слегка нахмурил брови. Он спрашивал себя, как могло хватить у этой женщины легкомыслия, чтобы заниматься подобными пустяками, когда она едва избавилась от ужасной казни, от состояния, худшего смерти? Жестокий урок только скользнул по ней, как вода по стеклу...

Под впечатлением этого чувства Супрамати не обратил никакого внимания на красоту Лилианы и на ее кокетливый костюм. С холодной сдержанностью прошел он в будуар, уже освещенный большой лампой под розовым абажуром. Там камеристка Жоржетта уже подавала чай.

Супрамати скоро понял, что Лилиана старается ему понравиться, надеясь сделать из него заместителя Нарайяны; но он решил как можно скорей разуверить ее, и чтобы сразу положить конец ее кокетству, сказал, принимая вторую чашку чая:

– У меня есть к вам просьба, мисс Робертсон.

– О! Я вся к вашим услугам, принц!

– Дело вот в чем. Я уже говорил вам, что изучал в Индии медицину, и то необыкновенное состояние, в котором я вас нашел, живо интересует меня с медицинской точки зрения. Поэтому, если это вам не тяжело, расскажите, что вы чувствовали во время летаргии? Я хотел бы отметить эти драгоценные сведения и разработать их вместе с другими наблюдениями.

С этими словами он вынул из кармана записную книжку и карандаш.

– Я с радостью все расскажу вам, даже историю своей жизни, если только вы не соскучитесь слушать ее, – с живостью ответила Лилиана.

– Очень признателен вам за доверие, которое вы оказываете мне. Признаюсь, мне очень любопытно узнать, что могло вызвать между вами и Нарайяной такую сильную ссору, что она довела его до убийства.

– Начну с моих родителей и расскажу вкратце всю мою жизнь со дня рождения.

Моя мать была француженка, по ремеслу кружевница. Она была очень красива и очень легкомысленна. В нее влюбился купец-англичанин и после моего рождения женился на ней.

Семейная жизнь их была очень плоха. Мать моя была распущена, а отец вспыльчив и ревнив – и перед моими детскими глазами происходило немало отвратительных сцен.

Мне было пять лет, когда моя мать бежала с итальянским певцом и увезла меня с собой.

Позже я узнала, что мой отец долго и тщетно искал меня. Когда же он умер от апоплексического удара, то его брат завладел всем его имуществом. На мою же долю досталась только небольшая сумма, которую мне и выслали по требованию матери. Из этих денег я не видела ни копейки, так как их растратила мать со своим любовником. Затем итальянец бросил мать, и мы начали вести самую уродливую жизнь: то у нас был пир горой, то на другой день не было даже хлеба. Любовники были только случайные, так как мать увяла, и никакая краска, никакое искусство не могли скрыть следов времени на ее лице. Мать моя становилась все злее, стала дурно обращаться со мной и даже бить меня. Не раз приходило мне в голову, что она завидует моей молодости и красоте. Тем не менее она строго следила за мной, так как решила, что я должна составить наше общее счастье. Она выучила меня петь, и благодаря одному старому другу я дебютировала в маленьком театре. Позже я перешла в

оперетку и имела громадный успех.

Мать моя становилась все тираничнее и даже сама выбирала мне любовников, причем только самые богатые обожатели допускались ко мне.

Я находилась уже около двух лет на сцене, когда однажды вечером в одной из лож нашего театра появился Нарайяна – «набоб», как назвала его одна из моих товарок.

Вернувшись домой, я нашла корзину цветов и футляр с парю-рой громадной цены.

– Вот любовник, которого ты должна женить на себе, – заметила мать, рассматривая подарок, – заставляй только себя просить и держи себя строго, пока он не сделается ручным.

Я нашла совет хорошим и последовала ему. Нарайяна был без ума от меня, и его приводило в бешенство мое сопротивление. Его обожание и подарки нравились мне, но сам он был мне мало симпатичен. В его глазах светилось что-то, наводившее на меня страх.

В конце концов, мать продала меня ему. Однажды она объявила мне, что принц признался ей, что хочет на мне жениться, но желает, чтобы она прежде покинула Париж. Ее он не мог представить в качестве своей тещи, и она, из любви ко мне, согласилась принести себя в жертву и исчезнуть, не желая мешать моему счастью.

Получив хорошую плату, за которую она могла купить молодого мужа – какого-то странствующего музыканта, она уехала в Америку. С тех пор я больше не слыхала о ней.

Оставшись одна, я скоро увлеклась. Нарайяна осыпал меня золотом, а я привыкла считать богатство выше всего. Свою мать, много бившую и мучившую меня, я нисколько не жалела. Вихрь, в котором я жила, опьянял меня...

Первые недели нашей связи были сплошным очарованием. Никогда еще не было у меня столько золота, бриллиантов, цветов и успеха.

Нарайяна был красив и нравился мне. Все мне завидовали, а между тем в его поведении со мной иногда проскальзывало что-то такое, что оскорбляло меня и отталкивало.

Однажды, когда Нарайяна был особенно весел и нежен, я напомнила ему его обещание жениться на мне, данное моей матерью.

Он громко расхохотался и, по своему обыкновению, грубо и резко ответил:

– Старая ведьма соврала тебе, моя красавица! На таких, как ты, не женятся, их только любят, что, впрочем, гораздо лучше. И зачем портить соединяющее нас чистое и свободное чувство цепями, которые всегда представляют ярмо и тяжелый кошмар, так как налагают обязанности и права. Самая мысль, что я уже не свободен, отвратила бы меня от супруги, хотя бы она обладала всеми добродетелями архангела. И что я мог бы дать своей законной жене, чем ты уже не владела? Ты пользуешься царской роскошью, у тебя – гнездышко, свитое из шелка и кружев. И на гуляньях, и в театрах тебя видят со мной даже чаще, чем если бы ты была обвенчана. Итак, будь довольна и не мечтай о глупостях.

Я молчала, но в глубине души была взбешена, так как мечтала сделаться принцессой. С этого дня между нами воцарилась неприязнь. Кроме того, характер Нарайяны становился все более и более неприятным. У него случались мрачные часы, когда он запирался и не хотел никого видеть. Тогда он требовал, чтобы и я запиралась и ни с кем не виделась.

Он заключал меня даже в тайное помещение, которое, конечно, служило уже не одной любовнице. Оттуда я не смела никуда двинуться, так как он приготовил для меня там гардероб, драгоценности и книги.

Все это возмущало меня и я была измучена его ревностью, капризами и требовательностью, которые сплетались с порывами любви и грубыми сценами. Я начала ненавидеть его и пренебрегать им. Не была ли я свободна? Не хвалил ли он мне сам все преимущества отсутствия обязанностей по отношению друг к другу?

Он тоже старался бесить меня и взял себе в любовницы плясунью, прославившуюся исполнением самого отчаянного канкана.

В это время за мной стал ухаживать один молодой итальянец. Ульпиано Ровери не был богат, но очень красив и отличался прекрасным характером. Он был настолько же нежен, деликатен и уступчив, насколько Нарайяна суров, жесток и строптив.

Я серьезно влюбилась в этого милого мальчика, обожавшего меня, и сделала его своим

любовником, не подозревая, что это может так дурно кончиться.

Когда Нарайяна узнал про это, он пришел в страшную ярость, но затем быстро успокоился, что должно бы было возбудить мое недоверие, особенно когда он попросил меня провести у него ночь, чтобы объясниться и примириться. Я явилась, так как сама искала разрыва, но сцена, которую он мне сделал, превзошла все мои ожидания. Он оскорблял меня и безжалостно унижал, а я вне себя возражала ему. Когда же он потребовал, чтобы я навсегда отказалась от Ульпиано, и на мой отказ сделать это грозил убить его, я объявила ему, что ненавижу его, что он мне противен и что с этого часа я прерываю с ним всякие сношения и возвращаю себе свою свободу.

Побледнев от ярости, он схватил со стола кинжал, купленный им за несколько дней перед этим, и не успела я сообщить, что делать, как он вонзил его мне в бок.

Я вскрикнула и хотела бежать, но у меня не хватило сил, и я упала на пол. Я чувствовала, что у меня ручьем течет кровь, а потом потеряла сознание.

Страшная боль, для которой не существует слов, заставила меня прийти в себя. Мне казалось, что меня пронизывают раскаленным железом, и я открыла глаза.

Бледный, с растерянным взглядом, Нарайяна наклонился надо мной и вливал мне в рану какую-то жидкость. Боль, которую я чувствовала, была так велика, что все померкло вокруг меня. Тем не менее сознание я не потеряла, но только ледяной холод и свинцовая тяжесть охватили мое тело. Только рана продолжала гореть как в огне.

Я ничего не видела, но чувствовала и сознавала, что Нарайяна тащит меня в другое место. Он точно взбесился. То он изрыгал проклятия и отвратительные богохульства, то покрывал меня страстными поцелуями. Наконец он погрузил меня во что-то влажное – и вокруг меня воцарилась мертвая тишина...

Мне пришло в голову, что он похоронил меня, и я в безумном ужасе хотела кричать, вскочить, стряхнуть тяжесть, которая, как скала, придавила меня, но я была совершенно парализована...

Лиана на минуту умолкла, подавленная ужасом воспоминаний. Она тяжело дышала, и слезы ручьем лились из ее глаз. Затем, подавив свою слабость, она продолжала свой рассказ:

– То, что я перестрадала, не поддается никакому описанию. Я чувствовала голод и жажду, меня страшили окружавшие ночь и тишина, а моя рана горела как в огне. Даже думать мне было больно! И при всем этом оставаться неподвижной и не быть в состоянии открыть глаза и разжать зубы... Только ад и его выходцы могли придумать такие муки! Иногда мне казалось, что на моем теле выступает холодный пот.

Однажды – времени я не могу определить – послышался шум, точно взламывали замок. Затем я услышала как открылась дверь в ногах кровати и раздались чьи-то шаги.

– Это был я. Мне случайно удалось открыть тайное помещение. Вас я нашел в стеклянной коробке, но подумал, что вижу труп. Нарайяна же умер за несколько месяцев до этого, – перебил ее Супрамати.

– Тогда на минуту у меня явилась надежда на спасение, но, когда снова воцарилась ужасная тишина, я думала, что потеряю рассудок, – продолжала Лиана, отирая дрожащей рукой влажный лоб. – Затем у меня явилась мысль молиться. Со всей силой отчаяния призывала я Иисуса Христа и Пресвятую Деву Марию, моля Их сжалиться надо мной и вернуть меня к жизни или послать смерть.

Не знаю, была ли услышана моя молитва, но меня наполнило чувство относительного покоя. Из этой апатии или дремоты меня вывел звон разбитого стекла. Затем с чувством безумной радости я слышала, как меня подняли и понесли, но когда вы опустили меня в ванну, я потеряла сознание.

Очнувшись я в кровати в полном сознании. Рана больше не горела, и я с удивлением увидела, что она затянулась. Я встала, оделась и выпила немного вина, так как мне еще трудно было двигать челюстями, и все члены мои точно были налиты свинцом.

Но все эти ощущения быстро рассеялись. Тогда я захотела выйти, но входная дверь была заперта, а где находится пружина, открывающая потайную дверь, я не знала. Я открыла окно и

стала ждать. Я думала, что придет Нарайяна, и хотела задушить его; но вместо него явились вы, мой спаситель и благодетель! Моя признательность вам окончится только с моей смертью...

Лилиана схватила руку Супрамати, и прежде чем он мог помешать этому, прильнула к ней губами.

– Бедное создание! Я понимаю, сколько вы должны были выстрадать, – с участием сказал он, быстро отнимая руку. – Не преувеличивайте мои заслуги и не проклинаяте Нарайяну! Он тоже, несомненно, много страдал и к тому же ныне он предстал пред страшным божественным правосудием, которое не оставляет безнаказанным ни одного преступления. Теперь же, дорогая мисс Лилиана, оставим прошлое и подумаем лучше о будущем.

Что думаете вы делать? Этим вопросом я не хочу сказать, что предлагаю вам труд для добывания средств к жизни; нет, я настолько обеспечу вас, что вы будете вполне независимы, но человек не может жить, не имея полезного занятия и определенной цели. Такой труд, будь это для собственного блага или для блага ближних, вы не должны презирать, мисс Лилиана. Праздность – мать всех пороков, труд же – друг и поддержка человека во всех испытаниях жизни.

По мере того как он говорил, яркий румянец разливался по лицу молодой женщины. Гнев и досада звучали в ее голосе, когда она нерешительно отвечала:

– Что же я могу делать? Я ничего не знаю, даже не умею прилично читать и писать, так как моя мать всегда говорила мне: когда обладают такой красотой, как ты, то не работают, а живут любовью.

– Такие безнравственные слова и мнения не делают чести вашей матери. То, что она называет «любовью», есть не что иное, как торговля собой. Но скажите мне, мисс Лилиана, неужели на вас не произвело никакого впечатления перенесенное вами ужасное испытание? Неужели в течение долгих часов одиночества, физических и нравственных мук вы не размышляли о ничтожестве распутной жизни, полной унижительных удовольствий, о нравственном унижении всегда находиться в зависимости от каприза легкомысленных и порочных людей, из которых никто искренно не любил вас, а Нарайяна менее других, так как под влиянием ревности он убил вас и бросил. Мне грустно говорить это, но мой покойный брат был страшный эгоист. Он никого и ничего не любил, кроме своего личного «я», совершенно поглощавшего его. Все должно было служить для его забавы, развлечения и удовлетворения его вкусов и капризов.

Я не могу поверить, что вы были счастливы, и надеюсь, что воспользуетесь жизнью, так чудесно возвращенной вам Богом, чтобы начать новое существование. Ваше воспитание было ужасно; учите же, развивайте свой ум и помогайте своим несчастным братьям облегчать истинную нужду – дело, приятное Всемогущему Господу.

Если вы хотите, я завтра же свезу вас к одной даме, которую искренно люблю и уважаю. Розали Беркэн – проста, добра и очень благочестива. Она будет вам сестрой, подругой и научит вас находить удовольствие в иных вещах, чем светская пошлость и общество распутных и циничных мужчин подобных Нарайяне или виконту Лормейлю, которые попирают ногами всякий долг, бросают своих жен...

– Разве принц был женат? – пробормотала Лилиана, которая слушала его то краснея, то бледнея.

– Да, Нарайяна был женат на очень умной и прекрасной, как ангел, женщине. Он бросил и пренебрег ею, чтобы гоняться за любовными приключениями и посещать кулисы, связавшись, к своему стыду, с виконтом и другими господами подобного же рода, которые употребляют свое безделье, служа на посылках актрис и на ссуженье деньгами актеров, под предлогом «почитания их талантов». Эти господа считают себя очень интересными, так как они порвали все с чувством долга, честью и совестью.

Со всем этим обществом мужчин и женщин, преждевременно увядшие и истасканные лица которых красноречиво говорят об их жалкой жизни, вам, мисс Лилиана, необходимо окончательно порвать, если вы хотите начать новую жизнь и выйти замуж.

Вы так молоды и красивы, что легко найдете честного человека, который полюбит вас ради вас самой, а семейная жизнь и дети создадут вам почтенное и полезное будущее. Поверьте мне: лучше быть законной женой честного буржуа, чем любовницей принца!...

Лилиана слушала его, опустил глаза. Руки ее нервно дрожали, а сердце чуть не разрывалось от гнева, горечи и чувства оскорбленного самолюбия. Она чувствовала, что Супрамати деликатно давал понять, что не возьмет ее в любовницы. Он спас ее и щедро обеспечивает ей независимое положение, но не желает обладать ею, а указывает ей другой путь – путь честной жизни. Сначала она мужественно боролась с волновавшими ее противоречивыми чувствами, а затем опустила голову на стол и разразилась рыданиями.

Супрамати с жалостью и участием смотрел на нее. Он понимал, что происходит в ее душе. Он знал, что нравился Лилиане и что в своей наивной распушенности она уже назначила ему роль Нарайяны, не допуская, в гордом сознании своей красоты, чтобы ею могли пренебречь. Супрамати же Лилиана не нравилась, он чувствовал только жалость к этой жрице наслаждений, проданной и развращенной с детства собственной матерью; но любить ее не мог, так как сердце его еще было полно Нурвади, нежным и любящим созданием – матерью его ребенка. Кроме того, долг приковывал его к Наре, а для удовлетворения чувственности достаточно было Пьеретты. Та была до такой степени заражена, что для нее невозможно было никакое нравственное возрождение. Лилиану же он хотел попытаться спасти. Разве Нарайяна не ввел в ее организм вещество, на неопределенное время приковавшее ее к земле? Если молодая женщина должна прожить планетную жизнь, то пусть эта жизнь будет, по крайней мере, спасительна и пусть она служит ее совершенствованию, а не влечет ее к бесконечному падению.

– До свидания, мисс Лилиана! – сказал он вставая. – Сегодня я не могу больше оставаться у вас, но, если вы хотите, я заеду к вам послезавтра и привезу Розали.

Лилиана, не поднимая головы, протянула ему руку.

– Приезжайте и привозите эту даму! Я постараюсь жить так, как вы этого желаете, – пробормотала она сдавленным голосом.

Супрамати горячо пожал ее дрожащую ручку.

– Благодарю вас! Вы не могли доставить мне большей радости, как начав новую жизнь. Я буду вдвойне счастлив, если, спасая ваше тело, спасу и душу.

Лилиана ничего не ответила и только еще сильнее заплакала.

Не пытаясь ее утешать, Супрамати тихо вышел из комнаты. Он чувствовал, что этими слезами начинается внутреннее возрождение Лилианы, и что она борется с собой, чтобы порвать с прошлым, полным стыда и порока, веселую дорогу которого так трудно покинуть. В такие минуты уединение – лучший помощник добра.

Как мог Нарайяна, имевший более глубокое и более ясное понятие об оккультном мире, вести беспорядочную жизнь, поощряя порок и кутежи?...

На другой же день по приезде в Париж, Супрамати написал Наре и просил у нее позволения приехать, чтобы решить вопрос о времени и подробностях их брака.

Письмо он адресовал в их дворец в Венеции и просил скорейшего ответа. Ответа еще не было, но он мог прийти с минуты на минуту, и Супрамати решил, что должен быть готов немедленно же ехать к Наре. Поэтому он спешил как можно скорей повидаться с Розали и добиться ее согласия заняться Лилианой.

На следующий же день он отправился к госпоже Беркэн и застал ее окруженной дюжиной маленьких девочек, которых она бесплатно учила читать, писать и шить.

Эта чудная женщина очень обрадовалась, увидя Супрамати, и тотчас же начала рассказывать, скольким нищим благодаря ему удалось ей облегчить участь и сколько искренних молитв возносится к небу, призывая на него Божие благословение.

– Я приехал к вам просить вас помочь одному бедному созданию, – сказал он, дружески пожимая протянутую ему руку. – Бедняжка, которую я хотел бы доверить вам, не нуждается ни

в хлебе, ни в одежде, но она не имеет никакого понятия о нравственности. Это

несчастное создание было заброшено с детства, и родная мать толкнула ее на путь порока. Я хотел бы, чтобы вы помогли мне оторвать ее от самого позорного ремесла. Мне кажется, что у мисс Лилианы Робертсон добрая натура, только никто никогда не направлял ее к добру. Она только что перенесла очень тяжелое испытание, душа ее смущена и потрясена. Я полагаю, что это – благоприятная минута, чтобы попытаться вывести ее на другую дорогу. Несомненно, вам потребуется много терпения, но я достаточно знаю вас и уверен, что вы не отступите перед этим.

– Можете быть уверены, принц, что я сделаю все возможное, чтобы вывести молодую женщину на путь добра, и если только она доступна раскаянию, то усилия мои увенчаются успехом. Вы дадите мне священное поручение, и я глубоко благодарна вам за это.

Они условились, что на следующее утро Супрамати заедет за ней и отвезет ее к Лилиане.

Смущенная Лилиана с волнением приняла посетительницу, но доброе и спокойное лицо госпожи Беркэн и ее ясный и добрый взгляд, видимо, произвели на нее благоприятное впечатление. С милой откровенностью Лилиана объявила, что с благодарностью принимает советы и дружбу великодушной покровительницы всех обиженных, про которую принц говорил ей так много хорошего.

Видя, что между ними устанавливаются такие хорошие отношения, Супрамати удалился.

Глава одиннадцатая

Прошло около двух недель. Из Венеции не приходило никакого ответа, и это молчание наполняло сердце Супрамати беспокойством и досадой. Он был в отвратительном расположении духа, не давал виконту таскать себя по празднествам, которые тот изобретал для его развлечения и собственной пользы, и выказывал самое оскорбительное равнодушие к игре Пьеретты в Альказаре.

Та бесилась, а виконт и его друзья были возмущены, и в интимном кружке не жалели «лестных» эпитетов набобу. Одно утешало их: Супрамати позволял выманивать у себя всевозможные подарки, которые виконт подносил от его имени своим знакомым театральным знаменитостям. Однажды, когда Лормейль деликатно намекнул ему на свои долги, которые отравляют ему жизнь и в которые он вошел вследствие несчастного стечения обстоятельств, Супрамати подарил ему весьма значительную сумму денег.

Наконец, нетерпение Супрамати достигло своего предела и он решил, если через три дня не получит известия от Нары, лично ехать в Венецию, чтобы узнать о причинах столь долгого молчания.

Однако вечером, в тот же день, когда он уже собирался ложиться спать, ему доложили, что прибыл человек с письмом к нему.

С понятным волнением Супрамати вскрыл письмо. Письмо было от Нары и содержало следующее:

«Я не спешила ответить вам, предполагая – и не без основания, – что вы не умираете от нетерпения видеть меня. Я не запрещаю вам приехать; приезжайте, если хотите. Только, ради Бога, не приносите жертву во имя долга. Если пребывание в Париже вам нравится, если вас забавляет веселое общество, в котором вы живете, – оставайтесь! Я нисколько не обижусь на это. Я привыкла на все смотреть снисходительно и в этом отношении в качестве жены Нарайяны прошла уже хорошую школу.

Письмо это я посылаю с верным гонцом и прошу вас через него же передать мне ваш ответ.

Я знаю, что это – анахронизм, но по старой привычке придерживаюсь этого способа переписки, считая его более верным и удобным, чем через посредство почты.

До свидания! От вас зависит, скоро ли оно состоится или нет.

Нара».

Это послание пробудило в Супрамати самые смешанные чувства и заставило его решиться ехать на следующий же день с утренним поездом.

Сообразно с этим он позвонил в шесть часов утра своему камердинеру, объявил ему, что через два часа уезжает, и приказал тотчас же уложить необходимые вещи.

Затем он приказал позвать секретаря и велел ему ехать с поездом, который отходит через два часа, так как этого времени было вполне достаточно, чтобы устроить все дела на время его отсутствия.

Супрамати запретил кому бы то ни было говорить, куда он едет, так как боялся, что виконт полетит за ним, на что тот был вполне способен.

Супрамати сел в купе в наилучшем расположении духа и раскрыл журнал. Не без лукавого самодовольства думал он о разочаровании виконта, когда тот узнает об его отъезде.

Уже в течение нескольких дней эта достойная особа настаивала на большом празднике, который необходимо было дать в честь великого трагика Пенсона, праздновавшего десятилетний юбилей своей артистической карьеры. Само собой разумеется, что набоб должен был, по этому случаю поднести артисту подарок.

Кроме того, виконт намеками дал ему понять, что у него есть еще значительные долги, которые Супрамати мог бы когда-нибудь заплатить.

Как ни щедр был принц и какое удовольствие ни доставляло ему облегчать истинную нужду, но к этому забулдыге, не брезгавшему никакими средствами для удовлетворения своего мотовства, он не чувствовал никакой жалости. Супрамати давно уже понял, что празднества, устраиваемые от его имени, и покупки многочисленных подарков, которые заставляли его делать, давали виконту солидный доход.

Что же касается Пьеретты, то она до невозможности надоела и опротивела ему, и только ее назойливость, да его собственное отвращение к трагическим сценам, которые, несомненно, сопровождали бы официальный разрыв, мешали ему порвать с ней всякие отношения. Его же отъезд окончательно избавлял его и от Пьеретты, что было тоже очень приятно.

Поезд уже в течение двух часов уносил Супрамати из Парижа, когда виконт проснулся. Лормейль был в отвратительном расположении духа. Накануне вечером ему адски не везло в клубе, и он проиграл большую сумму, данную ему принцем для ликвидации его долгов. Сейчас же снова занимать деньги у принца было неловко.

К счастью, завтра был день именин Пьеретты и юбилей Пенсона. По этому случаю готовился большой пир. Это поправит немного его дела.

Тщательно одевшись, он сел в свой экипаж, прежде всего заказав на завтрашний день большой букет и лукулловский ужин. Затем он приказал везти себя в отель принца, в вестибюль которого вошел как свой человек. Но едва он вошел, как с удивлением остановился при виде беспорядка, который царил в доме набоба в такой неурочный час.

Швейцар Себастиан стоял в домашней жакетке среди вестибюля и громко беседовал с женой, занятой в своей комнате, дверь которой была настежь открыта. На ступеньках лестницы играли с кошкой две маленькие дочки швейцара; на полу валялся мяч.

— Что это значит, Себастиан? Разве сегодня принц так долго спит, что вы даже в первом часу находитесь здесь в патриархальном костюме? — строго спросил виконт.

Швейцар, не заметивший, как виконт вошел в открытую дверь, быстро обернулся и почтительно поклонился.

— Ах, господин виконт! Его светлость уехал сегодня в семь с половиной часов и увез с собой господина Тортоза, а в десять часов за ним последовал его секретарь

— А куда уехал принц? Как долго продлится его отсутствие? — спросил бледнея Лормейль.

— Этого никто не знает, но предполагают, что случилось что-нибудь особенное, так как вчера уже после полуночи приехал человек с письмом, которое Жак тотчас же передал его светлости, несмотря на позднее время. Кто этот посол, откуда он прибыл, — этого мы не могли узнать, так как он был очень молчалив. Его светлость приказал отвести ему отдельную комнату и подать хороший ужин. Сегодня он увез его с собой. В шесть часов принц позвал Жака и приказал ему уложить вещи. Все сделалось в мгновение ока. Секретарь передал управляющему приказание запереть комнаты, так как отсутствие принца продолжится

неопределенное время. Весь же личный состав прислуги оставлен до нового распоряжения. Все люстры и картины сегодня же будут завешены.

Виконт побледнел, чувствуя, что у него подкашиваются ноги.

– Он не оставил мне письма? – пробормотал он сдавленным голосом.

– Нет, господин виконт! Оставлена только записка госпоже Розали Беркэн, вдове...

Виконт бешеным жестом прервал его и почти бегом выбежал к экипажу. Он задыхался. Не негодяй ли этот «противный индус», что скрывается, никого не предупредив и даже не оставив записку своему лучшему другу! Нарайяна никогда не поступал так. Ему всегда можно было откровенно поверить свои денежные затруднения, он понимал с полуслова и помогал не считая, а это чудовище...

Вдруг у него появилась мысль, что, может быть, Супрамати написал Розали Беркэн, куда он едет. Не теряя ни минуты, он поехал к вдове.

Та получила записку, но в ней, по ее словам, принц извещал только, что уезжает на неопределенное время, и объявлял, что увеличил ей ежемесячную сумму, которую ассигновал на благотворительные дела.

Как пьяный, вернулся виконт к экипажу. Голова у него кружилась, и он проклинал себя за то, что играл вчера. С той суммой, какая исчезла на зеленом поле, он мог бы устроить все свои дела. Что с ним будет? Его главный кредитор не хочет больше ждать и продаст его лошадей, экипаж и мебель. Скандал выйдет громадный!

Несмотря на свои ярость и страх, он заехал к цветочнице и к содержателю ресторана и отменил заказанные букет и ужин. Затем он вернулся домой и заперся в своем кабинете, запретив беспокоить себя. Он хотел быть один, чтобы подумать, как вырваться ему из этого капкана. Никогда еще он не находился в таких критических обстоятельствах, так как рассчитывая на карман Супрамати, тратил без меры.

Бледный, с дрожащими губами, ходил он по своему кабинету. Ему пришло в голову отправиться к своему кредитору и попросить его подождать возвращения принца, уехавшего па несколько недель; по его возвращении он, Лормейль, получит большую сумму денег, которую ссудил Супрамати. Но он сам признавался себе, что предлог был плох и более чем сомнительно, чтобы хитрый еврей поверил басне, будто бы набоб занял у разорившегося человека.

Наконец он сел к бюро, чтобы подсчитать все свои долги. Перебирая в ящике различные бумаги, он заметил записку, писанную рукой Супрамати. Сначала он машинально пробежал ее, а затем яркий румянец разлился по его лицу. Может быть, в этой неожиданной находке заключается его спасение?

«Дорогой виконт! – писал Супрамати. – Выберите у Мерено несколько вещей для Пьеретты. Счет пришлите в отель. По нему будет уплачено, как только вернется мой секретарь».

Следовала подпись, но число не было проставлено. На этом-то обстоятельстве виконт и основал план, зародившийся в его уме.

В действительности эта записка была написана два года тому назад, во время пребывания Супрамати в Париже; но обстоятельства так великолепно слагались, что ни у кого не могло появиться ни малейшего сомнения.

Взвесив еще раз все обстоятельства, виконт, не теряя времени, поехал к ювелиру, который был поставщиком Супрамати или, вернее, у которого Лормейль покупал для него подарки, раздаваемые, по его наущению, набобом направо и налево.

Он выразил желание видеть самого хозяина магазина и с равнодушным спокойствием показал ему записку.

– Я получил эту записку вчера, но ночью принц получил важные известия, заставившие его уехать. Дело идет о наследстве. Вернется он через несколько недель и, конечно, будет глубоко сожалеть, если его неожиданный отъезд лишит мадемуазель Пьеретту предназначенного ей подарка. Поэтому я приехал спросить вас, не согласитесь ли вы отпустить мне несколько вещей; а счет, само собой разумеется, вы отошлете к управляющему

принца. Впрочем, если вы боитесь отпустить вещи, то мы подождем его возвращения, – прибавил виконт, пряча записку обратно в бумажник. – Только, я полагаю, принц будет очень удивлен вашим недоверием после таких больших покупок, какие он у вас делал.

– Что вы говорите, виконт? Было бы смешно не верить. Одно имя принца стоит золота. Потрудитесь выбрать и впредь не оставляйте меня без вашей протекции.

Очень довольный, Лормейль выбрал прекрасный убор из жемчуга и рубинов и, получив комиссионные, уехал, увозя с собой приобретенную вещь.

Не веря самому себе, вернулся он домой, чтобы подсчитать, сколько самых важных векселей можно погасить деньгами, вырученными от продажи этой драгоценности, о существовании которой Пьеретта никогда не должна была узнать, но... человек предполагает, а Бог располагает. На этот раз судьба была против бедного виконта.

Около часа спустя после отъезда виконта в магазин Мерено вошла Пьеретта.

Актриса хотела купить несколько недорогих вещей для своей кухни, выходявшей замуж. Так как достойная Пьеретта была настолько же скупа к другим, насколько великодушна и щедра к самой себе, то она придумала сделать выбор у поставщика Супраматти, рассчитывая, что по отношению к фаворитке такого клиента он будет очень сговорчив. Ювелир, знавший актрису, очень любезно принял ее и с лукавой улыбкой показал счет, приготовленный для отсылки в отель принца.

«А! – подумала восхищенная Пьеретта, – он хочет смягчить мой гнев, вызванный его непозволительным пренебрежением, и заключить мир».

Вдруг у нее явилась новая блестящая идея: воспользоваться раскаянием Супраматти и заставить его заплатить за подарки, предназначенные ее кухне. Поэтому вместо кольца в пятьдесят франков она выбрала прелестную брошку в триста франков и сказала небрежным тоном:

– Прибавьте эти безделушки к счету, который вы посылаете. Я отвечаю вам, что принц не будет протестовать.

Очень довольная выгодным делом, позволявшим ей ослепить бедную родственницу, не истратив ни сентима, Пьеретта вышла из магазина.

Вдруг она вздрогнула и побледнела. А что если виконт опять подменит рубины стеклом? Может быть, он уже готовится выкинуть эту штуку. Нельзя оставлять это дело до завтра.

Пьеретта бросилась в свой экипаж и приказала везти себя к виконту. Может быть, она приедет еще вовремя, чтобы спасти рубины!

– Подожди же, каналья! Если ты только сделал эту гадость, то конец моему терпению: я без всякой жалости выдам тебя Супраматти! – проворчала она.

Когда виконту доложили о приезде актрисы, он подумал, что она узнала об отъезде принца и приехала получить более подробные сведения, и поэтому решил принять ее очень сухо. Но каковы были его удивление, ужас и бешенство, когда Пьеретта еще с порога закричала:

– Я знаю, что Супраматти уехал, но, как всегда, подумал обо мне. Я приехала за убором из жемчуга и рубинов, который он поручил вам передать мне. Сейчас же отдайте мне его! Ювелир сказал мне, что вы увезли его, и я приехала за ним.

Виконт был бледен, как смерть. Губы его нервно дрожали, а кулаки невольно сжались. Им овладело безумное желание задушить бесстыдную кокетку, хотевшую отнять у него последний якорь спасения. Но он сумеет защититься!

Смерив Пьеретту ледяным и дерзким взглядом, он с презрением сказал:

– Вы слишком поторопились со своим требованием. Этот убор предназначался вовсе не вам, а другой женщине, имя которой я не имею права назвать.

При этом неожиданном ответе она выпрямилась и глаза ее засверкали. Подбоченясь, она с угрожающим видом подошла к своему противнику. Пьеретта уже совершенно забыла, что она – артистка и будущая принцесса, в ней проснулась со всей своей наглой грубостью дочь прачки, выросшая на улице.

– Предназначен другой женщине, имя которой тайна? Ха, ха, ха! Шутка хороша! –

проворчала Пьеретта. – Нет, вот я так открою тебе тайну – тайну твоей поездки в Лион для обмена изумруда и бриллиантов на стразы при помощи жида Кнаквурста. У меня в руках, виконт, все доказательства мошеннической проделки, и я отдам вас под суд. Негодяй! Разбойник! Ты хочешь украсть у бедной женщины то, что она заработала честным трудом?! Нет, это переходит всякие границы! Сейчас же отдай вещь, предназначенную мне! Ведь не вы, надеюсь, любовница и будущая супруга Супрамати? Иначе я раскрою все ваши бесчестные поступки. Неужели вы думаете, что я не видела, как вы подняли золотую запонку с солитером, которую потерял принц и которую вы присвоили? Я молчала, чтобы не погубить вас. Если вы сейчас же не вернете мне мою вещь, то терпение мое лопнет...

Видя, что попался, и понимая, что ему не избавиться от Пьеретты, он открыл ящик бюро, вынул убор и бросил его в лицо актрисы.

– На, презренная негодница! Пошла вон и не смей никогда приходить ко мне! Но знай, что с подарками Супрамати кончено навсегда.

Футляр ударил в лицо Пьеретты, и у нее из носа брызнула кровь.

– Чудовище! Разбойник! Ты хотел обворовать меня, а теперь хочешь убить! – вопила она.

– Убирайся, пока кости целы! – рычал Лормейль. Но Пьеретта уже бросилась на него со сжатыми кулаками.

– Подожди же, негодяй, шантажист, уличный виконт!

С этими словами Пьеретта дала ему здоровую пощечину.

– Прочь, ночной шакал, жрущий одну падаль, или я не отвечаю за себя! – кричал виконт, стараясь стряхнуть Пьеретту, которая, как пантера, впилась в него.

Вдруг она сама бросила его и, подняв футляр, выбежала из комнаты. Затем она вновь приотворила дверь и крикнула:

– Один только раз в жизни имела дело с падалью – это тогда, когда была твоей любовницей. Но после того, что здесь произошло, ты можешь быть уверен, что я пошлю тебя на каторгу...

Дверь с шумом захлопнулась, а виконт бессильно опустился в кресло. Лицо его было исцарапано, галстук сорван. В соседней же комнате слышались шаги Пьеретты, убегавшей со своим так дорого добытым сокровищем.

– О, ехидна! Как мне раздавить тебя, чтобы ты никого больше не кусала? – рыдал виконт, расшатанные нервы которого не выдержали подобной встряски.

Он закрыл в отчаянии лицо руками и горько заплакал.

Если бы Супрамати знал, какая драма разыгралась между его друзьями, то, конечно, пожалел бы виконта, но он ничего не подозревал и спешил только добраться до Венеции.

Вернувшись домой, Пьеретта мало-помалу успокоилась. Зеркало убедило ее, что ее нос не очень пострадал, а осмотр убора положительно привел ее в восхищение. По мере того как улучшалось ее расположение духа, утихал ее гнев на виконта.

Мучили ее только слова Лормейля относительно другой женщины. Правда, она никогда не замечала, чтобы Супрамати ухаживал за кем-нибудь, но ведь соперница могла принадлежать к тому миру, куда Пьеретта не допускалась. И кто знает? Может быть, вся история об отъезде принца не более как простая выдумка.

Под влиянием ревности она решила все разузнать и в тот же вечер послала камеристку навести справки.

Узнав из верного источника, что принц действительно уехал и вернется не так-то скоро, Пьеретта решила временно заместить его кем-нибудь. Она не хотела также окончательно ссориться с виконтом, который хотя и был совершенно разорен, однако мог вредить ей; с другой стороны, он мог быть ей полезным, как это уже не раз бывало. Но как помочь ему? После зрелого размышления она остановилась на одном плане, примирившем их интересы.

Главным кредитором виконта был барон Меркандье, о котором уже раньше было говорено. Этот еврей был в одно и то же время и банкир, и промышленник, и ростовщик. Он серьезно влюбился в Пьеретту и настойчиво преследовал ее; но красивая актриса была сурова

к бедному Меркандье и насмеялась над маленьким черномазым человечком с крючковатым носом, осмелившимся соперничать с красавцем Супрамати.

Пьеретта впервые серьезно подумала об этом настойчивом обожателе. На несколько недель можно было одарить своей благосклонностью этого дурака с туго набитым карманом, а потом выкинуть за дверь, как только найдется кто-нибудь получше, и ей удастся добиться отсрочки выплаты по векселю для виконта.

Обдумав все, Пьеретта перечла еще раз пылкое письмо, которое два дня тому назад вместе с чудным букетом прислал ей Меркандье; затем она написала ему любезную записку, приглашая банкира провести у нее вечер.

Пьеретта нарядилась в чудный пенюар и надела массу бриллиантов. Она хотела выставить напоказ щедрость принца Супрамати и вызвать в Меркандье чувство соревнования.

Банкир приехал весь сияя, а любезный прием Пьеретты окончательно привел его в восхищение. Они приятно провели вечер и весело поужинали. Когда Меркандье выпил еще стаканчик ликера, которым Пьеретта обыкновенно угощала своих интимных друзей, он почувствовал себя вдвойне опьяненным. Обняв за талию красивую актрису, он нежно спросил:

– Если ты имеешь, малютка, какое-нибудь желание, то доверь его мне – и... оно будет исполнено. Пьеретта дружески похлопала его по щеке.

– Я не торгую собой и не продаю свою любовь. Ты это должен бы знать. Если же ты хочешь предложить мне какую-нибудь безделушку на память об этом счастливом вечере, то купи мне веер слоновой кости, отделанный бирюзой, который я видела на улице Мира. Это я позволяю, чтобы сделать тебе удовольствие. Если же ты хочешь доставить мне большое удовольствие, то отсрочи уплату по векселю бедному виконту Лормейлю, который находится в очень стесненном положении. Принц Супрамати, видишь ли, уехал раньше, чем виконт мог попросить у него сумму, необходимую для уплаты тебе по векселю, и принц не отказал бы ему ввиду громадных услуг, оказанных ему виконтом, и связывающей их дружбы. Без сомнения, Лормейль – негодяй, но он очень услужлив и обязателен. Не следует душить его из-за суммы, которая для такого богача, как ты, составляет сущие пустяки. Ну, что же? Будешь ты добр? Дашь ты ему отсрочку до возвращения принца?

– Я сделаю все, что ты желаешь, моя царица, и отсрочу уплату виконту на такой срок, какой ты сама назначишь, – любезно ответил Меркандье.

Не теряя времени, Пьеретта принесла бювар и вложила перо в руку барона.

– Твоя царица желает, чтобы ты не откладывал свое великодушное решение, – кокетливо сказала она.

Меркандье послушно написал продиктованную ему любовницей записку следующего содержания:

«Дорогой виконт! Не беспокойтесь о своих векселях. Я понимаю, что иногда бывают затруднительные положения и потому даю вам отсрочку до тех пор, пока вы не будете в состоянии уплатить мне, не стесняя себя».

«Надо как можно скорей отослать виконту эту добрую весть, – подумала Пьеретта. – Несмотря на все, мне будет очень тяжело, если он сделает покушение на свою жизнь».

Как только Меркандье уехал, Пьеретта написала следующую записку:

«Неблагодарный шалун! Вы не заслуживаете моего участия, но я лучше вас и воспользовалась своим влиянием на Меркандье, чтобы добиться для вас отсрочки уплаты до возвращения Супрамати».

Несмотря на поздний час, она тотчас же отослала с горничной записку виконту.

После ухода Пьеретты Лормейль был в каком-то апатичном, полном отчаяния состоянии. Он никуда не выходил и никого не принимал у себя. Виконт не хотел, чтобы видели его исцарапанное лицо и, кроме того, его действительно преследовала мысль о самоубийстве, так как он не находил никакого выхода из своего отчаянного положения.

Поэтому понятно, какое действие произвела на него записка Пьеретты с приложенным к ней письмом Меркандье. В одно мгновение ока к нему вернулись его наглый апломб и вся его

пошлая беззаботность.

– Она поняла, негодяйка, какое зло причинила мне, и дрожит, чтобы я не повредил ей у Супрамати. Честное слово, я погубил бы ее, не устрой она мне отсрочки.

Когда на следующее утро радостный и веселый виконт обильно позавтракал, он стал размышлять, что следовало бы ответить Пьеретте, – как бы то ни было, она ему полезна, – и, по меньшей мере, нужно послать ей красивую бонбоньерку в знак благодарности. Но красивые бонбоньерки стоят дорого, а у виконта не было денег.

Вдруг у него появилась блестящая идея. Он вспомнил про великолепный ящик из раковин, отделанный золотом и миниатюрами, писанными одним из современников Буше.

Этот ящик уже служил раз бонбоньеркой. Виконт поднес его своей невесте в день их обручения; но виконтесса, покидая супружеский дом, или забыла, или добровольно оставила бонбоньерку, напоминавшую ей самый роковой день в ее жизни.

Без малейшего угрызания совести, не сознавая даже всего цинизма своего поведения, виконт достал ящик и послал лакея за конфетами, шелковой бумагой и голубыми лентами. Убрав свою посылку, он отослал ее со следующей запиской:

«Ваше поведение по отношению к старому другу и дворянину гнусно. Слово жестоко, но я настаиваю на нем и пусть это будет вашим наказанием. Но истинная дружба все переносит и прощает. Я ценю ваше доброе побуждение и благодарю вас. Пусть прошлое будет забыто!»

– А теперь надо пуститься на поиски за этим негодным хитрецом Супрамати. Чтобы наказать его за неделикатное бегство, я заставлю его заплатить вдвое! – проговорил виконт.

Пока в Париже происходило только что описанное нами, Супрамати приехал в Венецию. У входа во дворец его встретил один только управляющий, который доложил ему, что Нара проводит вечер у знакомых, и провел его в бывшие комнаты Нарайяны.

Узнав еще, что Нара вернется, вероятно, очень поздно, Супрамати решил отложить свидание с ней до завтра и приказал подать себе ужин, а потом ушел в кабинет.

Когда он остался один, воспоминания толпой осадили его. Он вспомнил первую ночь, проведенную им здесь, и то стеснение и нерешительность, с какими он старался играть свою роль. Теперь он привык ко всему этому. Он чувствовал себя принцем и миллионером. Скромное и бедное прошлое побледнело, перестало быть действительностью, а бесконечное будущее, расстилавшееся перед ним, наполняло его душу каким-то странным чувством двойственности: эта долгая жизнь то казалась ему драгоценным даром, то пугала его, как какая-то неизвестная опасность. Его пугало все, что он должен был узнать, изучить и победить, чтобы из ничтожного доктора с узким горизонтом превратиться в колдуна или *мага*.

Он уже соприкасался с необыкновенными, удивительными тайнами, не считая самой темной, самой ужасной и скрытой от людей – тайны эликсира жизни.

Тайну эту отвергали и осмеивали как нелепый бред, как детскую утопию средневековых алхимиков; а между тем это была действительность. Он убедился в этом на себе лично, на Нарайяне, на Наре, на Эбрамаре, на Тортозе и на многих других.

Воспоминание о Наре дало другое направление его мыслям. Супрамати взял на бюро фотографическую карточку молодой женщины и погрузился в созерцание очаровательного личика и больших глаз, которые смотрели на него как живые.

Его снова охватило то очарование, какое производило на него присутствие Нары, а убеждение, что это странное и чарующее создание принадлежит ему, заставило усиленно биться его сердце. Приключения двух протекших лет, даже все сомнения и страх перед будущим, – все изгладилось в чувстве гордого самодовольства и сознания, что он бессмертен и муж Нары.

Проснулся он довольно рано. Лакей Грациозо доложил ему, что Нара ждет его к первому завтраку.

С того времени, когда он боялся опоздать в клинику, Супрамати ни разу еще не одевался так скоро. Он был готов за одну минуту, и Грациозо повел его в комнаты Нары, которых он еще не знал.

Он сгорал от нетерпения, совершенно позабыв, что возвращался далеко не безупречным

мужем. Впрочем, что до этого! Разве не было у него в распоряжении средство мужей всех времен: лжи и надежды, что «она» не подозревает о его похождениях.

Наконец слуга поднял тяжелую портьеру из синего бархата и скромно удалился, Супрамати вошел в будуар Нары. Это была большая комната в стиле ренессанса. Посредине комнаты, на столе с резными ножками, был сервирован завтрак на две персоны. У широкого открытого окна, выходящего на канал, сидела Нара на маленьком диване.

На ней было надето утреннее белое батистовое платье. Она задумчиво смотрела на канал, который бороздили лодки. При входе Супрамати молодая женщина обернулась; ее большие, блестящие глаза насмешливо взглянули на него, и он сильно покраснел. Не замечая протянутой ему руки, он сел рядом с ней на диван, привлек ее в свои объятия и поцеловал в губы.

Нара не сопротивлялась, но и поцелуя не вернула. Затем, ловко выскользнув из его объятий, она с усмешкой сказала:

– Я вижу, дорогой доктор, что вы прошли хорошую школу, не имели недостатка в практике и научились смело обращаться с дамами.

– Вы глубоко ошибаетесь! Напрасно вы такого дурного мнения обо мне, – пробормотал Супрамати.

Нара встала и перешла к столу. Она взяла чашку и подала ее своему гостю.

– Вот ваш шоколад, дорогой Супрамати! Кушая эти сандвичи, послушайте то, что я скажу вам. Все мужчины, когда наделают глупостей, стараются прикрыть их целою сетью более или менее ловкой лжи. Это общечеловеческая слабость. Но ни одно существо на свете не лжет столько, сколько «муж», так как измена – это специальность людей этой категории. Я не стану анализировать, что побуждает их изменять, как только они не находятся на глазах женщины, будь то жена или любовница. Но факт неоспорим: никто не злоупотребляет так ложью, как эти господа, у которых рыльце всегда в пуху и которые, подобно страусу, воображают, что когда голова спрятана, то остального не видно.

– Сравнение не очень лестно; но что касается меня... Нара перебила его.

– Ради Бога, не лгите! Разве я спрашиваю у вас отчета в ваших поступках? Я сама дала вам свободу. Нашли ли вы хоть одно мое письмо с упреком в ящиках Нарайяны? Тогда я имела право требовать, но не пользовалась этим правом. Разве требуют то, что потеряло всякую цену? Я знаю, что есть женщины, которые со слепой настойчивостью цепляются за мужчину, хотя давно бы должны были потерять всякое уважение к нему. Я извиняю их, так как это женщины смертные, короткая жизнь которых не дает им вкусить полного отвращения к мужьям и окончательно похоронить все иллюзии и ревность.

– Ревность – это слабость, часто ни на чем не основанная, – заметил Супрамати.

– Вы ошибаетесь, мой друг! Ревность – это барометр любви. Когда жена перестает ревновать, хладнокровно смотрит на соперницу, которой муж отдает свое сердце и время, и не интересуется переменами, происходящими в гареме мужа, – это верный знак, что любовь умерла, и что нет надежды ее воскресить. Ревность – это боязнь потерять то, что дорого, и пока она таится под пеплом,

любовь может еще воскреснуть; но если умерла ревность, ничто уже не оживит образ любимого существа, не окружит его ореолом и не заставит сердце биться сильнее при его приближении. Равнодушие – это надгробный памятник на могиле любимого существа.

– Нара! – вскричал смертельно побледневший Супрамати. – Неужели вы уже до такой степени презираете меня, что перестали любить?

Легкая улыбка скользнула по лицу молодой женщины. Она покачала головой и ответила:

– В ваших словах сквозит все мужское тщеславие. Но успокойтесь, Супрамати, я не могу перестать вас любить, так как я еще не любила вас.

Человека любят не за одну его красоту. Внешность предрасполагает, правда, но она далеко не талисман, создающий любовь. Истинную привязанность надо приобрести и чем-нибудь заслужить; только у животных инстинкт заменяет качества сердца и ума и удовлетворяет обе стороны. Признаюсь, настоящее общество почти подходит под это

определение, и ему достаточно инстинкта для удовлетворения своих требований в деле любви. На добродетель уже не смотрят как на основу счастья. Мужчины считают ее смешной, присущей только маньякам, а для женщины добродетель обязательна только до тех пор, пока она удовлетворяет животной ревности мужчины, но ее вовсе не ценят, и на добродетельную женщину смотрят, как на глубоко ограниченную натуру.

Однако ходячее мнение не может быть приложимо к вам, человеку развитому и стоящему на пороге посвящения. Вы не ослеплены, как Нарайяна, роскошью и тщеславием. Вы должны понимать, что два развитых существа не могут любить друг друга только потому, что их толкает на это инстинкт, но должны основывать свою привязанность на взаимном уважении.

Я хотела бы вас любить и уважать, но только не таким, каким вы вышли из школы Пьеретты.

Видя, что яркая краска залила лицо Супрамат, Нара прибавила:

– Вам, конечно, не понравилось то, что я сказала. Мужчинам противны женщины, которые позволяют себе судить их, анализировать их качества и ясным, равнодушным взглядом видят их слабости. Я испытывала это с Нарайяной, который, несмотря на свое бессмертие и обрывки приобретенного знания, был ограниченный, себялюбивый, чувственный и пропитанный тщеславием. Ему нравилась его таинственная роль, и вместо того чтобы развивать свой ум и обострять чувства, он питал в себе только человеческого «зверя», который, в конце концов, и пожрал его.

Супрамат опустил голову, и яркий румянец залил его лицо. Ему было стыдно перед этой умной и наблюдательной женщиной за сказанную им фразу, которой он так наивно выдал свое тщеславие.

Он действительно ничем не заслужил любви Нары, напротив, своим небрежным промедлением он мог пробудить в ней злобу и оскорбить ее самолюбие.

– Вы, Нара, строгий судья, и ваши слова острее бритвы, – сказал он после минутного молчания. – Я не отрицаю, что ваша отповедь заслужена мной, и я глупо употребил свое время. Я не любил; но, как вы выразились, позволил заговорить «инстинкту» – и меня удовлетворяло общество и любовь такого животного, как Пьеретта...

– Я не сужу вас строго, Супрамат, и не имею никакого желания обидеть вас. Я только научилась наблюдать людей и события. Время и размышление были моими учителями, и я не могла слепо и равнодушно пройти мимо окружающих меня тайн. Я изучала свойства первоначальной материи, научилась дисциплинировать свою волю и прошла посвящение.

Супрамат быстро выпрямился и с удивлением посмотрел на умное лицо молодой женщины.

– Отчего вы не сказали мне, что посвящены? Я бы выбрал вас своим наставником.

– Нет, вы сделали хорошо, выбрав Дахира. Женщина только несовершенно может наставить мужчину. Но если вы хотите, я буду сопровождать вас, стану помогать вам и буду вашим испытанием,

– Вы? Я не понимаю этого.

– Ну да,- я! В моем присутствии вы научитесь побеждать плоть и любить духовно. В данную минуту мои слова для вас темны, но настанет час, когда вы поймете меня и, надеюсь, по-

любите меня другим чувством, чем Пьеретту, – закончила она с лукавым взглядом.

Нара встала и прошла в соседний кабинет, куда за ней последовал и Супрамат.

– Вы, Нара, существо загадочное, – сказал он, садясь рядом с ней и целуя ее руку. – Расскажите мне свое прошлое или я прежде должен заслужить и приобрести ваше доверие? – Молодая женщина на минуту задумалась.

– В день нашей свадьбы я расскажу вам историю моей жизни, а также подробности смерти Нарайяны. Это будет страшный пример для вас.

– А когда вы назначите этот счастливый день? – спросил он, умоляюще глядя на Нару.

– По-настоящему, мне бы следовало отплатить вам долгой отсрочкой за то, что вы так

медленно спешили соединиться со мной. До сих пор вы, кажется, вовсе не торопились скорей отпраздновать этот «счастливый» день, – с насмешкой ответила Нара.

Заметив смущение и огорчение Супрамати, она прибавила: К счастью, я не злопамятна. Теперь, когда отдана должная честь памяти Нарайяны, мы вправе подумать о нашем будущем, и я считаю возможным назначить день нашей свадьбы через две недели. Кстати о браке: подумали вы, как устроить это дело? Вас все считают буддистом, а между тем вы, без сомнения, желаете, чтобы наш союз был освящен церковью.

– Признаюсь, мне было бы очень тяжело ограничиться одним только гражданским обрядом. Я до глубины души христианин.

– Я подумала об этом и распространила слух, что Нарайяна крестился и меня обратил в протестантизм! Это-то обращение и было будто бы причиной охлаждения между вами и вашим братом; но вы настолько уважаете мои христианские убеждения, что согласны, чтобы христианская церковь освятила наш брак. Итак, один протестантский священник, принадлежащий к свободной церкви, может обвенчать нас. Я знакома с ним и знаю, что он не откажет мне. Еще одно слово: сегодня вечером я приглашу к себе нескольких друзей и представлю им вас как своего жениха. Согласны?

– О, конечно! – ответил сияющий Супрамати.

– А теперь до свидания, до обеда! Мне еще нужно кое-куда съездить, – сказала Нара, протягивая ему руку,

Супрамати задумчиво вернулся к себе и стал размышлять о своем разговоре с Нарой. До сих пор при их свиданиях говорилось мало о любви, но много горьких истин, а между тем эта странная и умная женщина неудержимо влекла его к себе. Все, что она говорила, была горькая истина. Разве поколение, среди которого он жил, не было действительно лишено всяких идеалов и принципов? Семья, основанная на личной выгоде, расшатанная эгоизмом и распущенностью, не могла помочь такому положению дел. Живя среди родителей, вечно воюющих, или до такой степени равнодушных друг к другу, что они казались чужими, где же почерпнуть несчастным детям чувство любви и взаимного самоотречения, которое облагораживает человека и руководит им в жизни, внушая ему сознание долга и уважения к закону – не тому закону, который написан в «Своде», ибо человек всегда будет презирать «букву», безнаказанно воруя или распутничая, – а к закону совести.

Деморализация семьи всегда влекла за собой падение народов.

Ему невольно вспомнились слова Эбрамара о медленном, но неизбежном разрушении планеты, истощенной и разграбленной жадным человечеством.

Со смешанным чувством счастья и страха спрашивал он себя, какова будет его жизнь с выдающейся женщиной, дарованной ему судьбой, женщиной, которая изучила тайны и читала мысли? Минутами он почти боялся ее, до такой степени та казалась ему выше него. И еще раз он поклялся с жаром приняться за учение. Он не хотел, подобно Нарайяне, пасть жертвой законов, которые он мог вызвать, не будучи в состоянии управлять ими.

Вечером в салоне Нары собралось небольшое общество, принадлежавшее к высшему кругу Венеции, и хозяйка представила своим гостям Супрамати как своего жениха. Весть об их обручении никого не удивила. Всякий понимал, что молодая и красивая женщина не могла вечно оставаться вдовой, а ее брак с братом покойного мужа гарантировал ей все преимущества положения и состояния, которыми она пользовалась. Кроме того, он был достаточно красив, любезен и симпатичен, чтобы быть любимым. Что же касается Супрамати, то было вполне естественно, что он влюбился в такую очаровательную женщину.

Поэтому все почти искренно поздравляли помолвленных и желали им всяких благ. Затем было подано шампанское, и Нара пригласила присутствующих на свадьбу, назначенную через две недели.

– Только очень скромную, в самом интимном кругу, – прибавила молодая женщина. – Мой первый брак сопровождался шумом и помпой; повторение же такой торжественной церемонии пробудило бы во мне слишком грустные воспоминания.

Глава двенадцатая

Две недели промелькнули как во сне, и настал, наконец, день свадьбы.

Супрамати с часу на час становился все влюбленнее. Ум и красота Нары покоряли и опьяняли *его*; он даже не замечал того, что молодая женщина приобретала над ним все большее и большее влияние.

По желанию Нары, старый протестантский священник должен был освятить их брак перед алтарем, устроенным в большом зале и обставленным экзотическими растениями.

С волнующимся сердцем Супрамати преклонил колени на пурпурной подушке, рядом со своей невестой, которая никогда еще не казалась ему такой очаровательной.

И действительно, Нара была похожа на чудное видение, со своей длинной фатой и с гирляндой неизвестных цветов, похожих на лилии, только меньших размеров и с фосфоресцирующими чашечками. Лицо ее было серьезно и сосредоточенно. Супрамати показалось, что она с жаром молилась.

Вечер прошел весело. Гости, не подозревавшие, конечно, что сочетались двое «бессмертных», горячо желали новобрачным дожить до бриллиантовой свадьбы.

В десять часов приглашенные разъехались и молодые супруги разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться. Час спустя счастливый Супрамати шел в общую спальню, которую отделал с царской роскошью.

Это была большая комната, обитая белым атласом. Когда Супрамати вошел, Нара еще сидела перед кружевным туалетом. На ней был надет пеньюар из индийской ткани, с широкими открытыми рукавами, и камеристка кончала причесывать ее роскошные волосы, которые, подобно заблудившемуся лунному лучу, рассыпались шелковистой массой даже по ковру.

При входе мужа Нара встала, отпустила служанку и, сев на диван, с улыбкой протянула ему руку. Супрамати опустился на колени и страстно поцеловал молодую жену.

Нара возвратила поцелуй, а затем спросила с лукавым видом:

– Теперь, когда мы вторично обвенчаны, не желаете ли вы, чтобы я рассказала историю моей жизни, которая так интересует вас?

– Прежде всего, я не желаю больше слышать из твоих уст церемонного «вы». А затем, если говорить откровенно, сколь ни интересно мне твое прошлое, но я предпочитаю ему настоящее, и час любви – часу откровенности, – полусмеясь, страстно ответил он.

– Вот они, мужчины, во всем своем наивном эгоизме: удовлетворение своего личного «я» – всегда на первом месте, – ответила Нара, слегка краснея, что придавало особенную прелесть ее всегда бледному и прозрачному лицу.

Супрамати хотел ответить, но вдруг задрожал и побледнел. Ему показалось, что из-за драпировки высунулась голова, и черные глаза Нарайяны с дьявольской злобой глядят на него.

– Успокойся, Супрамати! Вид Нарайяны не должен пугать тебя, и в моем присутствии тебе нечего бояться, – сказала Нара, привлекая его к себе на диван.

Затем она встала и сделала в воздухе знак рукой. Тотчас же перед пораженным взором Супрамати появился, подобно лунному лучу, сияющий крест.

– Смотри! Вот знак белой магии, который служит непреодолимой преградой для всякого нечистого духа. Чтобы вызвать его, надо пройти, по крайней мере, первую степень высшего посвящения, – сказала Нара, садясь обратно на диван. – Колдун может создать только пентаграмму, которую маг носит на груди как видимый знак своей абсолютной власти над черной магией, побежденной крестом.

– Этот крест, говоришь ты, служит преградой для нечистых духов; но неужели же Нарайяна до такой степени *нечист*? И как ты узнала, что он явился мне? – пробормотал Супрамати, проведя рукой по своему влажному лбу.

– Я оккультно почувствовала его присутствие. Нарайяна был отъявленный преступник. С точки зрения науки, – он был колдун средней руки, но важный для подчиненных ему

элементарных духов, так как он обладал драгоценной эссенцией, которая могла оживлять их, давать им жизненность без телесного воплощения.

Нарайяна злоупотреблял телесной жизнью. Он не подчинялся ни посту, ни воздержанию, ни отдыху, необходимому для того, кто хочет покорить фаланги низших существ; он же хо-

тел без перерыва жить и наслаждаться и мог это делать, так как ему нечего было бояться утомления, а его неистощимый жизненный сок восполнял все потери, производимые излишествами и неумеренным возбуждением всех жизненных функций. Он мог смело расходовать жизненные силы, не боясь их истощения; но подобный избыток сил привлекал и возбуждал ларвов и страждущих духов, которых он привел в соприкосновение с собой вызываниями.

У Нарайяны физическая сила заменяла духовную, которой должен обладать даже колдун, если хочет покорить нечистую, тесно окружающую *его* свору. Таким образом, он уже одним своим присутствием возбуждал в низших и неочищенных духах все дурные инстинкты и неудовлетворенные страсти, которые еще звучат в их астральном теле.

Исходившие из него могущественные жизненные токи в некотором роде материализовали их, создавая вокруг него грозную армию, которая по пятам следовала за ним, цеплялась за него и увлекала его на всевозможные безумства, желая наслаждаться с ним и через него. Так как у Нарайяны не хватило энергии и терпения пройти суровую школу воздержания, которая сделала бы его господином этих дурных духов, то он стал их рабом и был доведен до невозможности бороться с ними. Чтобы избавиться от своих преследователей, он должен был умереть, приняв вторично жизненную эссенцию в смеси с разлагающейся кровью. И все-таки, вполне он умер только тогда, когда магический меч старейшего из братьев «Круглого стола вечности» окончательно пресек узы, приковывавшие его к телу.

– В таком случае и я, так же приняв эссенцию жизни, рискую подвергнуться такой же опасности? – со страхом спросил Супрамат.

– Да, если будешь вести такую же жизнь, как Нарайяна. Эссенция жизни, видишь ли, это – обоюдоострое оружие. Этот таинственный сок, одухотворенный воздержанием и дисциплиною чувств и воли, приобретает страшное могущество и может привести в действие силы и законы, о существовании которых ты даже не подозреваешь. Смешиваемый же постоянно с грубой материей, этот сок приобретает могущество грубое и тираническое, которое кончает тем, что уничтожает того, кто не сумел его подчинить себе.

Ты не понимаешь еще ясно того, что я сказала, так как не знаешь существ, скрывающихся от человеческого взора в эфире, который кажется таким прозрачным и чистым; но вспомни, что ты видел в старом замке на Рейне, когда так неосторожно ударил в медный диск в лаборатории Нарайяны. Когда видение исчезло, ты увидел, как вокруг магического, начерченного на полу круга ползали отвратительные существа, которые уничтожили бы тебя, если бы ты находился в обыкновенных условиях существования.

Нарайяна забавлялся вызыванием существ такого рода или других, более возвышенных, но колеблющихся и несовершенных, и устраивал с ними оргии, неизвестные смертным. Одаренная ясновидением, я видела эти отвратительные существа, которые питались могущественною жизненностью этого человека, вдохновляли его, наталкивали на преступления и наслаждались при его посредничестве.

Часто в одной из пустых зал своего дворца он собирал общество, состоявшее не из живых, а из мертвых; а иногда с присущим ему цинизмом он отправлялся ночью на одно из уединенных кладбищ. Там он зажигал на треножнике известные ароматы, смешанные с каплей таинственной эссенции, и забавлялся созерцанием того, как из-под могильных камней появлялись существа, которых он одарял мнимой жизненностью. Существа эти с последним веянием аромата рассеивались в пространстве и впадали в прежнее состояние блуждающих духов, но в душе их Нарайяна вызывал этим неутолимую жажду жизни.

Тщетно умоляла я его бросить эту ужасную и преступную игру; он смеялся над моими советами и находил очень пикантным иметь возможность обладать всякой женщиной, живой или умершей, которая имела несчастье ему понравиться.

Нет, если бы я рассказала обо всех преступных фантазиях, которые он изобретал, ты подумал бы, что слышишь сказку из «Тысячи и одной ночи». Так, в прошлом века в Неаполе жила одна известная певица, пение которой Нарайяна очень любил слушать. Не знаю, от чего умерла эта женщина; но я думала, что его увлечение ею кончилось. Однако Нарайяна судил иначе. Он достал тело девицы и положил его в тайник, которые имел повсюду. Когда у него являлась фантазия, он зажигал на всегда готовом треножнике смесь ароматов и первоначальной эссенции, материализовывал несчастное создание и заставлял ее забавлять себя пением.

Однажды Нарайяна был в отсутствии. Я случайно попала в ту тайную комнату, еще насыщенную ужасными ароматами, где в невероятных страданиях билось существо – полудух, полуживой человек, которого адская сила приковывала к разлагающемуся телу.

– Я не могу ни жить, ни избавиться от этого отвратительного тела, – жаловалась несчастная.

Я тотчас же приняла все меры для ее освобождения. Прежде всего я открыла окна, чтобы уничтожить всякий аромат. Когда же от соприкосновения со свежим воздухом труп принял свою ледяную неподвижность, я уничтожила его электрическим огнем, которым располагаю и умею пользоваться. Пепел я положила в капелле, а на том месте, где нашла труп, начертала астральный крест, чтобы помешать Нарайяне опять преследовать душу этой бедной женщины.

Этот мой поступок стоил мне самой бурной супружеской сцены, но я уже привыкла к ним.

Я не знаю, Супрамати, хорошо ли ты понял то, что я рассказала? Все эти странные законы и свойства первичной материи так трудно рассказать, но когда ты начнешь свое посвящение, Дахир шаг за шагом объяснит тебе все это.

– Да, Нара, я понял тебя! Если я не совсем ясно объясняю себе, каким образом совершаются все эти оккультные явления, то все-таки достаточно читал о ларвах, вампирах и привидениях, чтобы знать, какие странные и ужасные тайны таятся в загробном мире. Путь, на который я вступил, и тяжелые испытания, какими я должен буду заплатить за предательский дар Нарайяны, навевают на меня ужас. Одно остается для меня непроницаемой тайной – это причина, побудившая Нарайяну избрать своим наследником меня, бедного и неизвестного врача.

Загадочная улыбка скользнула по розовым губам Нары.

– Не одна причина повлияла на такой выбор. Ища себе заместителя, Нарайяна хотел прежде всего, чтобы это был человек честный, стремящийся к оккультным знаниям; кроме того, ему нужно было, чтобы это был человек больной, кровь которого могла бы служить проводником смерти. Ты отвечал всем этим условиям. Одаренный, благодаря жизненному эликсиру, даром ясновидения, Нарайяна с первого же взгляда, увидев тебя в театре, убедился, что ты мыслитель и труженик, так как над твоей головой в виде огненной стрелы пылал астральный свет.

Все это вместе с другими причинами, перечислять которые было бы слишком долго, решило его выбор.

– Ты знала, что он хочет умереть? – спросил Супрамати.

– Я знала, что он *должен* умереть! Время же, какое он выберет для этого, мало интересовало меня. Я нисколько не жалела преступного человека, который целые века расточал свой жизненный сок на удовлетворение самых пошлых appetitов, и который употреблял дар бессмертия не для того, чтобы возвышать, очищать и развивать свою душу, а на прозябание в отвратительном обществе, которое он обогащал своим золотом. Он, *посвященный*, находил удовольствие в обществе продажных тварей и, наконец, дошел до того, что убил свою любовницу и отравил сигарой соперника...

– Ты сказала, Нара, что жизненный эликсир дает ясновидение. Почему же я не пользуюсь этим даром? – задумчиво спросил Супрамати.

– Потому что ты не развил еще все таящиеся в тебе способности. Сегодняшний разговор наш – это первый урок посвящения, первый шаг по крутой, усеянной чудесами тропинке,

которую предстоит тебе пройти. Но ты страшно бледен и совсем расстроен, мой бедный друг! Оставим же пока оккультный мир с его тайнами и сделаемся простыми смертными, любящими друг друга и жаждущими счастья, как и все скоро проходящие земные существа, окружающие нас, – с любящим взглядом прибавила Нара, опуская головку на плечо мужа.

Объятый очарованием, Супраматти сразу забыл все свои сомнения, страхи и тысячу вопросов, мучивших его. Теперь он ничего не видел, кроме бархатных глаз Нары, с любовью смотревших на него, и ее улыбающихся пурпурных уст. Страстно прижав ее к себе, Супраматти пробормотал:

– Я люблю тебя, Нара, и клянусь всегда любить только одну тебя и не иметь другой руководительницы, кроме тебя, на долгом жизненном пути, который предстоит мне пройти...

Несколько дней прошли, как в очарованном сне. Нара была так добра и нежна, что Супраматти все больше и больше боготворил ее. Каждый час, который он проводил вдали от нее, казался ему кражей его собственного счастья.

Нара сама, казалось, была счастлива. Ее забавлял любовный экстаз ее молодого мужа, когда Супраматти говорил, целуя ее:

– Забудь прошлое, Нара, забудь свое знание! Не говори мне ни о тайнах, ни о посвящении. В настоящую минуту я хочу только любить тебя и говорить о любви.

Несмотря на это, впечатление, произведенное разговором в день свадьбы, было слишком глубоко, а видение Нарайяны и все, что он слышал о нем, слишком сильно поразило Супраматти, чтобы он мог совершенно забыть об этом. Нередко он невольно начинал расспрашивать жену относительно различных случаев, оставшихся для него невыясненными.

Однажды, говоря о своем посещении ледников, он вспомнил про Агни и спросил, кто такой этот странный служитель?

– Это один из низших духов, материализованный одним из твоих предшественников, тоже «Нарайяной Супраматти», – ответила Нара. – Я должна сказать тебе, что целая серия людей, носивших это имя, были кутилы, но, несмотря на это, – хорошие администраторы и финансисты, тщательно заботившиеся, чтобы сокровища, которые они любили расточать, никогда не истощались.

Один из первых «Нарайян» был особенно изобретателен в этом отношении. Будучи выдающимся колдуном, он пользовался повиновавшимися ему элементарными духами, чтобы вырыть и наполнить золотом колодезь, который ты видел. С этой целью он разыскивал сокровища, которыми полон мир, и завладевал ими.

Не знаю, известно ли тебе, что всякое спрятанное сокровище имеет стражей – несовершенных и жадных духов, которые ревниво охраняют и защищают его, потому ли, что оно положено им при жизни, или по другим причинам, которые в настоящую минуту было бы долго перечислять. При одном таком весьма значительном сокровище сторожевым духом был Агни. Увлеченный алчностью, он убил своего господина, владельца золота и драгоценных камней, которые позже зарыл в землю. Но его преступление приковало его к месту, где хранилось роковое богатство.

Когда тот «Нарайяна» хотел перенести в свой тайник это сокровище, Агни с такой яростью и энергией защищал свое добро, что тому пришлось употребить все свое могущество, чтобы победить его. Тем не менее Агни последовал за золотом и поселился в ледниках.

«Нарайяна», который был таким же злым шутником, как и тот, которому ты наследовал, считал очень удобным сохранить у себя такого усердного стража и слугу.

С этой целью он зажег под тайником ароматы, смешанные с эссенцией, о которых я уже раньше говорила тебе. Под влиянием этого жизненного тока, Агни сделался видимым, осязаемым и достаточно живым, чтобы наслаждаться частью привилегий воплощенного. Одним словом, это было двойственное существо: ни вполне человек, ни свободный дух. Вот он и живет в ледниках, оберегая сокровище, так как жадность приковывает его к этому золоту, один вид которого делает его счастливым.

Он скромен и верен, страшась могущества своих хозяев. Меня же он ненавидит, воображая, – не знаю почему, – что я воспользуюсь своей властью и уничтожу его призрачное

существование, но страх его совершенно напрасен. Какое мне дело до него? Если ему нравится жалкая жизнь, то пусть прозябает сколько ему угодно.

Подобные разговоры, открывавшие перед Супрамати все новые бездны, сильно его волновали и озабочивали. Фигура Нарайяны, освещенная странными рассказами Нары, начала принимать фантастические и ужасающие размеры. Как только Супрамати оставался один, его с болезненной настойчивостью преследовало воспоминание о человеке, которого он так мало знал, а между тем сделался его наследником.

Однажды вечером, когда Нара была занята с дамой, приехавшей навестить ее, Супрамати удалился в библиотеку. Перебирая один из ящиков, который был наполнен письмами, счетами и пр.

вперемешку с древними и драгоценными манускриптами, он нашел большой медальон с портретом Нарайяны на слоновой кости. Тот был изображен в богатом и изящном костюме девятнадцатого века.

С любопытством и участием Супрамати стал рассматривать это лицо классической красоты. В больших, черных, как ночь, глазах таилось что-то демоническое, что вполне соответствовало страшному образу, который мало-помалу сложился в его уме на основании всего слышанного о Нарайяне.

Сколько злоупотреблений совершил он? Сколько причинил страданий? Какую непозволительно легкомысленную игру с ужасными доверенными ему силами позволил себе этот красавец-юноша, казавшийся ожившей статуей Фидия? И что он чувствует теперь? Тяжело ли ему было умирать после такой долгой жизни? Раскаялся ли он в последний час?...

Вдруг Супрамати почувствовал странное ощущение, как будто из всего его тела исходили порывы теплого воздуха. Дыхание его сделалось горячим, как огонь, а от рук повалил красноватый пар.

В ту же минуту раскат смеха окончательно оторвал его от размышлений. От этого оглушительного хохота ледяная дрожь пробежала по телу Супрамати. Он страшно побледнел, выпрямился и боязливо оглянулся кругом.

Прямо напротив него, вдоль полок с книгами, шевелились какая-то тень. Тень эта расширялась, сгущалась и волновалась, как клуб дыма. Затем она вдруг приняла ясные контуры, — и глаза Супрамати с понятным ужасом точно приросли к высокой фигуре Нарайяны, который как живой стоял в нескольких шагах от него.

Он казался выше и худощавее прежнего; лицо его было мертвенно бледно и оживляли его только глаза, сверкавшие, как два горящих угля, и смотревшие на Супрамати ужасающим взглядом.

— Дай мне твою руку, Морган! Дай мне немного тепла! Я умираю от холода! — ясно произнес он, приближаясь и протягивая свою бледную руку с синими ногтями.

Несмотря на невольный ужас, внушаемый ему этим странным призраком, реальным и плотным, как живой человек, Супрамати поднял уже было руку; воля его была парализована устремленным на него светящимся взглядом, который давил его и подчинял себе.

Рука Супрамати прикоснулась бы к руке призрака, но в эту минуту на пороге комнаты появилась Нара.

В одной руке она держала жезл с несколькими узлами, а в другой небольшой серебряный поднос, который поспешно поставила на стол.

Она быстро встала между мужем и Нарайяной и подняла свой жезл. Призрак тотчас же зашатался и отступил назад, испустив свист, похожий на шипение змеи. Зеленоватое пламя брызнуло из его широко открытых глаз, а лицо его исказилось отвратительной судорогой.

— Не марай его своим прикосновением! — суровым тоном сказала Нара. — Ты получил только то, что заслужил. Иди и насыться!

Молодая женщина указала на принесенный ею поднос, на котором стоял большой стакан вина и лежал хлеб с куском сырой говядины.

Морган с ужасом смотрел, как Нарайяна бросился к столу, опорожнил стакан вина и с поразительной быстротой проглотил хлеб и говядину.

Едва исчезла пища, как призрак стал бледнеть и расплылся в струю дыма, которая скрылась в камине, наполнив комнату удушливым трупным запахом.

– Великий Боже! Но ведь он жив! – вскричал Супраматти, молча с удивлением смотревший на это странное зрелище.

Нара отрицательно покачала головой.

– Нет. Он сделался теперь вампирическим существом, питающимся жизненным соком других и чувствующим голод и холод. Его надо кормить известное время, иначе он станет еще опаснее. Но пойдем скорей! Надо открыть здесь окна и очистить воздух. А ты прими скорей ванну, чтобы удалить нечистые флюиды и эманации разложения, которыми ты дышал, и которые будут волновать тебя.

И действительно, Супраматти чувствовал головокружение и свинцовую тяжесть во всем теле. Бледный и расстроенный, он прислонился к стене.

– Не бойся ничего! – сказала Нара, проводя своей ароматной ручкой по влажному лбу мужа. – Тебе он не может повредить. Его приближение я чувствую издали и в силах сдержать его злобу. Когда ты примешь ванну, мы погуляем при луне, чтобы рассеять это тяжелое впечатление.

Супраматти поспешил последовать совету жены, но перенесенное им впечатление было так сильно, что в течение нескольких дней его настойчиво преследовало воспоминание об искаженном и отвратительном лице Нарайяны. Ему казалось, что он всюду видит его тень. Тем не менее ужасные последствия беспорядочной жизни его предшественника внушили ему чувство жалости и ужаса к несчастному грешнику.

Нара дружески подшучивала над его нервностью и всячески старалась развлечь его. Чтобы изгладить тяжелое впечатление, они чаще обыкновенного бывали в обществе. Когда же они оставались одни, она рассказывала ему столько интересных вещей из своей долгой жизни, что Супраматти забывал все и с восхищением слушал ее. Однако она всегда шуткой отделялась от рассказа истории своей жизни.

Однажды вечером, когда они находились в особенно веселом расположении духа, Нара вдруг сказала с лукавой усмешкой:

– Однако ты нехорошо поступил в отношении своего друга, виконта Лормейля.

– Вовсе нет! Я дал ему большую сумму денег для уплаты его долгов.

– Эти пустяки он проиграл в клубе, а твой лукавый неожиданный отъезд причинил ему ужасные хлопоты. Смеясь от всего сердца, она подробно рассказала ему утомительную историю с убором и про рукопашный бой между Лормейлем и Пьереттой.

Супраматти хохотал, как помешанный, и объявил, что если бы он предвидел такую трагикомедию, то, конечно, помог бы виконту.

– Еще ничего не потеряно. Виконт твердо решил тебя найти и заставить заплатить за твоё предательское исчезновение. Советую тебе написать ему и сообщить о твоей женитьбе и объявить, что, уезжая на несколько лет, ты хочешь в последний раз уплатить его долги, на том условии, чтобы он устроился, но в будущем не рассчитывал бы уже на твою помощь.

– Твоя мысль хороша, мой друг, и я исполню ее. Только, если ты позволишь, я пошлю виконту наши портреты.

Нара потянула его за ухо.

– Злой мальчишка! Ты хочешь поразить ревностью сердце бедной Пьеретты, которая уже заранее хвасталась, что будет принцессой, – насмешливо сказала она.

Супраматти покраснел и поцеловал руку жены.

– Я и не думал об этом глупом животном! Но скажи мне, Нара, как ты знаешь все, что делается? С досадой и стыдом думаю я о том, что ты могла бы увидеть, если бы захотела следить за моей жизнью.

– Успокойся! Я – сама скромность и никогда не злоупотребляла возможностью вызывать в магическом зеркале картины прошлого и настоящего; но знать немного, что поделявает мой ветреный муж, – это мое неоспоримое право. Полно! Не впадай в отчаяние: я забыла все, что видела. Завтра же мы пойдем к фотографу и снимемся вместе.

У виконта собрался небольшой кружок близких знакомых; в числе других была и Пьеретта, но без Меркандье. Праздновалось примирение воюющих сторон, и на актрисе был надет пресловутый убор – причина битвы. На столе был уже десерт, когда лакей подал хозяину большой пакет, полученный с почты, и виконт с удивлением вскрыл его. Пакет заключал в себе большой фотографический портрет и письмо. Едва виконт пробежал письмо и взглянул на портрет, как громко и восторженно вскрикнул:

– О, несравненный друг! Какая чудная женщина! Какая божественная красота!

Все поспешили узнать, что так восхищает виконта, но когда узнали, что Супрамати женился и что он оплатит долги своего друга, раздалось троекратное «ура» в честь новобрачных. Одна Пьеретта, с самого начала болтавшая о своем обручении с принцем и нагло лгавшая, что получила будто бы от него страстную записку, тайнственно переданную ей в букете, была посрамлена.

Сначала она онемела, а затем с пронзительными криками повалилась на пол в истерическом припадке, так что ее вынуждены были отвезти домой.

На следующий день виконт с самодовольным видом выходил из банкирской конторы Ротшильда, куда явился вместе с секретарем принца, нарочно приехавшим для этого из Венеции. Лормейль назвал цифру, вдвое большую действительной суммы его долгов, и она тотчас же была ему выдана. Тем не менее, даже мысль о том, чтобы остепениться, казалась ему смешной.

Прежде всего виконт отправился к Меркандье, чтобы расплатиться с ним. Узнав же от банкира, что Пьеретта больна и никого не принимает, он немедленно поехал к ней.

Актриса действительно разыгрывала роль покинутой невесты. Если бы кто поверил ее словам, то мог подумать, что Супрамати клялся ей в вечной верности. Но виконт энергично поговорил с ней и посоветовал не приносить в жертву хорошее положение ради несбыточной мечты.

– Принц вовсе не подходил тебе и, по совести сказать, ты не можешь равняться с его женой, – сказал он. – Зато Меркандье без ума от тебя. Выходи за него замуж! Ты станешь баронессой и будешь достаточно богата, чтобы ни в чем себе не отказывать.

Совет был подан вовремя для оскорбленной души Пьеретты, и она решила употребить все средства, чтобы как можно скорей сделаться баронессой Меркандье. Она хотела доказать Супрамати, что у нее нет недостатка в претендентах на ее руку и сердце. В своем глупом тщеславии она не сознавала, что для принца она всегда была не более, как ничтожное времяпрепровождение.

Усилия ее быстро увенчались успехом, и шесть месяцев спустя она торжественно отпраздновала свое бракосочетание с бароном. К алтарю ее вел виконт.

В это время Супрамати продолжал вести в Венеции свою спокойную и полную очарования жизнь. Он чувствовал себя невыразимо счастливым. Только когда он вспоминал про Нарайяну – ужасное вампирическое существо, питавшее свой труп человеческой пищей, неприятная дрожь пробегала по его телу.

– Давала ты еще есть Нарайяне после того, как я ел? – спросил он однажды, когда воспоминание об отвратительном видении как-то особенно живо восстало перед ним.

– Конечно! Я каждый день ставлю ему пищу в кабинете, смежном с библиотекой, – ответила Нара. – Пойдем сегодня ночью и посмотрим, как он насыщается.

Молодой человек побледнел. Он готовился уже отказаться, когда Нара сказала ему с упреком:

– И не стыдно ли тебе, Супрамати, позволять расходиться своим нервам. Это слабость, которую необходимо победить, так как, предупреждаю, в течение посвящения приходится видеть вещи гораздо более страшные, чем этот жалкий ларв. Чтобы знать, с каким духом имеешь дело, ты должен видеть их, смотреть на них спокойно и смело и приобрести энергию, необходимую, чтобы подчинить себе эти дурные и страшные на вид существа.

Супрамати было совестно признаться, что у него от ужаса встают дыбом волосы на голове. Кроме того, он понимал, что Нара была права и что рано или поздно ему придется

победить свой страх и свою слабость.

– Хорошо! Я пойду с тобой,- сказал он нерешительным тоном.

– Ты можешь смело идти. В моем присутствии Нарайяна бессилён. Кроме того, мы не будем входить в кабинет, а посмотрим в окно, выходящее на галерею.

Кабинет, о котором идет речь, был средней величины и образовывал угол дворца. Одно из окон выходило на канал, а другое, с противоположной стороны, на галерею, тянувшуюся вдоль стены.

Немного раньше полуночи Нара зашла за мужем. Они молча прошли на галерею и остановились у окна или, верней, у амбразуры без стекол, через которую ясно была видна вся комната.

В высокое готическое окно с другой стороны в кабинет проникали лунные лучи и освещали его почти электрическим светом. Ясно видны были деревянная почерневшая от времени резьба, мебель с высокими спинками и слегка потемневшие вышивки тяжелых бархатных портьер. Посредине комнаты на небольшом столике стояла пища для призрака.

Серебристые лучи луны освещали поднос и хрустальную тарелку, на которой лежали хлеб и кусок сырого мяса.

Чувствуя, как нервная дрожь потрясала тело Супраматти, Нара крепко пожала ему руку.

– Смелей, мой милый, – прошептала она. – Сегодня ты переносишь первое испытание посвящения. Ты должен прежде всего победить страх, который дает духам тьмы власть над тобой, тогда как спокойствие и смелость покоряют и подчиняют их.

Супраматти был неспособен даже отвечать. Холодный пот выступил у него на лбу, а невыразимый ужас и отвращение потрясали все его существо, и он нервно прижал к себе ручку Нары. В то же время он мужественно боролся с собой, чтобы победить эту слабость, и принудил себя смотреть на стол, у которого должно было появиться вампирическое существо.

Вдруг черная тень появилась в отверстии окна и заслонила лунный свет. В это время старинные дворцовые часы пробили полночь.

Бесшумно, с кошачьей ловкостью призрак спрыгнул в комнату и подошел к столу.

Дрожа от ужаса, Супраматти смотрел на высокую фигуру Нарайяны, облаченного в какое-то странное одеяние черно-серого цвета, похожее на трико и отчетливо вырисовывавшее его тонкие и стройные члены. При свете луны его бледное лицо казалось еще мертвеннее. Глубоко впавшие глаза горели как два угля. Красноватый фосфорический свет освещал его лоб и позволял видеть два небольших кривых рога, выглядывавших из массы густых черных волос.

С животной жадностью набросился он на пищу, пожирая мясо и хлеб. Но в эту минуту он, вероятно, почувствовал, что за ним наблюдают, так как поднял голову и устремил на обоих зрителей адский взгляд. Отвратительная усмешка кривила его бледные губы.

В этом взаимном разглядывании прошла секунда, но она показалась Супраматти вечностью. Затем призрак сделал движение вперед, как бы собираясь броситься на них, но перед ним тотчас же появился сияющий белоснежный крест и преградил ему путь.

Нарайяна скорчился и отступил назад. Ему точно не доставало воздуха, и из полуоткрытого рта его вырывался свист, напоминавший шипение змеи, а из-под приподнятых губ виднелись белые и острые, как у волка, зубы.

Сияющий же крест все двигался вперед и отталкивал его к окну, и призрак отходил пятясь, почти ползком. Вдруг, с тою же кошачьей ловкостью, он выпрямился, вскочил на подоконник и исчез за окном.

У Супраматти кружилась голова и земля словно уплывала из-под ног; затем ему показалось, что он падает в черную бездну, – и он лишился сознания.

Открыв глаза, он увидел, что лежит в галерее на полу, Нара стояла около него на коленях, поддерживала его голову и заставляла его нюхать мокрый платок, издававший приятный и живительный аромат.

Супраматти быстро выпрямился и пробормотал, краснея от стыда:

– Прости, Нара, мою недостойную слабость! Я, право, не знаю, что такое со мной

случилось.

– Тебе нечего извиняться передо мной, – с доброй улыбкой ответила та. – Иногда нельзя бывает справиться со своими нервами, но ты научишься со временем управлять ими. Этому обучаются, как и всякому другому знанию. Придет время, когда посещение подобного господина не будет производить на тебя никакого впечатления, и тебе достаточно будет только поднять руку, чтобы заставить его бежать. А теперь пойдем! Мы тоже поужинаем, а потом ляжем спать, так как ты нуждаешься в отдыхе.

Несмотря на эти утешения, веселость и предупредительность Нары, Супрамати оставался молчалив и имел озабоченный вид. Ночью он не мог спать и все думал о том, что случилось вечером. Он не мог простить себе, что лишился от страха чувств, когда Нара, женщина, не только оставалась спокойной, но еще победила своим знанием и своей волей злого духа.

Он не хотел отставать от жены. Как бы ужасен ни был призрак Нарайяны, он хотел привыкнуть без дрожи смотреть на него. Раз ему суждено проникнуть в этот мир теней и покорить его, он должен мужественно приняться за работу, победить самого себя и не краснеть больше перед собственной женой.

В силу этого решения он хотел на следующий же день снова присутствовать при ужине Нарайяны, но призрак не появлялся ни в этот, ни в следующие дни.

Глава тринадцатая

Однажды после обеда молодые супруги сидели одни в маленькой гостиной Нары. Шел проливной дождь; было холодно и сыро. В большом мраморном камине пылал веселый огонь, согревая уютную комнату.

Оба сидели рядом на маленьком диване и задумчиво смотрели на огонь. Вдруг Супрамати заметил:

– Сегодняшний вечер точно создан для откровенного разговора. Обо мне ты все знаешь; но я все еще жду, когда ты расскажешь мне, как обещала, историю своей жизни.

Нара откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Воцарилось молчание, которое Супрамати не осмеливался нарушить. Наконец она выпрямилась.

– Хорошо! – сказал Нара. – Я расскажу тебе историю моей жизни – той долгой жизни, начало которой теряется во мраке времен. А ты не будешь после бояться такой старой жены?...

Супрамати рассмеялся.

– О, нет! Такой старости, как твоя, может позавидовать вся молодежь. Но мне показалось, что тебе неприятно вызывать прошлое; если это так, то не рассказывай ничего, дорогая. Настоящее дает мне столько счастья, что я ничего больше не требую.

– Ты прав! Мне предстоит вызвать тяжелые и ужасные воспоминания. Но все равно! Я сама хочу, чтобы ты знал мою жизнь. Те события так далеки, что не должны были бы производить на меня никакого впечатления; а между тем, по странному свойству человеческой души, все, что она когда-либо пережила, перечувствовала и перестрадала, тотчас же возрождается, когда вызывают прошлое; века исчезают, а мы снова переживаем забытые ощущения.

Я родилась в Риме, в 202 году до Рождества Христова. Вторая Пуническая война только что кончилась; но, несмотря на победу республики, страна была истощена и многие семьи тяжело пострадали.

Мой отец, Марк Лициний, командовал легионом. Тяжело раненый в одной из битв, он вынужден был отказаться от военной службы и окончательно поселился в Риме, в скромном домике близ Форума. В то время строгих нравов, гражданской доблести и горячего патриотизма Рим не был еще городом дворцов, безумной роскоши и колоссальных богатств, каким сделался впоследствии, а граждане его гордились своей строгой простотой, как во времена Цезаря гордились они своей изнеженностью и роскошью.

Мой отец, хотя и был богат, но вел очень скромную жизнь. Это был суровый солдат, которого семейные несчастья сделали мрачным нелюдимо. Его первая жена, Фабия, подарила ему пятерых сыновей, из которых четверо умерли в детстве. Только один, мой брат Кай Лициний, остался жив и сделался кумиром отца.

После трехлетнего вдовства отец влюбился в молодую патрицианку, белокурую, как я, и женился на ней. Мое рождение стоило жизни моей матери и, несмотря на свою любовь, кажется, что мой отец питал ко мне как будто злобу за то, что я была причиной смерти женщины, которую он боготворил.

Я росла одиноко, под присмотром старой рабыни-гречанки Евриклеи. Эта добрая женщина обожала меня, всячески баловала и научила своему языку, знание которого сделалось для меня роковым, как ты это увидишь дальше. Мне исполнилось шесть лет, когда случилось событие, решившее мою участь. Брат мой Кай заболел, и притом так серьезно, что опасались за его жизнь.

Отец был в отчаянии. Грозившая ему потеря единственного семнадцатилетнего сына, почти накануне того дня, когда он должен был облечься в тогу «мужа», положительно сводила его с ума.

Отец сам ухаживал за Каем. И вот однажды, уснув у его изголовья, он увидел сон, решивший мою судьбу.

Ему снилось, что он находится в храме Весты. У жертвенника стояла весталка, в которой он узнал меня. Когда я опраивала священный огонь, из него явилась сама богиня.

– В обмен за твою дочь, служащую у моего алтаря, я дарую жизнь твоему сыну, – произнесла она.

Затем, положив руку на мою голову, она исчезла. Тогда отец увидел на ступенях жертвенника невысокую весталку и меня – шестилетнего ребенка.

Отец счел этот сон за повеление бессмертных, тем более что он видел его накануне того дня, когда Великий жрец избирает новициатку. Без малейшего колебания мой отец отправился на рассвете к Великому жрецу и объявил ему, что он добровольно посвящает меня служению богине Весте, и кроме того, принес в дар храму значительные дары.

Все совершилось по его желанию. Несколько часов спустя на моей голове красовался зеленый венок весталки, а в Атриум-Региуме мои белокурые локоны упали под ножницами. Я отлично помню эту минуту, хотя и не сознавала тогда всей ее важности. Меня огорчала только разлука с доброй Евриклеей и отцом.

Как бы в подтверждение истины отцовского сна, мой брат поправился. Я же поселилась в храме и мое десятилетнее послушание шло тихо.

Когда я выросла, красота моя сделалась выдающейся. Мужчины, женщины и дети останавливались, чтобы посмотреть на меня, когда я, в предшестве ликторов, следовала по городу в колеснице или носилках. Встретить красавицу весталку Лицинию считалось счастливым предзнаменованием. Среди молодых граждан и официальных лиц, почтительно выстраивавшихся при моем проезде, не один устремлял на меня взгляд, полный страстного восхищения.

Я же была ко всем холодна и равнодушна. Теперь я осознавала ужасную ответственность, какую возлагало на меня мое положение, и уже привыкла к строгой жизни, с удовольствием правя свою службу богине. Мне нравилось в течение долгих, молчаливых ночей наблюдать за священным огнем. Уже тогда мне казалось, что я вижу, как различные тени скользят под сводом храма.

Отца я видела довольно часто. Мне казалось, хотя он этого и не высказывал, будто в глубине души он сожалел, что принес в жертву мою жизнь; тем более что жертва эта не дала тех плодов, на какие он надеялся. Мой брат, правда, жил, но его слабое здоровье мешало ему служить в военной службе; а брак его в течение многих лет оставался, к великому огорчению отца, бесплодным.

В атриуме дома весталок стояли статуи тех девственниц, которые особенно выделились своими достоинствами или своей красотой.

Отец решил прибавить к этой коллекции и мою статую. С согласия Великого жреца он пригласил для этой работы одного скульптора-грека, находившегося тогда в Риме и пользовавшегося большой известностью. Одна из комнат нашего дома была временно превращена в мастерскую, где художник ежедневно в течение нескольких часов должен был работать над моей статуей. Однажды утром отец привел скульптора, которого звали Креоном. Это был красивый молодой человек лет тридцати.

Увидев меня, он с минуту стоял точно ошеломленный. В глазах его светилось такое выражение страстного восхищения, что я покраснела, и опустила глаза. Мне же Креон с первого взгляда так понравился, как не нравился еще до сих пор ни один мужчина.

Креон быстро оправился и с притворным равнодушием принялся за работу. Пока он мят глину и пока Кварта – старая весталка, на обязанности которой лежало всегда присутствовать на сеансах – деятельно занималась плетением гирлянд для украшения жертвенника богини, я стала рассматривать Креона и сравнивать его со знакомыми мне молодыми римлянами. При этом сравнении все преимущества оказались на стороне грека. Древние римляне по большей части не блистали красотой. Они были среднего роста и отличались крепким сложением. Характерные лица их были угловаты, а головы покрыты курчавыми волосами.

Креон же был высок, строен и гибок, как тростник. Густые черно-синие кудри обрамляли его белое и нежное лицо чистого греческого типа; а темно-голубые глаза его были полны нежности и очарования. За исключением этого выражения и голубых глаз он очень походил, между прочим, на Нарайяну, и чем больше я смотрела на него, тем больше он мне нравился.

Однажды мне пришло в голову сказать ему, что я говорю по-гречески. Он был в восхищении, и мы стали разговаривать, немного правда, – так как Кварта не любила этого, – но все-таки достаточно, чтобы ближе познакомиться и поломать первый лед. Креон всегда находил возможность вставить слово и исподтишка бросал на меня взгляды, заставлявшие усиленно биться мое сердце.

Раз я заметила, что Креон положил свои инструменты на стол позади Кварты. И вот, идя за одним из них, он вдруг остановился и протянул обе руки по направлению к старой весталке, устремив на нее пылающий взгляд. Под усилием воли жилы вздулись у него на лбу.

Я с удивлением смотрела на него. Но каков был мой ужас, когда я увидела, что Кварта закрыла глаза и заснула, откинув голову на спинку тростникового кресла.

– Креон! Разве ты колдун? – пробормотала я. – Зачем ты делаешь это?

Креон быстро подошел ко мне.

– Потому что я хочу хоть на минуту устранить этого надоедливой свидетеля и сказать тебе, Лициния, что не могу жить без тебя и что жажду хоть раз поцеловать твои губки.

Глаза его горели страстью. Прежде, чем я успела что-нибудь сказать, он обнял меня и горячо поцеловал.

Затем, сделав вид, что работает, он сказал, что боготворит меня и что, если я отвечаю его чувствам, он вырвет меня из ужасной жизни в храме при помощи одного своего друга, индийского мудреца, который уже научил его, как усыпить Кварту, и даст нам возможность бежать. Я согласилась на все. В эту минуту жизнь весталки внушала мне настоящий ужас. Условившись, что через несколько дней он снова усыпит старую весталку, Креон разбудил Кварту, и та, к моему величайшему удивлению, не помнила, казалось, и даже не замечала, что спала.

С этого дня мы имели еще несколько таких же разговоров и Креон сообщил мне, что индус обещал ему свою помощь и что мы бежим на его корабле, как только тот придет в Остию, но что нам придется запастись терпением на несколько месяцев.

Когда статуя была окончена, она возбудила всеобщее восхищение, отец же пришел в такой восторг, что заказал Креону второй экземпляр для дома весталок. Что же касается оконченной статуи, то она была немедленно же перенесена в его атриум.

Теперь же, Супрамати, если ты желаешь, я покажу тебе эту статую.

– Как? Она у тебя? – вскричал пораженный молодой человек.

– Да, у меня! Из дальнейшего моего рассказа ты узнаешь, как она попала ко мне. Пойдем.

Нара встала, прошла в свою комнату и, подойдя к большому зеркалу, нажала пружину. В стене распахнулась скрытая дверь. Оба вошли в какое-то темное помещение и дверь за ними тотчас же закрылась.

Затем на потолке вспыхнула электрическая лампа, и Супрамати увидел, что находится в большой, круглой комнате без окон. Посредине на высоком цоколе стояла статуя из белого мрамора, залитая электрическим светом.

Крик восхищения невольно сорвался с губ Супрамати. Только рука великого художника, руководимая и вдохновляемая любовью, могла создать такое совершенство. Жизнь трепетала в этом мраморе; полуоткрытые губы улыбались, а глубоко высеченные глаза давали полную иллюзию больших, темных глаз, смотревших на зрителя. Под чудными, необыкновенно тонкими и мягкими складками туники чувствовались классические формы молодого тела. Артистически драпированное покрывало казалось таким тонким и прозрачным, точно это была настоящая ткань.

Охваченный волнением, с трепещущим сердцем, смотрел Супрамати на статую. Она казалась ему удивительно знакомой. С ним повторился тот же феномен, как и тогда, когда он впервые увидел Эбрамара. В эту минуту в его мозгу еще с большей силой, в каком-то непонятном хаосе, восстали виды незнакомых городов, комнат и личностей.

Стараясь подавить это невыразимо тягостное чувство, Супрамати погрузился в созерцание лица статуи. Да, это было лицо Нары, черта в черту, а между тем существовала какая-то разница, которую он не мог определить. Стала ли она художавее или изменилось выражение, но ей не хватало того очарования, каким дышало это мраморное лицо.

– Нара! Это ты и не ты, – пробормотал он.

Задумчиво прислонившаяся к стене Нара вздрогнула и выпрямилась.

– Это правда! Я – Нара, но уже больше не Лициния. Мои черты не отражают уже беззаботности истинной молодости и мне недостает той свежести цельной души, которая забыла прошлое, не знает будущего и даже под покрывалом весталки невинно наслаждается настоящим. Теперь, несмотря на мою красоту, в моих глазах отражается горечь опыта прожитых веков. Я потеряла драгоценнейшие дары жизни: наслаждение настоящим и надежду на будущее. Я не забываю прошлого, а его раны и горе всегда остаются живыми; я знаю будущее и утратила способность наслаждаться настоящим – беглым лучом между про-

шедшим и будущим. А теперь пойдем! Я буду продолжать свой рассказ, так как хочу закончить его сегодня.

– Не лучше ли продолжать его здесь. Я вижу там кресло и скамеечку и буду счастлив устроиться у твоих ножек. Мне будет вдвойне приятно слышать твой рассказ, смотря на это чудное произведение, которое мне как-то странно знакомо и просто чарует меня.

Задумчивая улыбка скользнула по губам Нары.

– Останемся! – просто сказала она. – Будем вызывать прошлое в присутствии немого свидетеля тех далеких событий!

Когда оба заняли свои места, она продолжала:

– Я уже сказала, что отец заказал Креону копию с моей статуи, и тот принялся за дело; но так как он работал в мастерской, которую отец устроил в своем собственном доме, то нам трудно было видаться. Но любовь смела и предприимчива. Иногда скульптор приходил принести жертву Весте, когда я была на службе, и мы назначали друг другу свидания в саду, так как Креон довел уже свою смелость до того, что перебирался ночью за запретную ограду, а я была настолько ослеплена, что нарушила свой обет чистоты.

Опьяненная своей любовью, я не подозревала, что гибель уже висит над моей головой...

Одна соперница проникла в мою тайну. Эта соперница была Огульния, такая же молодая весталка, как и я, но менее красивая и нелюбимая за свой тяжелый характер. Она уже давно завидовала мне и, к довершению несчастья, влюбилась в Креона, хотя, понятно, тщательно скрывала это чувство.

Ревность, несомненно, сделала ее дальновидной. Подметила ли она один из страстных взглядов скульптора или перехватила один из маленьких свитков, которые Креон два или три раза нашел возможность передать мне, уж я не помню; но во всяком случае она открыла истину и, чтобы верней погубить меня, выбрала себе союзника, вдвойне опасного для меня.

Этим союзником был один жрец, славившийся своей суровостью и строгостью; тем не менее этот сорокалетний человек чувствовал в глубине души пылкую страсть ко мне. В его темных и суровых глазах я уловила пламя, не оставлявшее для меня в этом отношении ни малейшего сомнения; но он скрывал это чувство под личиной двойной суровости.

Однажды ночью, когда все спали, как я думала, и я одна сторожила священный огонь, ко мне пришел Креон. Он объявил мне, что наше бегство близко и что друг-индус известил его, что через двенадцать дней мы можем оставить Рим и начать новую жизнь в Греции.

Счастливая, я бросилась в объятия Креона. Затем мы сели на ступеньку и стали говорить о будущем; как вдруг раздались крики, свет факелов озарил святилище – и я увидела приближавшихся к нам старшую весталку, Манлия – жреца, Огульнию и других весталок.

Я стояла, как парализованная. Креон же выпрыгнул наружу и скрылся во мраке сада.

Меня тотчас же арестовали и заключили в подземелье, как уличенную в преступлении, за которое весталка должна платить жизнью.

Обыкновенно судили немедленно, но меня продержали в заключении больше недели, прежде чем я появилась перед моими судьями. Позже я узнала, что причиной такой отсрочки было исчезновение Креона, который точно сквозь землю провалился и которого Манлий яростно искал, чтобы, согласно обычаю, казнить в тот же самый день, когда сообщница его преступления будет погребена заживо.

Наконец, я появилась перед трибуналом жрецов, собравшихся в Регия. Я не могла отрицать своего проступка, а несколько несчастных случаев, происшедших за последнее время в городе, как-то пожар от молнии, смерть эдила и нескольких граждан, утонувших при переезде в лодке через Тибр и т.д., – были поставлены мне в вину, так как, по словам Великого жреца, их вызвала я, принося жертвы богине нечистыми руками.

Я была единогласно осуждена на погребение заживо. Жрецы сняли с меня священные повязки, покрывало и полотняную тунику весталки. Затем меня отвели в мрачную темницу, где я должна была провести последний день и последнюю ночь моей земной жизни.

Нара на минуту умолкла. Глаза ее затуманились, а губы нервно дрожали. Ее, видимо, подавляло воспоминание об этих часах муки.

Супраматти не осмеливался нарушить молчание. Он понимал, что должна была она перестрадать в то время, если даже по прошествии стольких веков не могла без содрогания говорить об этом прошлом. Он только молча наклонился к ней и поцеловал ее похолодевшую руку.

Молодая женщина вздрогнула и выпрямилась.

– Эта слабость всегда овладевает мной, когда я думаю о том, что вынесла тогда, – сказала она, стараясь улыбнуться.

– Тогда не говори ничего: пропусти этот эпизод, – нежно сказал Супраматти.

Нара улыбнулась и покачала головой.

– Нет, это просто глупая слабость. К тому же эта гражданская смерть была основанием всего моего дальнейшего существования. Итак, я продолжаю:

После обеда ко мне в темницу пришел Великий жрец и, согласно закону, жестоко бил меня розгами. Он мог бы быть милосерднее, но на мне отомщалось исчезновение Креона.

Зато мне была оказана другая, совершенно неожиданная милость. Ночью ко мне впустили отца, чтобы проститься. Он поседел и постарел на двадцать лет. Отец не сделал мне ни одного упрека, но я первый раз в жизни видела, что он плакал.

Я была страшно взволнована, и, бросившись в его объятия, горько зарыдала.

Присутствие старшей весталки при свидании помешало нам говорить откровенно. Только прощаясь со мной, отец несколько раз прижал меня к своей груди и неожиданно прошептал мне на ухо:

– Разломи хлеб, который оставят тебе в твоей могиле – и надейся.

Мое сердце замерло. Итак, меня хотели попытаться спасти! Как ни безумна была подобная надежда, но она поддержала меня в моем несчастье и благотворно успокоила мои душевные муки и телесные страдания. В течение всей ночи я не сомкнула глаз; но поддержала меня гордость, когда на заре пришли одеть меня в траурные одежды, а затем вывели на двор, чтобы посадить в погребальные носилки.

При виде ужасных черных носилок, палача, ликторов и вообще всей обстановки я ослабела и с криком отчаяния откинулась назад. Тогда меня схватили, отнесли в носилки, и я должна была ждать, пока их снаружи обложат подушками, для того, вероятно, чтобы мои крики не доносились наружу и не волновали бы народ.

Но я больше не кричала. Я не могу передать тебе, что происходило тогда со мной. Душа вырвалась, казалось, из тела; в ушах шумело и ледяной холод охватил мои члены. Но страннее всего было то, что мне казалось, будто мрак вокруг меня рассеялся, стенки носилок исчезли – и я увидела Форум, переполненный молчаливой и сосредоточенной толпой. Одну минуту я видела даже погребальную процессию и черные носилки, в которых была заключена. Затем видение исчезло, а я – слабая и разбитая – снова очутилась внутри носилок и чувствовала их мерное покачивание на плечах носильщиков.

Наконец, процессия остановилась, и я почувствовала, как носилки опустились на землю. Когда я вышла из носилок, то увидела, что мы находимся на месте, предназначенном для казней. С небольшого возвышения, на котором стояла, я видела, как далеко кругом колебались тысячи голов, но толпу, казалось, объял какой-то молчаливый ужас. Я сама видела все точно сквозь туман, тем более, что была закутана в большое покрывало, закрывавшее мне лицо.

Ко мне подошел Великий жрец и, воздев к небу руки, произнес тайные молитвы, специально приуроченные к такой погребальной церемонии. Затем, взяв меня за руку, он подвел к приготовленному склепу и поставил на первую ступеньку лестницы, которая вела вниз, а сам удалился. Почти инстинктивно откинула я закрывавшее меня покрывало. Я хотела в последний раз поглядеть на небо и подышать чистым воздухом. Последний взгляд мой упал на Великого жреца, удалявшегося в сопровождении жреческого кортежа. Затем, видя, что палач хочет взять меня за руку и заставить спуститься, я с ужасом отступила назад и сошла одна. На последних ступенях я увидела, что в моей могиле горела лампада, стоявшая рядом с ложем, покрытым черным.

Охваченная невыразимой тоской и ужасом, я остановилась. Голова у меня кружилась, в глазах темнело. По всей вероятности, я лишилась чувств и скатилась вниз, так как не помню, что было потом: как вытащили лестницу и заделали склеп.

Сколько времени я пролежала без чувств, я тоже не знаю. Когда же я открыла глаза и ко мне вернулась способность думать, я увидела себя в четырехугольном склепе пяти или шести шагов вдоль и поперек. Около ложа, на каменном столе, горела лампада, тут же лежал большой хлеб и стояли амфора с водой, горшок молока и небольшой запас масла. Густой и душливый воздух этого ужасного места стеснял мне дыхание. Голова моя горела; в висках стучало. Я сорвала с себя покрывало и тяжелую траурную тунику.

Затем дрожащей рукой я разломала хлеб. В нем была какая-то твердая вещь, которая оказалась хрустальным флаконом, наполненным, как мне показалось, бесцветной жидкостью. Флакон был завернут в небольшой кусок папируса, на котором я не без труда разобрала следующие слова:

«Ищи на стене, против ложа, кирпич со знаком треугольника и вынь его. Надейся, если бы тебе пришлось даже и долго ждать! Если же ты почувствуешь себя очень слабой, то выпей содержимое флакона».

Лихорадочно взволнованная, но исполненная новой надеждой, стала я ощупывать стену и скоро нашла указанный кирпич. Вынуть его было гораздо тяжелее, но мне удалось наконец сделать и это. Убедившись, что в стене находится пустота, я вынула еще несколько кирпичей и открыла глубокую нишу, в которой стояла большая корзина.

Трепеща всем телом, я вытащила ее и открыла. В корзине находились две амфоры с

вином, одна с маслом, сушеные фрукты, хлеб, мед и большой кусок жареной говядины.

С этой провизией я, конечно, могла прожить с неделю; самым же главным я считала возможность поддерживать огонь в лампаде. Но не задохнусь ли я в этой могиле, где и теперь дышала с трудом?

Я не в состоянии описать тебе, что я перестрадала и как пережила дальнейшее время. Воздух становился все тяжелей, провизия уменьшалась, масло подходило к концу, а обещанное освобождение не являлось. Мой слух болезненно обострился, и мне казалось, что я слышу отдаленный шум, удары кирки и глухие голоса. Мысль, что пробивают подземную галерею, чтобы добраться до моей могилы, придавала мне мужество, и я старалась быть сильной, терпеливой, но мучения, наконец, превзошли мои силы. Со мной стали делаться головокружения, я задыхалась, потоки изнурительного пота обливали мое тело, лампада с минуты на минуту грозила погаснуть за недостатком масла – а освобождение все не являлось! Очевидно, невозможно было выполнить план, задуманный для моего спасения, и в предвидении этой неудачи мне дан был флакон, содержащий, без сомнения, какой-нибудь тонкий яд, который мог избавить меня от мучений голодной смерти. Настала минута воспользоваться этим благодетельным даром. Мне казалось, что голова моя была сжата железными клещами, для дыхания не хватало воздуха. Взглянув на лампаду, я убедилась, что она прогорит не более получаса, а умирать в темноте было еще ужаснее!

С невероятным усилием, так как у меня до такой степени кружилась голова, что я едва держалась на ногах, я вылила остаток вина в хрустальный кубок, найденный мною в корзине, влила туда содержимое флакона и все выпила залпом.

Мне показалось, что я проглотила огонь. Все мое существо, казалось, разлеталось на атомы, я кружилась в черной бездне. Что дальше было – я не помню. Когда я пришла в себя и открыла глаза, я лежала на полу в абсолютной темноте. Сначала я не могла понять, где я нахожусь. Я не помнила ужасной драмы моей жизни и чувствовала себя свежей и сильной.

Протянув руку, я стала ощупывать вокруг себя и дотронулась до чего-то холодного. Это был каменный стол. Прикосновение к нему вернуло мне память, и с моих губ сорвался крик безумного отчаяния.

Итак, я не умерла. То, что я выпила, не было ядом, и несмотря на все, я должна была медленно погибнуть самой ужасной смертью в этой темной могиле.

Я не могу понять, как я не сошла с ума в ту ужасную минуту. Мною овладела одна мысль: умереть во что бы то ни стало и умереть как можно скорей. Я старалась оторвать полосу от туники, чтобы задушить себя, как вдруг до моего слуха ясно донеслись удары, раздававшиеся в нише.

На этот раз я не ошибалась: в углублении вынимали кирпичи. Затем в могилу проник луч света, а на стене появились тени двух громадных рук, которые расширяли отверстие. Пришло освобождение! Счастье и волнение лишили меня способности говорить. Дрожа всем телом и охваченная внезапной слабостью, я продолжала сидеть на земле, глядя на происходившее.

Наконец ниша была расчищена, и через низкое и узкое отверстие проскользнул мужчина, закутанный в темный плащ. В руках он держал фонарь.

Я подумала, что это был Креон, и вскрикнула от радости. Но когда мой спаситель поставил фонарь на стол и откинул капюшон, покрывавший его голову, я увидела, что это был незнакомец, величавая красота которого наполнила мое сердце чувством восхищения и уважения к нему.

Незнакомец был выше Креона. Его бронзовое лицо отличалось классической чистотой статуи. Густые черные кудри и короткая, слегка вьющаяся борода обрамляла его лицо. В больших темных глазах его горел огонь, который трудно было выносить.

Его взгляд со странным выражением скользнул по мне, а затем он сказал приятным и звучным голосом:

– Бедное дитя! Твоя казнь кончена. Успокойся и одевайся скорей в одежды, которые я принес в этом пакете. Нам надо бежать, и мы не можем терять времени.

С этими словами он отвернулся, а я быстро переоделась в костюм простого мальчика.

– Я готова! Только я не знаю, чем мне обрезать волосы, – сказала я дрожащим голосом. Незнакомец обернулся и с улыбкой осмотрел меня.

– Ты совсем маленький мальчик, – весело сказал он. – Было бы жаль обрезать твои волосы, в которых точно заблудился лунный луч. Подбери их на затылок и надень капюшон плаща. Так, хорошо. Теперь следуй за мной!

Он вошел в узкий подземный коридор, где можно было идти только согнувшись. Мы шли очень долго. В моем нетерпении мне казалось, что этой галерее никогда не будет конца. Наконец, мы вышли в разрушенную хижину, запертую прочною дверью.

Незнакомец взял в углу лопату и засыпал землей вход в галерею. Через несколько минут все следы были совершенно уничтожены. Затем незнакомец погасил фонарь, и мы вышли.

Мы очутились в поле и, насколько я могла судить, довольно далеко от стен города. Была ночь и стояла ужасная погода. Свистал ветер и дождь лил как из ведра. Я шла с трудом, спотыкаясь о камни и скользя в лужах воды. Тогда мой проводник взял меня на руки и понес.

После часа ходьбы мы вышли на берег Тибра, где нас ждала крытая лодка с четырьмя гребцами.

Несколько часов спустя, я взойшла на борт большого корабля, стоявшего в Остии. Незнакомец отвел меня в каюту, отделанную с восточною роскошью, где стоял богато сервированный стол.

– Подкрепись, а потом ступай отдохнуть! Отдых тебе необходим, – сказал мой спаситель, усаживая меня на мягкое кресло и наливая кубок вина.

Я выпила вина и поела. Глядя на моего спасителя, который прислуживал мне, разговаривал и, казалось, был очень весел, я чувствовала к нему глубокую признательность. Мне хотелось броситься к его ногам, поцеловать их и поблагодарить за то, что он избавил меня от моей ужасной участи. Он мне казался прекрасным, как бог. Когда он улыбался, лицо его принимало какое-то особенно чарующее выражение.

Когда я кончила есть, он хлопнул в ладони. Тотчас же появилась молодая негритянка.

– Вот служанка, которая даст тебе женскую одежду и будет прислуживать тебе во все время нашего путешествия, – сказал он. – А теперь до свидания! Спи и отдыхай!

Мне очень хотелось спросить у него, где и когда я увижу Креона, но я не осмелилась задать ему этот вопрос. Поблагодарив его за все оказанные благодеяния, я последовала за негритянкой, которая отвела меня в другую, не менее роскошно обставленную каюту. Надев свежую одежду, я легла на мягкий диван и заснула.

Наше путешествие длилось целые недели. Оно мне показалось таким продолжительным, что по временам я думала, что осуждена путешествовать всю свою остальную жизнь.

Своего спасителя я увидела только через три или четыре дня. Он то появлялся на палубе, когда мне разрешалось выйти из каюты, чтобы подышать чистым воздухом, то допускал меня к своему обеду. Несколько раз наш корабль приставал к берегу и по нескольку дней стоял в гавани. Но тогда я не выходила из каюты. Иногда мы оставляли судно, несколько дней путешествовали по твердой земле, а затем снова садились на корабль и продолжали наш путь.

Чем чаще я видела моего спасителя, чем больше я слушала его всегда интересные и поучительные разговоры, открывавшие мне новые и широкие горизонты, тем больше я восхищалась им и боготворила его, а образ Креона все более и более бледнел в моем сердце. Когда мне удавалось иногда уловить в темных глазах моего благодетеля выражение, выдававшее, что и я ему нравлюсь, мое сердце начинало усиленно биться; но я каждый раз говорила себе, что не должна ни на что надеяться, что преступная жрица Весты, бесстыдная женщина, нарушившая свой обет чистоты, недостойна любви этого высшего человека. Я знала теперь, что он был «мудрец» и жил то в Александрии, то в Афинах.

Когда однажды я осмелилась спросить его про Креона, он мне ответил:

– Он спасен, но я не могу отвезти тебя к нему, если только, – он устремил в мои глаза пытливый взгляд, – ты сама не потребуешь этого и не пожелаешь бросить меня.

Я покачала отрицательно головой и умолкла. Я не хотела оставлять его. Мне казалось, что как только я не буду находиться под его непосредственным покровительством, я снова

попаду в руки моих преследователей.

Однажды корабль снова остановился. На рассвете маленькая негритянка сказала мне, что господин приказал мне нарядиться. Она вынула из корзинки, которую принесла с собой, одежды, покроя и материи которых я еще никогда не видела.

Они были сделаны из шелка и газа, расшитых жемчугом и бриллиантами. Кроме того, в корзине были еще драгоценности невероятной цены.

Когда я надела этот странный костюм, негритянка покрыла мою голову большим прозрачным покрывалом и вывела меня на палубу. Развернувшаяся перед моими глазами картина вырвала у меня крик восхищения.

Земля, представившаяся моим глазам, показалась мне чудным садом. До того я еще никогда не видала пальм и не имела понятия о роскошной тропической растительности. Я не могла оторвать глаз от громадных ярких цветов, от всей этой удивительной природы, а также от слонов, толпы людей, собравшейся

на берегу. Вдали виднелись многочисленные дома – вероятно, какого-нибудь города, и громадное строение, крыши и купола которого господствовали надо всем прочим.

Приход моего покровителя оторвал меня от созерцания. Он тоже переменял костюм. Вместо простой полотняной туники на нем было надето теперь шелковое одеяние. Шею и руки его украшали драгоценности, а на голове был надет род кисейного тюрбана. За поясом было заткнуто оружие, сверкавшее драгоценными камнями.

Лодка доставила нас на берег. При громе возгласов и криков на непонятном мне языке мы сели в золоченый паланкин, укрепленный на спине белого слона, шея, ноги, уши и даже хобот которого были украшены драгоценностями.

Как во сне, села я рядом с незнакомцем, которого начала считать царем, и шествие двинулось в путь. Я до такой степени была смущена и взволнована, что все танцевало у меня перед глазами: и странная растительность, и бронзовые люди с пылающими глазами, и наш поезд.

Я сохранила только смутное воспоминание об этой первой прогулке по Индии. Только когда мы остановились перед громадным строением, оказавшимся пагодой, мое внимание было поглощено странностью архитектуры и многорукими, многоногими статуями, казавшимися мне какими-то человеко-пауками.

Наконец, вид баядерок и голых или изувеченных факиров произвел на меня глубокое впечатление.

Мы вышли из паланкина. Мой покровитель взял меня за руку, и мы вступили в пагоду, где нас встретили жрецы и певички, которых я приняла за жриц. Нас повели к жертвеннику, на котором горел огонь с ароматами, окропили водой, заставили пить мед и есть рис с шафраном. Незнамец надел мне на палец кольцо, а затем, подняв меня на руки, трижды обнес меня кругом огня, плававшего на жертвеннике.

Только мое полное невежество и смущение, в каком я находилась, помешали мне понять, что совершается брачная церемония.

Выйдя из пагоды, мы снова заняли свои места в паланкине и отправились в окруженный громадным садом дворец, гораздо более роскошный, чем дворец Нарайяны в Бенаресе.

Там меня встретили женщины и отвели в великолепную залу, убранную с такой роскошью, что я была положительно ослеплена. Всюду виднелись золото, эмаль, драгоценные камни и никогда не виданные мною ткани, покрытые вышивками. Через широкую и резную, как кружево, аркаду виднелся сад с бьющими фонтанами и цветочными клумбами, над которыми порхали бабочки и маленькие птички, которые сами были похожи на живые драгоценные камни.

На меня, никогда ничего не видавшей, кроме бедного в ту эпоху Рима, и выросшей среди суровой простоты, налагаемой на весталок, вся эта роскошь и красота производили впечатление волшебного сна. Я начинала даже спрашивать себя, уж не умерла ли я в своей могиле и не посещает ли теперь моя душа, прощенная Вестой, блаженные поля?

Настала уже ночь, когда ко мне вошел мой спаситель. Он шел быстро и глаза его горели

нескрываемой любовью. Позже я узнала, что он председательствовал на большом банкете, данном в честь его возвращения и в честь его бракосочетания.

Меня мучила одна только вещь: узнать, наконец, истину! Бросившись на колени, я протянула к нему руки и пробормотала:

Скажи мне – кто ты и где я? Скажи, умерла я или жива? Что значит все, что я вижу здесь?

Незнакомец рассмеялся весело и беззаботно, как простой смертный. Он поднял меня, посадил рядом с собой на диван и сказал, устремив на меня взгляд, который положительно обжег меня:

– Ты находишься в Индии, моем отечестве. Я – Раджа Вивашвата, а ты моя жена. Неужели ты не поняла, что в храме я надел на твой палец благословенное кольцо и разделил с тобой освященный рис и мед?

– О! – пробормотала я. – Ты избрал меня – меня, недостойную и преступную жрицу?

– Одно из самых человеческих и законных чувств заставило тебя нарушить закон, и за это преступление ты заплатила ужасными страданиями. Креон более виноват, чем ты. Я обещал ему свою помощь и советовал быть благоразумным, относясь с уважением к твоему положению, пока вы не будете далеко от Рима. Вместо того, чтобы последовать моему совету, он до того отдался своей страсти, что пробрался за священную ограду и заставил тебя нарушить обет чистоты, подвергая тебя и себя опасности позорной смерти. Я с большим трудом спас его, и он находится теперь в безопасности в своем отечестве; но он потерял тебя и вполне заслужил это наказание. Итак, забудь прошлое: оно вычеркнуто и не существует более.

Правосудие храма Весты удовлетворено. Весталка Лициния умерла, а ты теперь Нара, моя жена. Твое мужество, твоя покорность и твое раскаяние сделали тебя достойной моей любви.

Я слушала как во сне. Счастье и признательность к человеку, на которого я смотрела, как на благодетельное божество, наполнили мое сердце. Я схватила руку Эбрамара – мудреца Афин и Александрии, и страстно прижала ее к губам.

– Эбрамар? – переспросил Супрамат, вскакивая с места. – Неужели человек, который тебя спас, и мудрец Эбрамар, которого я видел в Гималаях – одно и то же лицо?

– Да, это он. Видев его, ты еще лучше поймешь, что я любила его совсем особенным чувством, в котором уважение и восхищение принимали такое же участие, как и любовь. Но успокойся, садись и выслушай конец моего рассказа.

Когда взволнованный Супрамат снова занял свое место на табуретке, Нара продолжала:

– С только что описанного мною дня моя жизнь текла спокойно, без малейшего облачка. Это был какой-то волшебный сон, полный любви и занятий науками.

Эбрамар, – я буду называть его этим знакомым тебе именем, – дал мне первое понятие об оккультных науках.

Я думаю, никогда еще ни один учитель не имел такой внимательной и преданной ученицы. Сидя у его ног в большой лаборатории, я слушала его уроки и изучала древние языки. Я знаю санскритский язык Вед, ассирийский язык, древние наречия Азии, египетский язык, даже могу читать иероглифы и клинообразные надписи.

Эбрамар был учитель добрый и терпеливый, но очень строгий. Он требовал усердия и настойчивости. Я должна была совершенствоваться, а не оставаться неподвижно на месте.

Я не замечала, как шло время. Чем дальше шли мои занятия, тем больше пробуждался мой интерес к раскрывавшимся тайнам прошлого и будущего.

Однажды, когда мы по обыкновению вместе работали в лаборатории, Эбрамар привлек меня к себе и сказал:

– Лициния! Не желаешь ли ты побывать в Риме и повидаться с отцом? Он очень стар. Смерть его близка, а я обещал ему, что он увидит тебя перед своей кончиной.

Это почти забытое название, воплощавшее в себе такие ужасные воспоминания, привело меня в трепет, но в то же время пробудило во мне страстное и болезненное желание снова увидеть моего бедного отца.

– Конечно, я желала бы видеть мою родину и отца! Только я боюсь, чтобы меня не узнали и чтобы мне снова не подвергнуться мщению законов, – пробормотала я взволнованным голосом.

Эбрамар громко расхохотался и затем спросил с лукавой улыбкой:

– Как ты думаешь, сколько времени прошло с тех пор, как ты оставила Рим?

– Да лет десять, – ответила я с легким смущением. Эбрамар продолжал весело смеяться.

– Твой ответ, Нара, еще раз доказывает, что для трудящегося время имеет крылья. Сорок лет прошло со времени той грустной драмы, героиней которой ты была. Твоему отцу девяносто восемь лет, а тебе пятьдесят семь.

Я вскрикнула от ужаса. Итак, я была совсем старуха, а между тем мне казалось, что я не изменилась.

Я посмотрела на Эбрамара. Он все оставался тем же тридцатилетним молодым человеком, который меня спас. Ни одного седого волоска не серебрилось в его черных, как вороново крыло, волосах, взгляд был полон огня, а эластичность членов указывала на молодость в ее полном расцвете.

Эбрамар прочел мою мысль и с улыбкой ответил:

– Успокойся! Не тщеславие ослепляет тебя: ты действительно молода и красива.

Он вынул из шкафа и подал мне зеркало, сделанное из какого-то особого вещества и более совершенное, чем наши. До этого времени я всегда употребляла только металлические зеркала.

С трепетом смотрела я на мое изображение и убедилась, что действительно нисколько не изменилась.

– Теперь ты сама видишь, – сказал Эбрамар, – что тебе нечего бояться римского правосудия. Лициния должна была бы быть седой, сгорбленной и морщинистой матроной, а не прелестным созданием со сверкающим взором, во всем расцвете семнадцати лет.

– Эбрамар! Что за чудо совершилось со мной? Неужели наука владеет тайной вечной молодости? – в сильном волнении вскричала я.

– Настанет время, когда ты все узнаешь. А теперь начинай укладываться: через три дня мы едем в Рим.

Не буду подробно описывать наше путешествие. В Александрии мы снова надели греческие костюмы. В качестве афинского мудреца Эбрамар высадился в Риме со своей женой Евхарисой. Человек, посланный вперед, уже нанял дом, и все было приготовлено для нашего приема.

Ты можешь себе представить, с каким чувством проезжала я по тем самым улицам, по которым меня несли на смерть в погребальных носилках. Впечатление от этого воспоминания было так сильно, что холодный пот выступил у меня на теле, и я почти теряла сознание.

На другой день по приезде Эбрамар сказал мне, что мой отец предупрежден и что после полудня я могу к нему ехать.

Войдя в комнату, я увидела сидящего в кресле старика, до такой степени высохшего, что он казался живым скелетом. Рядом с ним стоял другой сгорбленный старик, с седой бородой и морщинистым лицом. Глаза его показались мне знакомыми, но я не имела времени разобраться в этом впечатлении, так как оба глухо вскрикнули, когда я откинула свое покрывало.

Мой отец так взволновался, что откинулся назад, и я подумала, что он кончается. Упав на колени, я обняла его и стала покрывать поцелуями. Наконец он открыл глаза, взял меня за голову и плача посмотрел на меня. Успокоившись немного от двойного волнения найти снова меня после стольких лет, да еще молодой и красивой, он указал мне на другого старика, молча прислонившегося к стене и закрывшего лицо руками.

– Посмотри! Разве ты не узнаешь его? Это Креон, – тихо прибавил он.

Глубоко взволнованная, я подошла к Креону, протянула ему обе руки и пробормотала:

– Ты не хочешь меня видеть?

Креон выпрямился и, глядя на меня с выражением горечи и отчаяния, ответил:

– Тебя тяжело видеть! Я – сгорбленный старик; тебе же боги, тронутые твоей красотой, даровали вечную молодость. Пока горе, причиненное потерей тебя, сгибало мою спину и белило мои волосы, счастливый предатель жил с женщиной, которую я любил, которую он обещал отдать мне и которую похитил у меня. Бесчестный человек! Он обладал всем – и отнял у несчастного его единственное сокровище, осудив нас, меня и твоего отца, на полное одиночество, – прибавил он, сжимая кулаки.

– Ты несправедлив и неблагодарен! – строго ответила я. – Кому, как не ему, обязаны мы, что избавились от ужасной и позорной смерти? Если бы ты был терпеливей и благоразумней, мы бежали бы вместе, я не была бы преступницей и все вышло бы по-другому.

Креон побледнел и опустил голову. Это молчаливое горе пробудило во мне жалость. Я подошла к нему и поцеловала его.

– Забудь и прости то, что непоправимо! Будем друзьями и возблагодарим богов за то, что они даровали нам милость свидеться.

Наконец, мы все успокоились. Мой отец рассказал мне, что после моего освобождения он получил от Эбрамара только одну лаконичную записку:

«Она спасена».

Прошло несколько лет, а он не получал ни малейшего известия обо мне.

В течение этого времени мой брат Кай умер, а моя невестка вторично вышла замуж. Отец, вообразив, что, может быть, я живу в Греции с Креоном и боюсь дать о себе известие, отправился в Афины, где разыскал Креона. Тот тоже ничего не знал обо мне, но отнесся к отцу с сыновней любовью и окружил его нежными заботами. Они привязались друг к другу и много лет прожили в Греции.

Чувствуя приближение кончины, мой отец пожелал снова увидеть Рим и умереть в своем доме. Он вернулся в Рим вместе с Креоном, которого никто не узнал, так как прошло более тридцати лет и старая история была забыта.

Несколько дней спустя, Эбрамар тоже навестил отца и помирился с Креоном.

Годы успокоили пылкого скульптора и, кроме того, он чувствовал, что большая часть вины лежит на нем; осталась одна благодарность, которая и помогла простить. Только с этого дня Креон стал быстро угасать, и три месяца спустя после моего приезда, его нашли мертвым близ статуи весталки.

На цоколе этой статуи он написал:

«Творение моих рук, радостный призрак счастья моей юности, тебе – моя последняя мысль! Та, которую я высекал из мрамора, любила меня и принадлежала мне. Ее обожаемые черты были моим утешением».

– Надпись видна еще и теперь. После смерти отца, последовавшей через несколько недель за смертью Креона, я покинула Рим и увезла с собой статую. С тех пор это драгоценное воспоминание никогда не покидает меня и повсюду следует за мной. Мне она кажется действительным звеном, связывающим меня с далеким прошлым...

Нара умолкла и несколько слез скатилось по ее бархатистым щекам. Встретив печальный и тоскливый взгляд мужа, она пыталась улыбнуться.

– Вот видишь, несмотря на бессмертие и на все знания, строптивое сердце человеческое не может победить горя разлуки с дорогими существами и воспоминаниями о перенесенных тяжелых испытаниях.

– Нара! – с дрожью в голосе пробормотал бледный Супрамат. – Твой рассказ вызвал какие-то незнакомые мне ощущения и образы, – я скажу, почти воспоминания и пережитые чувства; но все это так хаотично и непонятно... Говорят, что души перевоплощаются и живут в новых телах. Но в таком случае, кто же я, Нара! – он схватил руку жены. – Ты знаешь это... Рассей этот мрак и освети мою душу!

Глаза Нары вспыхнули. Она наклонилась и положила руку на лоб мужа. Минуту спустя она прошептала:

– Креон! Помнишь ли ты счастливые часы, за которые мы так дорого заплатили?

Точно молния прорезала ум Супрамат и тяжелое покрывало спало с его глаз.

Он вдруг увидел храм Весты, жертвенник, на котором горел священный огонь, и белую фигуру весталки, лежащей в его объятиях.

В эту минуту он испытывал все счастье и тоску прошлого. Задышавшись, он прижался головой к коленям Нары и та ласково провела рукой по его темным волосам.

– Теперь понимаешь, почему *ты*, а никто другой, сделался наследником Нарайяны? Эбрамар, хотя и поздно, сдержал свое слово и возвратил тебе любимую женщину молодой и красивой. Как и тогда, она покорила твое сердце. В течение всех твоих различных существований он оставался твоим покровителем. Отсюда происходит и то чувство любви, благоговения и доверия, которое охватило тебя при виде Эбрамара.

– Понимаю. Теперь я многое понимаю, – пробормотал Супраматти, выпрямляясь и отирая пот, выступивший у него на лбу. – Одна только вещь остается для меня темной: это твой брак с Нарайяной. Каким образом, любя Эбрамара, ты могла отдаться тому?

– Это было человеческое увлечение, за которое я дорого заплатила, – со вздохом ответила Нара. – Вот как это случилось.

По мере того как Эбрамар шел на вершину чистого знания, тем более спиритуализировалась его любовь ко мне. Может быть, он даже сожалел в глубине души, что отнял меня у тебя. Во всяком случае, когда он достиг ступеней высшего посвящения, он отказался от сношений с женщиной, – и мы должны были расстаться.

Он поднялся высоко; а я, несмотря на обрывки знания, осталась все той же страстной, ревнивой и гордой женщиной, и эта разлука показалась моему ограниченному, невежественному уму несправедливой и жестокой.

Все дурные чувства, еще таившиеся в моей душе, – а я тогда была женщина пылкая и увлекающаяся, – закипели во мне, и вместо того, чтобы последовать совету Эбрамара и отдаться науке, я совершила невероятное безумие, связав свою жизнь с Нарайяной. Он приехал по делу братства, увидел меня и воспламенился. Я же, под влиянием гнева и злобы, благосклонно принимала его ухаживания. Он был похож на тебя, обожал меня – и я согласилась соединиться с ним в гроте, который служит местопребыванием нашего братства.

Впоследствии я вернулась к Эбрамару разбитая и несчастная. Чтобы приобрести власть и превосходство над моим негодным мужем, я прошла под руководством мага первые ступени высшего посвящения. Это была самозащита, а не освобождение; так как я добровольно бросилась в мир испытаний и искушений.

Но на сегодня – довольно! Ты страшно бледен и расстроен. Твоя душа перенесла слишком сильное волнение. Пойдем. Я дам тебе успокоительных капель, которые дадут тебе сон и восстановят равновесие твоего организма.

Не желая ничего слушать, Нара увела мужа, дала ему выпить капли и заставила лечь в постель.

Супраматти проснулся поздно. Физически он совершенно оправился; но впечатление, произведенное на его душу, было так сильно, что в своих разговорах он всегда возвращался к рассказу жены, часами любовался статуей и избегал всякого общества.

Однажды вечером, когда разговор снова зашел о прошлом, Супраматти объявил, что страстно желает как можно скорей приступить к посвящению.

– Если ты уверен, что не будешь сожалеть о светской жизни и о всех удовольствиях, которыми ты не успел насладиться досыта, то кто мешает тебе призвать Дахира, – с улыбкой ответила Нара.

– О! О свете я несколько не сожалею. Только с тобой я не могу расстаться! Одна мысль покинуть тебя отвращает меня от работы над посвящением, – заметил Супраматти, страстно привлекая к себе Нару. – Подумай только: едва найдя тебя – снова потерять!

– Мы не расстанемся. Низшее посвящение не требует этого. Я буду жить с тобой в убежище знания и труда, приму участие в твоих работах и буду твоей помощницей или советницей, когда наступят минуты слабости, а они – неизбежны.

– В таком случае, едем сейчас же! С тобой никакое уединение не пугает меня, и я не отступлю ни перед каким трудом, – радостно вскричал Супраматти.

Нара рассмеялась.

– Энтузиаст! Помни, что поспешность – признак несовершенства. Едем. Я согласна. Только позволь мне прежде немного подготовить тебя к тому, что ожидает тебя. Надо много мужества, чтобы переступить порог невидимого мира.

Для начала я хочу открыть тебе глаза и показать, что окружает тебя. Для *этого* я дам тебе вдыхать вещества, которые обостряют и приводят в действие таящиеся в организме астральные способности.

Если бы ты был простым смертным, я не могла бы рискнуть на это; обыкновенный человек сошел бы с ума или, по меньшей мере, получил бы воспаление мозга. Но ты гарантирован от смерти и болезней. Даже на душу отчасти действует эликсир жизни. Но во всяком случае, ты должен приготовиться перенести очень сильное потрясение.

– Ты хочешь сегодня дать мне вдыхать эту субстанцию?

– Нет, для этого опыта мы выберем какое-нибудь многолюдное собрание. Например, послезавтра граф Рокка празднует большим балом обручение своей дочери. Это прекрасный случай. Когда ты совсем оденешься, приходи ко мне в лабораторию, и ты сам увидишь.

Заинтересованный и в глубине души слегка встревоженный, Супрамат с нетерпением ждал дня бала.

Окончив свой туалет, он прошел в комнату Нары. Та ждала его, и отпустив камеристку, провела мужа в лабораторию, в центре которой стоял треножник с зажженными угольями.

– Садись и терпеливо жди, что будет, – с улыбкой сказала она, сажая его в кресло.

Раздув жаровню, Нара бросила на угли какие-то сухие травы, затем, вынув из шкатулки ящичек с золотой крышкой, она взяла из него ложечкой немного белого порошка и посыпала сверху.

Тотчас же с треском вспыхнуло большое пламя, отливавшее всеми цветами радуги. Лаборатория наполнилась беловатым паром и таким удушливым ароматом, что у Супрамат сделалось головокружение. Нервная дрожь потрясала его и болезненный озноб пробежал по коже. Охваченный какой-то тяжелой сонливостью, он закрыл глаза и потерял сознание.

Голос Нары вызвал его из забытья. Супрамат вздрогнул, выпрямился и открыл глаза.

В ту же минуту с его губ сорвался сдавленный крик, и он, сорвав со стола, около которого сидел, шелковую вышитую скатерть, бросился к жене с криком:

– Великий Боже! Ты горишь! Нара громко рассмеялась.

– Не будь смешон, Супрамат. Ты видишь не огонь, а астральный свет. Ты можешь дотронуться до него, не обжигая пальцев.

Сконфуженный Супрамат остановился. Более спокойный осмотр убедил его, что Нару окружал широкий ореол фосфорического света. Ореол этот был похож на огненный и постоянно менял цвета.

Со все возрастающим удивлением он увидел, что из всего тела Нары исходили снопы света: с левой стороны – красного, а с правой – синего. Кроме того, над челом молодой женщины горело пламя в форме звезды. Из ее глаз и концев пальцев исходили лучи белого цвета.

Даже одежды ее – на Наре было надето белое атласное бальное платье, отделанное цветами и кружевами, – и драгоценности были покрыты фосфоресцировавшей пылью.

Супрамат весь ушел в наблюдение странного зрелища, стараясь его объяснить себе, как вдруг внимание его было привлечено какими-то незнакомыми лицами, застывший, пристальный взгляд которых произвел на него неприятное и отталкивающее впечатление.

– Откуда явились эти люди? Мы были здесь одни, – с неудовольствием сказал он.

Нара снова рассмеялась.

– Они всегда были здесь, только ты их не видел. Это – атмосферические существа, с которыми люди повсюду сталкиваются, отрицая их существование с апломбом, весьма комичным для того, кто не разделяет их невежество, слепое и тщеславное. Но идем! Время ехать. Главное, не забывай, что ты теперь ясновидящий, и воздерживайся от неуместных восклицаний.

Супрамати молча последовал за женой через длинный ряд комнат в переднюю.

Всюду двигалась толпа существ самого разнообразного вида: были и прозрачные, со спокойными и строгими лицами, которые витали, закутанные в белые воздушные туники; другие были тяжелые, компактные, с серыми или черными рожами и с ужасными взглядами. Одеты они были в древние или средневековые костюмы, а некоторые были совершенно голы, но эти были покрыты ранами или обезображены язвами.

Все это невидимое общество внушало Супрамати невыразимое отвращение. Вид же слуг, суетившихся около своих господ и провожавших их до гондолы, снова поразил его.

Кроме окраски, наполовину синей, наполовину красной, которая, казалось, была присуща не только всем живым существам, но и неодушевленным предметам, лакеи, швейцар, гондольеры – все были окружены черновато-красными кругами; а из их глаз, рук и ртов исходил оранжевый дым, неприятный запах.

Вид невидимого мира, окружавшего Супрамати, поглотил все его внимание. Со всех сторон бесшумно скользила озабоченная толпа, у которой были будто тоже свои дела; там и сям бегали животные. Из воды канала появлялись бледные и страждущие лица, которые то с любопытством, то враждебно смотрели на них.

– И это все мертвые? – пробормотал Супрамати, чувствувавший себя подавленным.

– Ах, не говори такие глупости, – сказала Нара, полусмеясь, полусердясь. – Разве есть мертвые? Это – духи и даже не видения, так как они всегда и действительно существуют. Они постоянно здесь и фланируют среди воплощенных.

Гондола остановилась у освещенного портала дворца графов Рокка, что прервало этот разговор. Молодые супруги вошли в гостиную, уже полную гостей.

Еще никогда Супрамати не было так тяжело выполнять светские обязанности и выслушивать или отвечать на банальные фразы, обращаемые к нему, не выдавая того волнения, какое внушала ему оккультная картина, развертывавшаяся перед его глазами.

Вперемешку с живыми двигалась толпа развоплощенных; а среди одних и других происходили очень странные вещи. В первую минуту молодой доктор был неспособен разобраться в этом хаосе.

Со всех сторон перекрещивались лучи красного, оранжевого, дымчато-серого или черного цвета; невыразимая смесь приятных ароматов и запаха разложения создавала густую и удушливую атмосферу, в которой трудно было дышать.

Из голов живых, подобно стрелам, вылетало желтое, синее, зеленое, красное, дымящееся и слегка потрескивающее пламя. Часто та или другая из этих огненных стрел падала на соседа или собеседника, причиняя им род ожогов, которые последние бессознательно чувствовали; так, Супрамати видел, как они вздрагивали и подносили руку к голове или сердцу, точно ощущали боль.

Над головой некоторых клубился черный, дымный пар и спирали этого дыма окутывали их точно облачной мантией, сквозь которую лицо и тело, казалось, принимало, вид трупа.

– Что это значит? – прошептал на ухо Наре испуганный Супрамати.

– Это люди, которые скоро должны умереть и которые очень привязаны к материи. Более подробное объяснение я дам тебе после. Теперь же смотри и наблюдай! – так же тихо ответила Нара.

И Супрамати с ужасом, точно очарованный, смотрел на эту странную и страшную картину, развертывавшуюся перед ним со всех сторон.

Там двигались тени с ужасным взглядом; другие были бледны и имели страждущий вид. Встречались и такие, которые не имели никакой определенной формы, но подобно большим черным пятнам присасывались к живым. Одни только горевшие злобой глаза, фосфоресцировавшие среди этой бесформенной массы, указывали, что это были мыслящие существа. Были несчастные, которые таскали по несколько таких пятен. Всякий раз, как Нара приближалась к подобной особе и ее чистый, светлый и теплый флюид касался той, видно было, как волновались эти черные пятна и скрывались под кожей. Человек же начинал чувствовать болезненное состояние и спешил отойти.

При виде некоторых дам Супрамати бросило в дрожь, когда он увидел, что они обвешаны чем-то вроде пиявок, на первый взгляд, кроваво-красных; но затем он рассмотрел, что это – тела малюток.

Для Супрамати было настоящим испытанием мужества и присутствия духа необходимость смеяться и разговаривать с посторонними, между тем как его сердце болезненно билось и пот ужаса выступал на лбу. Минутами оккультный шум казался, ему до такой степени оглушительным, что он с трудом мог расслышать обращаемые к нему вопросы.

Когда несколько позже Супрамати с женой подошли к буфетам, чтобы освежиться, он с отвращением увидел, что здесь толпа бесплотных была гораздо гуще, чем живых. Бледные лица с алчным и жадным выражением склонялись над кушаньями. Они точно присасывались к самому рту евших, как бы желая вырвать у них кусочек или хоть подышать их дыханием.

Среди этой отвратительной толпы Супрамати увидел Нарайяну, который прицепился к очень молоденькой девушке, красивой и свежей, как только что распустившийся цветок. Теплый и пурпурный ореол, окружавший ее, указывал на здоровье и на избыток сил. Призрак-вампира с наслаждением вдыхал эти истечения жизни, обдавая молодую девушку, как паром, своими черными эманациями разложения.

– Взгляни, как он отделяет этого бедного ребенка! Но я сейчас обрежу ему все сношения с ней, – прошептала Нара, глядя на молодую девушку, которая, казалось, чувствовала себя очень плохо.

Глаза ее горели, жесты были порывисты, а лицо попеременно то краснело, то бледнело.

Точно желая что-то показать мужу концом своего веера, Нара подняла руку. Тотчас же из ее пальцев брызнула молния и, подобно пламени, пронеслась между Нарайяной и его жертвой. Призрак откинулся назад, как бы получив удар кнутом, а затем, бросив на Нару ядовитый взгляд, скрылся в толпе. Молодая же девушка глубоко вздохнула, словно освободившись от какой-то невидимой тяжести.

Все, что Супрамати видел, окончательно лишило его аппетита. Да и вообще он чувствовал себя страшно утомленным усилием, какое он должен был употреблять, чтобы скрыть свои чувства. Поэтому он выразил желание вернуться домой, сославшись на сильную головную боль.

Пока они проходили через гостиную, направляясь к выходу, Супрамати спросил Нару по-индусски:

– Объясни мне, что значит эта двойная окраска людей и вещей в красный и синий цвет, эти перекрещивающиеся разноцветные лучи, это пламя, исходящее из голов и, наконец, эти отвратительные черные и кровавые паразиты, присосавшиеся к мужчинам и женщинам, мимо которых мы проходим.

– Ты требуешь от меня целого трактата по оккультной науке, – с улыбкой ответила она. – Пока я отвечу тебе вкратце; но чтобы ты понял меня, я должна сказать, что все, что мы делаем, чувствуем и думаем – все это осязаемая субстанция, исходящая из нас со своей вибрацией, своим цветом и своим ароматом, сообразно более или менее чистому своему химическому составу.

Разноцветные лучи – это флюидические токи тела; пылающие стрелы, вылетающие из голов – это мысли людей, которые окрашиваются сообразно поводам, их породившим. Другими словами, мысли ненависти, ревности и недоброжелательства, обрушиваясь на того, против которого они направлены, причиняют ему невидимые раны. Мысль, направленная сознательно и могучей волей, может убить, как молния.

Кроме того, все, что ты видишь, оставляет изображение на астральном плане, восприимчивость которого невероятна. Посмотри на этот стул, только что оставленный стариком. Ты видишь, что на нем осталось что-то вроде сероватого пара, который точно изображает его. Ты можешь даже узнать черты его лица. Подобное изображение нашей личности, наших поступков и мыслей луч прошлого уносит в вечные архивы пространства.

Уже сидя в гондоле, задумчивый и озабоченный Супрамати неожиданно спросил молодую женщину:

– Ты ничего не сказала мне ни о нашей двойной окраске, ни о черных и, особенно красных паразитах, которые еще отвратительнее и которые похожи на маленьких детей.

– О, то, что ты называешь двойной окраской, это – просто человеческая полярность. Наше тело, как и наша планета, имеет полюсы. Северный полюс дает синие токи; южный – красные. Ты можешь заметить также, что чем сильнее субъект, тем ярче окраска.

Что же касается черных паразитов, то это – низшие, материальные и нечистые духи, вроде Нарайяны. Они присасываются к живым, принадлежащим к их же категории, то есть тоже материальным и преданным всем страстям. Эти паразиты питаются жизненным соком своих жертв и при их посредстве наслаждаются удовольствиями, которых жаждут, но удовлетворить лично их не могут.

– Великий Боже! Как все это отвратительно и ужасно. Сколько нечистоты и зла видел я сегодня и при этом так мало добра, что можно подумать, будто оно вовсе не существует!

– Сборище, подобное тому, какое мы сейчас оставили, более способно привлекать зло, чем добро. На нем приведены в движение все материальные аппетиты и все дурные страсти. Ты чувствовал вибрации и ароматы нечистоты, которыми пропитана эта развращенная, завистливая и злая толпа. На этих днях я свезу тебя в другое место, откуда ты вынесешь более приятное впечатление и где ты увидишь, какой вид создают чистота, гармония и горячий, чистый порыв к Отцу Небесному.

– Где же находится это блаженное место? – с любопытством спросил Супрамат.

– Это небольшой и бедный монастырь, расположенный на окраине Венеции. Я знаю настоятеля этой общины. Это человек строгий, благочестивый и безупречный, а монахи достойны своего настоятеля. Много потерпевших крушение в жизни нашло мир в этом монастыре, который вполне отвечает своему истинному назначению – быть убежищем молитвы и милосердия.

Несмотря на свое нетерпение и любопытство, Супрамат встал на следующее утро слишком поздно, чтобы совершить предположенную поездку, так как Нара хотела отстоять обедню. На следующий же день они встали рано и приехали в монастырь к началу службы.

Монастырь был старый, почерневший от времени. Маленькая церковь его, готического стиля, с цветными стеклами, с черными дубовыми скамейками и с потемневшими иконами, имела какой-то грустный и таинственный вид.

Звуки органа и приятное пение раздавались под сводами, когда молодые супруги вошли в церковь и молча заняли места на одной из скамеек.

Народу было немного: всего несколько старух и детей, да два или три нищих, которые молились, простершись на полу.

Все внимание Супрамат сосредоточилось на монахах, которые сидели по обе стороны хора. Эти люди со строгими, бледными лицами и с вдохновенным взглядом, видимо, были поглощены восторженной молитвой, позабыв мир, который их окружал и от которого они отказались.

Все эти люди точно были покрыты легкими беловатыми мантиями. Из постриженных голов их исходили снопы сверкающего света; такой же свет, подобно серебристым лучам, исходил из их губ. Фосфоресцирующие огоньки витали под сводом. Весь этот свет, притягиваемый точно магнитом, скопился перед престолом в громадный очаг света и тепла. Сверкающие облака мерно колебались и минутами совершенно закрывали бриллиантовым каскадом крест и изображение Спасителя.

Невыразимое чувство счастливого покоя и стремления к Богу наполнило душу Супрамат. Один только глухой и гармоничный голос служившего обедню священника нарушал глубокую тишину святого места, а между тем Супрамат казалось, что вся атмосфера издавала нежную и приятную гармонию, которая благотворно действовала на душу.

Глубоко взволнованный, Супрамат наклонился к жене и тихо спросил ее:

– Что означает это пламя и эти бриллиантовые облака, которые двигаются перед престолом?

– Это молитвенный флюид, чистое излучение души, материализовавшей свое влечение к

Божеству. Ты поймешь пользу этого очага света и тепла, этой эманации спетых и горячих сердец, как противовес мраку и греху, когда увидишь, какое действие производят они на страждущие существа, на больных телом и душой, – так же тихо ответила Нара.

Все более и более заинтересовываясь, взволнованный Супраматти стал наблюдать за невидимыми духами, которых было гораздо больше, чем воплощенных.

Прозрачные существа, окутанные белоснежными покрывалами, со строгими и спокойными лицами, составляли большинство. Их светлые полчища группировались главным образом вокруг престола, и они, казалось, принимали участие в молитве. Но не было недостатка и в страждущих духах, с потемневшим астральным телом и выражением горя на лице. Они тоже молились и старались по мере сил приблизиться к очагу света.

В эту минуту в церковь вошло новое лицо и остановилось недалеко от скамейки, где сидели Супраматти и Нара.

Это был худой и бледный человек средних лет. Изборозженное преждевременными морщинами лицо его носило следы тяжелых страданий. Взгляд его горел и был смутен, походка была нерешительная. Он медленно доплелся до темного углубления недалеко от престола и, опустившись на колени, закрыл лицо руками.

– Наблюдай за этим человеком и смотри, что происходит вокруг него, – прошептала Нара, пожимая мужу руку. – Видишь черный дым, изборозженный молнией? Слышишь раздражающий свист и стоны, смущающие тишину и мелодичные вибрации этого святого места?

– Я вижу отвратительные тени, которые точно присосались к нему и, видимо, хотят увлечь его отсюда; с другой же стороны к нему склонилась белая, светлая фигура и удерживает его. Но скажи, что все это значит?

– Это – несчастный, много страдавший человек. Он потерял семью, состояние, здоровье и не перенес с верой и смирением эти несчастья и заслуженные испытания, – возвратный удар некогда совершенных им ошибок. Он возроптал на Бога, богохульствовал и проклинал. Эти дурные чувства дали над ним власть злым и нечистым духам, которые мучали его, отняли у него последний покой и наталкивают на самоубийство. Белая тень, стоящая с ним рядом, это его жена, которую он любил и потерял, она тоже любила его. Она в отчаянии от его душевного состояния и заставила его прийти сюда, чтобы помолиться за него.

Взволнованный Супраматти с любопытством смотрел на странную группу, собравшуюся в углублении.

Человек продолжал стоять на коленях, видимо, обессиленный, но подавленный и угнетенный. Белая тень молилась, стоя рядом с ним, от нее исходил огненный ток, соединяясь с очагом света, окружавшим образ Спасителя. Вдруг от этого светлого центра отделилась сияющая волна и обдала светом несчастного. Черные тени отступили назад, а сияющий пар проникал, казалось, в тело грешника. Раздражающие отзвуки его горьких чувств, его ропот и отчаяние – все это мало-помалу улеглось. Живительное тепло молитвы, очевидно, действовало на несчастного, успокаивая его и приводя в себя. Вдруг он выпрямился, протянул руки к алтарю и пробормотал:

– Господи! Поддержи меня! Прости меня!

Яркое пламя брызнуло из его головы и в то же время потоки слез залили его лицо. Темные духи исчезли.

Смущенный и взволнованный всем, что видел, вышел Супраматти из церкви – этого места убежища и поддержки всех страждущих.

– Да, Супраматти, – сказала Нара, пожимая ему руку, – ни одна молитва не пропадет и не бывает напрасна. Ни один порыв веры и любви, вознесшийся из человеческого сердца, не остается бесплодным. Как благотворное семя, эта искра божественного огня витает в пространстве или скопляется в местах, посвященных молитве, и как только представляется случай, нисходит на какого-нибудь несчастного, омраченного страданиями, возмущенного и неспособного молиться. Невидимое лекарство, помещенное в пространстве другим, проникает в душу страждущего, облегчает его, укрепляет и часто спасает от непоправимого безумства.

Человек, которого ты видел, тоже выйдет из церкви успокоенным и полным энергии для жизни и борьбы. О! Что было бы с человечеством, если бы не существовало таких очагов света! Разве не убедился ты сам, что гармония и покой создают правильную и чистую жизнь, имеющую тоже свою прелесть?

– Вернувшись к себе, Супраматти стал жаловаться на боль в глазах и на головокружение.

– Пора избавить тебя от ясновидения, – заметила Нара. – Чтобы видеть все, необходимо подготовиться к этому и очистить глаза астральной силой своего очищенного существа, а не возбуждающим средством, которое я дала тебе. Даже для твоего бессмертного тела могучие вибрации невидимого мира слишком сильны: обыкновенный организм разрушился бы, если бы его собственное ослепление не служило ему прочной броней.

В течение посвящения ты одухотворишь материю своего организма и без страданий будешь видеть, что происходит в пространстве.

Выпив питье, данное ему Нарой, Супраматти заснул. Когда он проснулся, он был свеж и спокоен, но невидимый мир скрылся для него. Телесные глаза его уже не видели ничего, хотя воспоминание об ужасных и чудных картинах, таившихся в прозрачном окружавшем его воздухе, оставалось живо в его памяти и заставляло его беспрестанно думать о важности духовной жизни.

Плотские наслаждения, светские удовольствия, удовлетворение мелочного самолюбия и богатство – все это побледнело и потеряло для него свой интерес. Супраматти хотел властно войти в невидимый мир теней, стряхнуть с себя материю и развить все способности своей души, чтобы стремиться к великому свету, наполняющему Вселенную.

Перед ним восстал Бог, безграничный и непостижимый в Своей мудрости и в Своем могуществе. Это не был Бог земного человека, приуроченный к его детскому пониманию; но Существо существ, могучее дыхание Вселенной,двигающее свое творение вперед к далекой и таинственной цели и управляющее по тем же незыблемым законам и мириадами атомов, и мириадами миров, неисчислимо число которых рассеяно в бесконечном пространстве.

Под влиянием таких мыслей Супраматти выразил Наре свое желание немедленно же приступить к своему посвящению, и она согласилась без малейшего колебания, советуя ему избрать для своих занятий замок в Шотландии.

– Это очень уединенное место. Там есть лаборатория, и все отлично приспособлено для занятий, к которым ты хочешь приступить, – заметила Нара. – Я с удовольствием поеду с тобой. Я уже давно утомлена пустой светской жизнью, чтобы сожалеть о ней. Напротив, я даже рада случаю заняться улучшением и развитием моей астральной силы.

Порешив на этом, оба стали деятельно готовиться к отъезду.

Супраматти без шума устроил свои дела и позаботился о содержании различных своих имений и дворца в Венеции, который должен был быть всегда готовым для принятия их.

Нара приготовила в отдельной комнате, ключ от которой она всегда носила с собой, запас сухой крови, хлеба, вина, соли и меда.

Однажды вечером принц Супраматти со своей женой Нарой тихо оставили Венецию, увозя с собой только одну горничную и Тортоза.

С сердцем, исполненным тем страхом, какой заставляет содрогаться живых людей при соприкосновении с оккультным миром, но со смелой душой, отправился Ральф Морган в свой замок в Шотландии.

Что готовит ему неизвестное будущее и загадочная судьба, превратившая его из ничтожного доктора и больного, осужденного на смерть человека, – в принца Супраматти, бессмертного и будущего ученика магов?